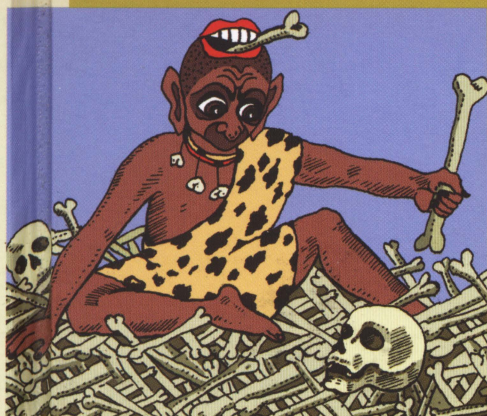

история/география/этнография

Владислав Петров

Древняя
история смерти

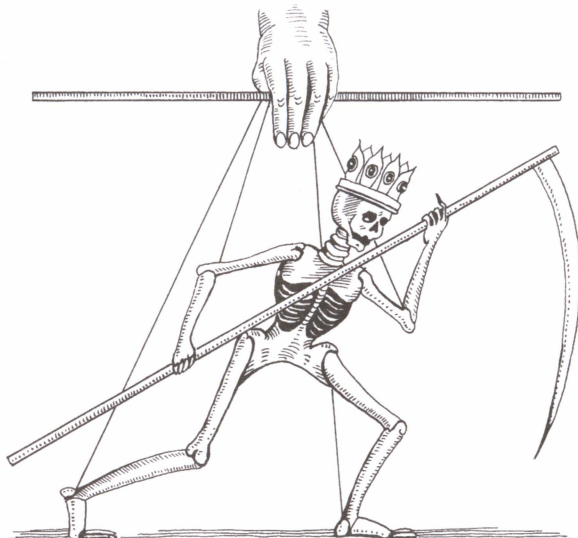
Древняя история смерти

Владислав Петров

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Владислав Петров

Древняя
история смерти

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 165.9
ББК 82.3(0)
П30

*Sanctus
Vitalis & Kali*

Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-130-4

© Владислав Петров, 2012
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2012

От автора

Наша жизнь — это короткое путешествие из небытия в небытие. Что с нами было (и было ли) *до* и что будет (и будет ли) *после* — дело темное. Но если о своем начале мы ничего не ведем и никак его заранее осмыслить не можем, то о том, что будет в конце, каков будет этот конец и будет ли он абсолютным, мы время от времени задумываемся. И пытаемся — одни с безнадежным страхом, другие с благостной верой, третьи, каковых микроскопическое меньшинство, с холодным, как скальпель, рассудком — понять тайну того, что нас ждет.

Если разгадать тайну смерти, то тогда, может быть, станет ясен и смысл ее — это при условии, что все не сводится к чистой биологии и метафизическая тайна имеется. А там и до смысла жизни недалеко.

Кроме того, если мы поймем смысл смерти, то, вероятно, сможем выявить

и ее автора. Ибо весьма логично предположить — так, во всяком случае, считали древние, — что у смерти, как и у жизни, есть конкретный автор и, вполне возможно, в обоих случаях постарался один и тот же персонаж. Хотя не исключено и то, что авторы у жизни и смерти все-таки разные. При этом они пребывают в противостоянии, которое, впрочем, не означает, что ничего общего у них нет. Наоборот, это противостояние, и больше того — противоборство, являет собой диалектическое единство в его совершенном воплощении.

Кстати, древнегреческое «агония», вошедшее в понятном для всех значении в современные мировые языки, в буквальном переводе означает «борьба». Словом «агон» древние греки называли все состязания — не важно, соревновались рапсоды, кто лучше исполнит под кифару сочинения Гомера, сходились в кулачном бою участники Олимпийских игр или боролись в теле человека жизнь и смерть...

Результатом последнего агона — какую религию не возьми — становится погибель брэнной оболочки и продолжение жизни души. У христиан смерть — это и вовсе рождение в вечность. И даже самые закоренелые атеисты оставляют себе надежду на то, что дело обстоит именно так.

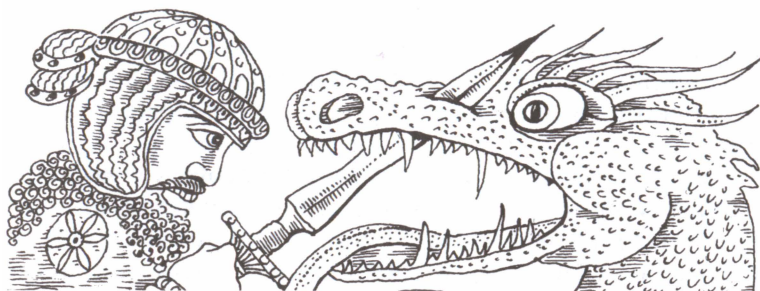
Вот только жаль, что такими, как при жизни, мы не будем уже никогда.

Эта книга посвящена представлениям о смерти, которые возникли и существовали на заре человеческой цивилизации. Откуда появилась смерть? Кто создал ее и зачем? Кто управляет ею и можно ли ее одолеть? И если можно — то как? И что вообще такое смерть — нелепая оплошность судьбы, которую можно исправить, или кара за прегрешения и вины, которые не искупить никак и никогда?

С тех пор как человек обрел разум, он ищет ответы на эти вопросы.

И может быть, только этим он отличается от животного.

Начиналось все хорошо...

Что было раньше:
жизнь или смерть?

В противостоянии жизни и смерти только одно, казалось бы, не должно вызывать сомнений: жизнь появилась раньше смерти. На ничтожное мгновение — но раньше. Иное трудно представить хотя бы потому, что для того, чтобы умереть, надо сначала родиться.

Однако не все так просто. Многих мифотворцев — а они-то и есть настоящие авторы древней истории смерти — препятствия не испугали, и в их трудах смерть предшествует жизни. Дескать, все сначала было неживым и даже пребывало в состоянии хаоса, но демиург позаботился о том, чтобы возникло нечто — земля и вода, к примеру, — а затем, посредством оживления мертвого, и перволюди.

В этом рассуждении тоже есть своя логика. Поэтому, дабы избежать сползания в спор, что было раньше, яйцо или курица, мы оставим поиск ответа на этот сложный вопрос кому-нибудь другому. А сами всего лишь определимся с точкой отсчета, которая существенна в любом деле.

Представляется, что для нас такой точкой может быть начало мирозидания. При этом не имеет значения, что — хаос, мертвая материя или абсолютная пустота — наличие

ствовало в пространстве на тот момент, когда заскучавший демиург надумал соорудить что-нибудь этакое. Важно другое — каков был первый шаг демиурга. И да наполняясь сердца человеческие гордостью — нельзя не отметить, что во многих мифологиях мирозидание начинается не с тверди, океанов и небес с облаками, а с бессмертного первочеловека, очень часто наделенного от божества широкими полномочиями по оживлению или сотворению всего и вся.

Никого не должно удивлять, что этот первочеловек нечасто похож на собственно человека — он может быть полупресмыкающимся, полуптицей, полумлекопитающим и даже полубамбуком. В конце концов почти всегда это опытный образец, не пошедший в серию, для изготовления которого применялись в порядке эксперимента самые невероятные материалы — от естественных в такой ситуации костей и мяса до воска, масла, травы, рыбьей чешуи, золота и экскрементов. К тому же зооморфные и прочие, не всегда даже понятно какие, черты в облике и образе мышления первочеловека компенсировало то, что ко всем прочим своим «полу-» он, случалось, был еще и полубогом или даже полноправным божеством, как, скажем, рожденный от луча звезды и луны китайский Чжуаньсюй. А божественная составляющая сильно меняет дело.

Случалось и такое, что в качестве первочеловека выступало бессмертное божество, которое на самолично созданной земле начинало активно плодиться и размножаться — иногда способом, обычным для человека, предварительно создав себе женщину (или, реже, мужчину, если божество женщина), иногда — вегетативно, а иногда — вступая в протиестественную связь с животными, растениями, горными породами и вообще со всем, что попадает на пути. Но как бы то ни было, в результате его бурной деятельности и беспорядочных интимных связей зарождалось человечество или, по крайней мере, один народ, люди которого на первых порах, за редким исключением, понятия не имели, что же это за штука такая — смерть.

Из всего этого следует, что применительно к человеку жизнь все-таки первична. И в дальнейшем мы примем это

за аксиому. Что же касается смерти, то она, надо полагать, явилась всего лишь ответным шагом на появление жизни, ибо мир симметричен и все в нем должно уравниваться.

Смерть как фундамент мироздания

Справедливости ради скажем, что смерть, хотя и возникла позже жизни, непостижимым образом, согласно многим мифологиям, оказалась необходима для запуска механизма всего сущего. Поясним эту запутанную ситуацию на примере, бросив взгляд на географически близкую нам Скандинавию.

Здесьшний первочеловек Имир, или, как его еще называют, Аургельмир, образовался из льда. Под левой рукой Имира из его пота возникли мужчина и женщина, от которых произошли все германо-скандинавские народы, а ноги, совокупившись друг с другом — далее мы и не про такое узнаем! — зачали прародителя великанов-ётунов шестиглового Трудгельмира, потомком которого является бог хитрости и обмана Локи. Но знаменит Имир все-таки не родством с Локи, а тем, что после смерти его расчлененное тело стало материалом для сооружения Скандинавии: из мяса получилась суша, из крови — вода, из костей и зубов — горы, из черепа — небесный свод, из волос — лес, из мозга — облака. В общем, безотходное производство...

Что важно, смерть Имира от рук богов-асов оказалась явлением единичным, и с точки зрения статистики на нее следует закрыть глаза. А если не принимать ее в расчет, то можно утверждать, что бессмертие до определенного момента правило бал в скандинавских пределах. Умирать скандинавы — боги и вслед за ними люди — начали значительно позже, и мы это событие ни в коем случае не обойдем стороной.

Похожая судьба постигла индийского Пурушу, которого, правда, можно назвать первочеловеком лишь с изрядной натяжкой, зацепившись за то, что с санскрита его имя переводится прежде всего как «человек» и «мужчина». Но если

Имир преобразовался в Скандинавию (и не более того), то из Пуруши, согласно индуистской мифологии, была создана ни много ни мало вся вселенная. Масштаб, прямо скажем, поражает.

По другой версии, бытующей у индийцев, исповедующих индуизм, вселенная развилась из плававшего в хаосе брахманды — золотого яйца, в которое превратилось семя четырехголового и четырехрукого Брахмы. Так вот, Брахма не только пожертвовал свое семя, но и мысленным усилием преобразовал яйцо в небо и землю, раздвинул их и немало способствовал тому, чтобы в образовавшемся между ними пространстве сформировались и начали автономное существование основные атрибуты мироздания.

Не обошлось без яйца и в китайском варианте появления всего сущего. Китайский первочеловек Пань-гу появился на свет в смутное время, когда макрокосм походил на куриное яйцо и ничего, кроме этого яйца, не существовало. Да и само это яйцо, возможно, только для того и возникло, чтобы в нем зародился Пань-гу. Поначалу он имел облик собаки, но затем очеловечился, и только голова так и осталась собачьей.

Пань-гу рос с неимоверной скоростью — на один чжан (около трех метров) в день — и за относительно небольшой по космическим меркам срок вымахал до 90 тысяч ли, что составляет примерно 45 тысяч километров. При таком росте не вызывает удивления, что, взяв зубило и топор, он без посторонней помощи сумел отделить небо от земли. Однако эта работа так утомила гиганта, что он упал и умер.

Впрочем, главную пользу Пань-гу принес после смерти: его плоть стала плодородной почвой, кровь — реками, вены и жилы — дорогами, по которым незамедлительно принялись сновать китайцы (откуда они взялись, см. в конце абзаца), левый глаз превратился в солнце, правый — в луну, прическа и усы — в созвездия, а волосы в других местах тела — в деревья и травы, руки и ноги сделались четырьмя сторонами света, пальцы и кое-какие другие части тела — горами, зубы и кости — золотыми россыпями и драгоценными камнями, костный мозг — жемчугом и нефритом, дыхание — ветром, голос — громом и даже пот пошел в дело,

обернувшись дождем и росой. Но самое главное сделалось с паразитами, обосновавшимися на теле гиганта: они превратились в китайцев... Тут автор хотел бы отметить все возможные упреки в антикитайских настроениях и подчеркнуть, что ничего не придумал, а всего лишь добросовестно изложил сочинение китайских мифотворцев.

Японские Небо-Изанаги и Земля-Изанами вместе составляли также нечто вроде яйца с зародышем в центре. Но затем, стоило им разделиться, они сразу же обрели человеческий облик и предстали мужчиной и женщиной. Примечательна судьба Земли-Изанами. В результате супружеского акта она произвела на свет все японские острова, но подорвала на этом здоровье: в лоне ее загорелся огонь и она умерла. Тело Изанами не пропало даром: во время агонии из него возникло множество богов.

Знамя, выпущенное Изанами из рук, было подхвачено ее дочерью Укемоки. А после того, как Укемоки убил бог Солнца, из ее тела образовались растения и животные, в том числе из верхней части головы — бык и конь, из лба — прося, из бровей — шелковичные черви, а из влагалища — бобы...

Богиня Тиамат, вавилонского происхождения, и вовсе не имела в своем облике ничего человеческого. Древние тексты не дают прямых ее описаний, но, судя по всему, она представляла собой нечто драконообразное. Недаром ее обыкновенно изображают крылатым четвероногим чудищем. И вот с этим монстром вступил в схватку вавилонский верховный бог Мардук, вооруженный луком, дубинкой и сетью.

Жаркая битва закончилась безоговорочной победой Мардука, который, умертвив Тиамат, разрубил ее надвое и создал из верхней части ее тела небо, из нижней — землю, а из глаз — реки Тигр и Евфрат. После этого он наметил план сотворения человека, который и претворили в жизнь нижестоящие боги, употребив в качестве материала кровь мужа Тиамат — чудовища Кингу.

Вавилонская, скандинавская, китайская и индийская мифологии отнюдь не исключения из общего правила. Аналогичные, хотя, вероятно, не столь яркие персонажи, в расчлененном виде послужившие кирпичами мироздания, есть в мифах самых разных народов.

Обновление через умирание и оживление

Симметрия жизни и смерти возникла не сразу: перволюди — причем все, а не только те, кто во второй своей ипостаси пребывал в качестве божества, — жили себе не тужили в счастливом незнании, принимая свое богатырское здоровье и перспективу бесконечной жизни как данность. Бессмертие по большей части давалось им без особых усилий.

Полинезийские аборигены всего лишь худели при убытии месяца и толстели, когда он рос, оставаясь при этом вечно молодыми и здоровыми. Жителям Меланезии и индейцам некоторых южноамериканских племен достаточно было, как повествуют местные мифы, сбрасывать, подобно змее, старую кожу. Этот процесс порой сопровождался разными сложностями или болезненными ощущениями, но потерпеть стоило — по его завершении наступало полное омоложение, и продолжалась беззаботная жизнь.

Правда, в иных местах перволюди все-таки умирали, но затем неуклонно возрождались — то есть смерть их была не совсем настоящая, как бы понарошку. Например, первопредки австралийского племени аранда доживали до старости, которая венчалась временной смертью, а затем следовал новый жизненный цикл. То же самое происходило с первопредками южноамериканских индейцев яяйо, кашибо, карибов, таманаков, она и некоторых других. Их души ненадолго покидали свои постаревшие пристанища и, видимо, что-то обретали на стороне, поскольку по их возвращении тела резко молодели и все начиналось заново. А тямы, живущие ныне в основном во Вьетнаме и Камбодже, и того проще оживляли друг друга корой чудесного дерева.

Сестры Ваувалук и братья Багадъимбири

В некоторых случаях обновление напоминало фильм-ужастик. Например, мифы австралийского племени юленгоров утверждают, что матерей-прародительниц сестер

Ваувалук проглатывал и затем выплевывал посвежевшими и помолодевшими гигантский змей-радуга, — видимо, в его пищеварительной системе действовали какие-то особые омолаживающие ферменты. Кстати, в Южной Азии в пределах проживания народа мунда другой змей-радуга, брат-близнец австралийского, однажды взял на себя не менее важную роль — прекратил льющийся с неба огненный дождь и тем самым спас людей от верной гибели. В общем, животное было во всех отношениях полезное...

С сестрами Ваувалук по части необычности своей биографии могут поспорить два брата Багадьимбири, центральные герои мифов австралийского племени караджери. Эти имевшие гигантский рост братья совершили множество достойных деяний, в частности дали названия небесным светилам, животным и растениям, благодаря чему те и начали свое существование, а также наградили встреченных бесполок до того людей половыми органами, сделанными из грибов. Багадьимбири не старели, поэтому омоложение им не было нужно, но зато потребовалось оживление.

Гуманитарная деятельность братьев, как ни странно, натолкнулась на сопротивление. Нашелся недовольный, который улучил момент и нанизал обоих на копьё. Кто знает, может быть, он страдал аллергией на грибы? Оживило братьев молоко их матери богини Дилги, которое хлынуло с небес на землю неистовым потоком, едва ноздри богини учуяли запах разлагающихся гигантов.

Позже Багадьимбири отбыли на небо, где и ныне пребывают в полном здравии. Это решение было единственно правильным, поскольку в дальнейшем бессмертие — настоящее, в прямом смысле этого слова, когда человек/полубог/божество пребывает во плоти, — только на небесах и сохранилось.

Утрата пути на небо

Наивные перволюди, еще не обеспеченные опытом поколений, не знали, что всему хорошему приходит конец. И похоже, у них опускались руки, когда в один не

самый прекрасный миг они — каждый по-своему — узнавали, что отныне будут умирать необратимо. Причины потери бессмертия перволюдьми разнообразны, и разобраться в них чрезвычайно сложно. Одних постигло наказание за какой-то проступок — причем тяжкий грех, непреднамеренная ошибка и мелкая оплошность карались, в сущности, одинаково. Другие пали жертвами рокового стечения обстоятельств, а то и вовсе какого-нибудь незначительного события. И наконец, немаловажную роль сыграли вредоносные козни самых разных персонажей — божеств, представителей преисподней, других перволюдей, животных, птиц и неодушевленных предметов...

Вышестоящая инстанция в лице божества, главенствующего в соответствующей мифологии, происшедшее часто никак не мотивировала, и это, вероятно, делало ситуацию обидной вдвойне. Именно так — без всякого объяснения резонов — стали смертными перволюди некоторых племен, до сих пор проживающих в Австралии и Океании. Те же люди караджери с половыми органами из опят и подберезовиков начали умирать только потому, что имели отношение к Багадзимбири, — смерть после оживления братьев-гигантов, чтобы не ходить далеко, обосновалась среди ни в чем не повинного племени.

Правда, чтобы процесс на австралийской земле пошел, должно было ко всему прочему еще и прерваться постоянное сообщение между небом и землей, осуществляемое аборигенами с вершины горы или кроны дерева, посредством шеста, лестницы, столба и вообще всего того, что устремляется вверх. Этот мотив повторяется в мифах едва ли не всех австралийских племен.

Казалось бы, кто предупрежден — тот вооружен. Но как ни берегли аборигены средства связи с небом, все они были так или иначе утрачены, а горы, которые остались на месте, почему-то перестали выполнять свое предназначение. Таким образом, с некоторых пор до неба могли добираться только отдельные герои, сохранившие способность преодолевать земное притяжение в индивидуальном порядке, чего для сохранения бессмертия всех людей оказалось явно недостаточно.

Вот как произошла потеря бессмертия племенем ачилпа. Божество Нумбакулла, чье имя означает «Существующий вечно», смазало кровью свой шест каува-аува, сделанный из цельного ствола эвкалипта, и полезло на небо, приказав первочеловеку ачилпа лезть следом за собой. Но первочеловек не совладал со скользким шестом и грохнулся на землю. Нумбакулла тем временем забрался на небо и утянул каува-аува за собой. Больше ачилпа Нумбакуллу не видели. Но, окажись первочеловек ловчее, ачилпа до сих пор пользовались бы всеми благами вечной жизни.

Смерть по прецеденту

Живущий в Кении и Танзании народ чагга утратил свойство жить бесконечно после того, как одна из женщин отослала сына за водой, а сама давай менять старую кожу на новую. Но мальчик оказался шустрым и вернулся, когда процесс, который никак нельзя было видеть посторонним, находился в самом разгаре. Женщина тут же умерла — может быть, даже от стыда, что ее увидели в состоянии, которое хорошо характеризуется выражением «ни кожи ни рожи», — а мальчика ее сородичи выгнали из деревни, и он поселился в лесу, где от него произошли все местные обезьяны.

У этой истории есть вариант, согласно которому за водой женщина отправила не сына, а дочь и специально продырявила сосуд, чтобы девчонка подольше задержалась у источника. Но дочь сообразила заткнуть дырку пальцем — и была за находчивость жестоко наказана: мало того что лишилась матери и осталась сиротой, так ее еще и вышибли в лес, где, достигнув половозрелого возраста, она нарожала множество обезьян.

Обе версии мифа сводятся к тому, что после смерти женщины прочие чагга начали умирать, так сказать, по прецеденту, который в историях со сменой кожи играет очень серьезную роль. Стоило кому-нибудь одному сменить кожу в неурочный час, сделать это без соблюдения нужных ритуалов или вовсе позабыть вовремя избавиться от старой оболочки, так сразу — хоть в Центральной Африке, хоть

в Южной Америке, хоть на островах Адмиралтейства, входящих в состав Новой Гвинеи, — это отражалось на жизни, а точнее, на смерти всего племени.

Иногда прецедент устанавливался довольно странным образом. Вот, скажем, умерла собака демиурга, сотворившего племя суто, проживающее на юге Африки. Демиург хотел ее оживить, но воспротивились его родители и сестра, которые надумали полакомиться собачатиной. Демиург спорить с семьей не стал. Но когда умерла его сестра, выяснилось, что оживить ее невозможно — если смерть хотя бы однажды получила добычу, пусть даже в виде собаки, то ее уже не остановить.

Вообще надо сказать, что смерть по прецеденту распространена весьма широко. Мы сейчас не станем описывать конкретные случаи, но из дальнейшего изложения истории взаимоотношений человека и смерти будет ясно, что это не пустые слова.

За что?!

Хорошо, однако, когда народы, народности и племена хоть как-то могут объяснить, почему они не живут вечно: прецедент ли в том виноват, их собственные прегрешения, чьи-то ошибки, чьи-то происки или некий установленный для всех порядок: например, палестинские арабы умирают потому, что прогорает и гаснет масло в плошках, установленных в Нижнем мире, а прочие арабы и многие мусульмане потому, что с дерева, растущего у трона Аллаха, слетает лист с именем обреченного. Но нередко бывает так, что людям остается только гадать о причинах своей недолговечности.

Нечто безумное случилось с племенем индейцев офайе, живущим в Южной Амазонии. Племя в качестве коллективного действующего лица втянули в пьесу абсурда, в которой были и раскрашенная мальчиками говорящая анаконда, и дети, живущие в озере, и пенис, изваянный смеющейся женщиной из воска и затем растаявший на солнце, и мужчины, превратившиеся в стервятников. И вся эта катава-

сия завершилась лишением офайе бессмертия. То ли нельзя было раскрашивать анаконду, то ли в стервятников превращаться, то ли проделывать эксперименты с восковым пенисом и хихикать при этом...

А вот какой случай имел место в Северной Америке с индейцами зуни. Я постараюсь изложить всю цепочку событий.

У некоего юноши был ручной орел. Юноша любимую птицу холил и лелеял, однако его родители и братья без всякой причины, из чистого самодурства, вознамерились орла убить. Орел узнал об этом и сообщил юноше, что хочет улететь. Юноша попросил взять его с собой. Он собрал еды на дорогу, уселся орлу на спину, и они вместе устремились в зенит, где в небе имелось отверстие. Благополучно пролетев через него, они опустились на бирюзовую гору, обнаружившуюся по ту сторону небесной тверди.

Но это были только цветочки. Не успел юноша оглядеться по сторонам, как орел скинул оперение и сделался девицей. Впрочем, покрасовавшись немного перед молодым человеком, она снова превратилась в орла, который подхватил юношу и понес в свое пуэбло, то бишь селение. Здесь орел опять стал девушкой, и юноша женился на ней. Все случилось так быстро, что он еще даже не успел доесть всю еду, прихваченную из дому. В качестве свадебного подарка ему достался орлиный облик.

Но тут как раз человеческая еда у юноши закончилась, а орлы, как известно, питаются исключительно сырым мясом. Он же, несмотря на обретение клюва и оперения, питаться, подобно другим орлам, не мог. Хорошо еще, что его выручили аисты, поделившись растительной пищей (хотя большой вопрос, откуда у плотоядных аистов растительная пища). Подкрепившись, молодой муж отбыл вместе с женой на праздник, где в центре событий оказались пляшущие мертвые девушки, и дальше начинается кошмар.

Хотя жена-орлица предупреждала, чтобы он ни в коем случае не смеялся при этих плясуньях, юноша все-таки позволил себе разок улыбнуться. Девушки только этого и ждали — они вцепились в него и потащили за собой.

Бедняга потерял от ужаса сознание, а когда очнулся, увидел себя в окружении множества скелетов. Он нашел в себе силы встать на ноги и побежал, шурша перьями, но не спастись ему, если бы не пришедший на помощь барсук.

Юноша юркнул в его нору, отсиделся, пока скелеты бесновались по окрестностям, и даже выпил поднесенного отвара каких-то трав, отчего все перья разом выпали. Он закручинился, поскольку надеялся долететь до земного дома, где жили-поживали родственники-самодуры, которые теперь уже не казались ему такими ужасными. Однако аисты выручили его еще раз, дав на время свои старые крылья, на которых он и спустился на землю. Едва он ощутил твердую почву под ногами, как явилась жена-орлица, забрала аистовые крылья и была такова.

Следствием всех этих событий стало то, что зуньи стали умирать. Ну и где тут, скажите на милость, логика?

Творцы-разгильдяи

Создается впечатление, что творцы, берясь за создание людей, действовали по большей части без четкого плана, шли на неоправданные эксперименты, а порой демонстрировали вопиющую халатность. Нередко они замахивались на что-то масштабное, но по ходу дела теряли интерес к своему занятию и бросали его на середине, отдавая все на волю случая. Поэтому существенную роль в судьбе рода людского сыграли всякого рода нелепицы.

О небесной бюрократии

Алтайский верховный бог и громовержец Ульгень сотворил человеческие тела и поручил ворону слетать за бессмертными душами к общетюркскому верховному богу Кудая. Отношения у Ульгения и Кудая были запутанные, поскольку первый, хотя и числился полноправным демиургом, не мог не подчиняться второму, в управлении которого находились дела многих тюркских народов, в том числе и алтайцев. Все это, конечно же, мешало богам четко исполнять свои функции и приводило иной раз к казусам.

В случае с человеческими душами, создать которые Ульгень, разумеется, мог и сам, он вынужден был — вероятно,

в опасении начальственного окрика — действовать по бюрократической цепочке.

Пока ворон летал, заготовки людей охраняла специально созданная Ульгением для этой цели собака. Казалось бы, все Ульгень предусмотрел, но проконтролировать полет своего курьера не удосужился. Ворон же, получив в администрации Кудая указанные в накладной бессмертные души, ухватил их клювом и полетел обратно. И надо же было такому случиться, что прямо по курсу он увидел дохлую корову. Охочий до падали ворон плотоядно каркнул, души из клюва вывалились и упали аккурат на хвойные леса, которые благодаря этому сделались вечнозелеными, а люди так и остались лежать недоделанными.

Позже вопрос с душами для них решился усилиями Эрлика — повелителя алтайского царства мертвых. Один из вариантов мифа повествует, что Эрлик вдохнул душу в первочеловека, вставив тому дудку в задний проход. Принимать дар от руководителя преисподней было негоже, но, поразмыслив, Ульгень предпочел закрыть глаза как на происхождение дареных душ, так и на способ их водворения в тела. Видимо, вся эта тягомотина сильно надоела алтайскому верховному богу и ему хотелось поскорее поставить точку в деле, которое выглядело таким простым и оказалось столь сложным. Хотя, конечно же, он понимал, что род занятий Эрлика не самым лучшим образом повлияет на качество людей.

А вскоре выяснилось, что хитроумный Эрлик заботился прежде всего об улучшении демографической ситуации в собственном царстве: в обмен на души, вложенные в алтайских перволюдей, он потребовал, чтобы и сами перволюди, и все последующие поколения алтайцев в обязательном порядке рано или поздно становились его вечными подданными. И Ульгень, проявив последовательность, счел эти требования справедливыми.

Примерно так же решил вопрос с народонаселением своей подземной страны ненецкий бог Нга. Смерть, согласно представлениям ненцев, предшествует жизни, и это, казалось бы, опрокидывает принятую нами за аксиому идею

о ее вторичности. Но если вдуматься, то становится ясно, что здесь имеет место терминологическая неразбериха. Ведь в стране Нга бурлит самая что ни на есть настоящая жизнь — пусть даже и подземная. И для каждого конкретного существа завершается эта жизнь смертью, которая, в сущности, есть рождение в жизнь земную. В результате все так запутывается, что невозможно понять, где жизнь настоящая: на земле или под землей, — тем более что обитатели обоих миров находятся в постоянном взаимодействии.

Расставить все по своим местам помогает разве что вариант мифа, сообщающий, что именно Нга сделал людей смертными. Поначалу люди жили исключительно на земле, но тут Нга объегорил другое ненецкое божество, Нума: он скромно попросил выделить себе для жилья места ровно столько, сколько займет кончик палки. Наивный Нум согласился, а Нга проткнул палкой землю и завладел всем подземным миром. Для вновь обретенной страны ему потребовались люди, и он наделил их способностью умирать.

В общем, и у ненцев с бессмертием не сложилось...

Демиург, ведающий той частью территории Камеруна, где живет народ бамум, как-то с превеликим удивлением обнаружил на подотчетной местности человеческие трупы. А их в принципе там не должно было быть, поскольку народ бамум числился бессмертным.

Демиург тут же вызвал Смерть — в тех краях это имя носил антропоморфный персонаж мужского пола — и поинтересовался, не приложил ли Смерть ко всему этому руку. Смерть ответил, что приложил, но действовал исключительно по просьбе народа бамум. Изумленный демиург, который даже представить не мог, что кто-то может отказаться от бессмертия, взгляделся сверху вниз в подотчетную территорию и увидел сценку: бедный раб, урожденный бамум, стонет от непосильного труда и не только молит о смерти, но и предъявляет претензии к мирозданию и лично к нему, демиургу, за то, что родился на белый свет.

Сердце демиурга переполнилось печалью. И он признал правомочность и даже гуманность поступка Смерти.

И вместо того, чтобы — как уже собирался — оживить мертвые тела, решил, что отныне Смерть будет убивать тех представителей народа бамум, которым по какой-либо причине плохо живется.

Таким образом, все было сделано, исходя из блага трудящихся... А Смерть получил индульгенцию и с тех пор, посвистывая, гуляет по Камеруну и прореживает, как ему хочется, народ бамум.

Мы не будем искать ответ на вопрос, почему демиург ограничился изучением жизни раба и не поинтересовался тем, как живут, к примеру, свободные земледельцы народа бамум и хотят ли они умирать... На то он и демиург, чтобы интересоваться только тем, чем захочет. А демиургов, увы, не выбирают — с ними живут и умирают. И тут народу бамум можно лишь посочувствовать...

Яйца даяков

У семангов, населяющих внутреннюю часть Малаккского полуострова, все начиналось неплохо. С небес спустились два брата, Аллах и Та Аллах; первый вылепил из подручного материала мужчину, а второй — женщину. Работу над женщиной на этом сочли законченной, а вот мужчине еще не хватало души (женщине душа не требовалась), и Аллах отправился к верховному божеству Тохану. Тот в душе не отказал, но выдал ее в жидком виде. И надо же было случиться такому: на обратном пути Аллах споткнулся, душа выплеснулась и вся ушла в землю. Пришлось заменить ее душой, взятой у банана. Состоящая из воздуха банановая душа подошла мужчине как влитая и всем оказалась хороша, но, в отличие от «водяной» души, бессмертие обеспечить ему не смогла.

Демиург Манзамби, известный в бантуязычной Африке (а это почти вся территория континента южнее пустыни Сахара), зачем-то создал бессмертный народ йомбе в виде полулюдей с одной рукой, одной ногой, половиной головы и т. д. И это йомбе, признаться, сильно мешало — ни про-

бежаться, ни поплодировать, да и соображать половиной мозга тяжело...

Тем не менее, напрягши мысль, йомбе отправили депутацию к Манзамби с просьбой сделать хоть что-нибудь. Тот, не сходя с места, изваял женщину по имени Мбенде с двумя руками, двумя ногами, цельной головой и всем прочим цельным и пояснил, что он может сделать йомбе точно такими же, но тогда они, увы, будут умирать. А вот так, чтобы они, с одной стороны, были целиковыми, а с другой — бессмертными, у него никак не получается.

Йомбе существовать в полутелах не хотели и ответили согласием. Наивные, они, возможно, полагали, что Манзамби начнет соединять их друг с другом, а кое-кто, не исключено, рассчитывал при этом на удовольствие. А если были среди них пессимисты, то даже самые отъявленные из них вряд ли предвидели методы, которыми будет действовать демиург-бракодел.

Манзамби же, не мудрствуя лукаво, просто сжег всех полуйомбе, а жить оставил только Мбенде и ее ребенка (хотелось бы знать, от кого она родила — уж не от полумужчины ли?), которым и предстояло в дальнейшем положить начало современным йомбе, пусть смертным, но зато двуруким и двуногим.

Перволюди, давшие начало туземному населению архипелага Самоа, возникли на дереве, посаженном местным демиургом Нареау. А затем тот же Нареау вздумал произвести на небесах уборку и весь мусор — как-то: болезни, боль, старость, седину, чувство голода и смерть — свалил в корзину и спустил на землю. Трудно сказать, задумывался ли он о последствиях этой акции для людей. Скорее всего, не больше, чем задумываются дачники, когда относят мешки со всяким хламом в лес, подальше от своих участков.

Демиург Палоп пополоסקал в тазике свои грязные гениталии, а затем предложил выпить эту воду индейцам суруи, которые обитают на территории современной Боливии. Индейцы сказали Палопу все, что о нем думают, воду выплеснули и чуть было не получили за это по первое число...

В самый последний момент демиург сообразил, что забыл сообщить суруи самое главное: выпившие воду стали бы бессмертными. Но повторять номер с тазиком почему-то не стал...

Первопредков живущего на Сулавеси горного народа тораджи, знаменитого тем, что хоронит своих мертвых в висячих гробах на отвесных скалах, тоже подвела халатность их создателей. Боги сделали фигурки людей, и один из богов, Тун Пуэ-ламоа, подался на небо за «долгим дыханием», без которого никакое бессмертие на Сулавеси невозможно. Пока он отсутствовал, другой бог, Комбенхи, по недомыслию отнес фигурки на вершину горы, где их оживил ветер. Но, увы, ветер обладал только «коротким дыханием», и люди, которые замышлялись бессмертными, получились недолговечными.

Бессмертие народа исанзу, живущего в Кении и Танзании, не состоялось из-за легковесного подхода, который проявили вышестоящие инстанции в лице божеств солнца и луны. Первоначальная идея была правильная: божества решили, что жить вечно достойны только самые мудрые. Из числа многих претендентов в финал вышли женщина из племени исанзу и змея, и им предложили психологический тест — выбрать между кувшином и корзиной. Женщина потянулась к кувшину, а змее досталась корзина.

Кувшин от прикосновения женщины упал и разбился. Из всего этого божества сделали вывод, что змея мудрее, и с тех пор все местные змеи омолаживаются, меняя кожу, а люди — нет.

Верховный бог Имана, окормляющий народы, которые населяют Руанду и Бурунди, как-то решил даровать бессмертие народу руанда, он же баньяруанда. Но умудрился перепутать людей со змеями. На другой день — видимо, проспавшись — он понял, какую ошибку совершил, и все перерешил, и даже велел людям убивать змей.

Но одно дело — перерешить, а совсем другое — переделывать. Что-то там опять Имана напутал, и в результате полу-

чилось, что руанда как были, так и остались смертны. Впрочем, и змеям не поздоровилось...

Бог индейского племени юма сам стал жертвой собственной небрежности — жаль только, что при этом пострадали люди. Как-то ночью в темноте он коснулся вагины своей дочери Лягушки. Начался страшный переполох. Бог оправдывался, бил себя в грудь, кричал, что все произошло случайно и он в мыслях не имел совершать инцест, но дочь не верила и обвиняла его в сексуальных домогательствах. Каждый остался при своем.

Лягушка решила отомстить свой позор и начала изводить отца колдовством. Видимо, она была в этом деле очень искусна — бог захворал и умер, так и не сумев доказать свою невиновность. А вслед за ним по аналогии стали умирать и сотворенные им индейцы, хотя они-то уж точно ни в чем не были виноваты...

Бог Ранджинг Аталла спустился на землю, выросшую не где-нибудь, а на голове у плавающего в море змея, и увидел семь яиц. Он исследовал их содержимое — вероятно, на предмет изготовления глазуньи — и в одном обнаружил мужчину, в другом женщину и что-то еще в остальных пяти. Найденные в яйцах люди не дышали.

Ранджинг Аталла, не обладая средствами для оживления, поспешил за помощью в Верхний мир. Но пока он сновал туда-сюда, мимо пролетал бог ветра и, самостоятельно проведя реанимационные мероприятия, вдохнул в людей жизнь. Так возникли первопредки даяков, чья родина на юго-востоке Борнео. К сожалению, жизнь, полученная от бога ветра, оказалась слишком легка, и поэтому бесконечное существование перводаякам и их потомкам было не суждено.

Ниасцев, или, как они называют себя сами, ниha, живущих на острове Ниас, расположенном вблизи острова Суматра, одарить вечной жизнью мог как раз ветер — точнее, очень сильный ветер. Так распорядился бог Верхнего мира Ловаланги. Но похоже, Ловаланги переоценил силу ветра на

Ниасе. На то, чтобы оживить первопредков ниха и поддерживать жизнь их потомков на протяжении нескольких десятков лет, ветра еще хватает, но случаев бессмертия среди местных жителей не наблюдается.

Люди из глины и камня

Боги сделали семь фигур первых манси из лиственницы и семь из глины, но легкие деревянные — и перспективные, как указывает миф, с точки зрения вечной жизни — фигуры разлетелись от дыхания «верхнего бога» Нум-Торума. Пришлось Калтась-экве, младшей сестре Нум-Торума, оживить фигуры из глины, качество которых на поверку оказалось ниже среднего. Они тонули в воде, страдали чрезмерной хрупкостью конечностей, болезненно потели и вообще маялись разными хворями — какое уж тут бессмертие!

Другой вариант этого мифа сообщает, что Нум-Торум лично сделал первоманси из смеси глины и снега, а затем покрыл еще бездыханные тела особо твердой оболочкой — абсолютной гарантией бессмертия — и пошел за душами. Но пока он отсутствовал, в его мастерскую проник глава Нижнего мира Шул-Атыр и всю эту чудесную оболочку содрал, как антипригарное покрытие со сковородки. Когда Нум-Торум вернулся, ничего поделать уже было нельзя, и он оживил заготовки, испорченные Шул-Атыром.

Первомужчина эскимосов чугач, коренных жителей Аляски, был сотворен местным богом из камня, но, когда уже работа подходила к концу, бог перестарался и сломал бедняге ногу.

Пришлось все начинать сначала, но больше камня у бога под рукой не оказалось, и он слепил первочугача из глины. В дальнейшем у этой модели выявился один, но существенный недостаток — с годами глина начала осыпаться, первочугач постепенно старел и функционировал все хуже. Тем

не менее бог превратил глину в человеческую плоть и запустил модель в серию.

При этом он дал первому поколению серийных чугачей шанс на бессмертие. Для этого им, четверым братьям и сестре, необходимо было — ни много ни мало — подстрелить смерть, принявшую облик седого старика и засевшую в гнезде на высоком дереве. В случае удачи они навсегда остались бы молодыми. Но легко сказать — трудно сделать. Сколько ни стреляли братья и сестра, их стрелы ломались в полете...

Народ мизо, проживающий в Восточной Индии, тоже был сделан из глины. Его история — сюжет, как минимум, для небольшого романа.

Местный бог вылепил мужчину и женщину, но дело до конца не довел и отправился спать. Пока он восстанавливал силы после тяжелой работы, приползла змея и фигурки проглотила. На следующий день все повторилось: бог опять весь день занимался лепкой, опять устал, и опять в самый ответственный момент его сморил сон. То же самое случилось и в несколько последующих дней. Бог каждое утро с маниакальным упорством брался за глину, но к заходу солнца останавливался на полуфабрикате. Наконец он сообразил вылепить охранника-собаку, и она, когда змея приползла, чтобы привычно проглотить глиняные фигурки, прогнала ее прочь.

Наутро бог доделал мизо и оживил, но и змея, которой, надо полагать, осточертела глиняная диета, была вознаграждена за настырность: мизо были сотворены смертными, чтобы змея могла пожирать их бранные останки. Впрочем, вскоре змея едва не была снова посажена на голодный паек, поскольку у мизо появилась реальная возможность сделаться вечноживущими.

Как-то семеро братьев мизо отправились с лес по дрова. По дороге они убили оленя и велели самому младшему заняться готовкой, а сами — раззудись плечо, размахнись рука! — взялись за топоры. Когда настало время обеда, усталые, но довольные, предвкушая, как набьют животы мясом, шестеро братьев вернулись на поляну, где оставили своего

младшенького, и увидели, что никакого обеда нет. Младший брат развел руками и понес околесицу: мол-де, он разрубил оленя на части и положил на листья, но тут с дерева на оленину упали другие такие же листья, вследствие чего куски мяса собрались воедино, олень ожил, вскочил на ноги и убежал.

Понятно, что оголодавшие братья не поверили ни единому его слову. И кто-то из них в сердцах взмахнул топором — а может быть, и не в сердцах, а с научной целью, дабы экспериментом подтвердить услышанное... В любом случае это была отличная идея. Кровь хлынула потоком, но не успел младшенький упасть замертво, как с чудесного дерева, название которого, к сожалению, осталось неизвестным, на его тело посыпались в изобилии листья. Свежеубиенный зашевелился, рана его вмиг заросла, и он живехонький предстал перед братьями. Первыми его словами после воскресения, надо полагать, были: «Ну, кто из нас прав?!» И старшим братьям, вероятно, ничего более не осталось, как признать свою ошибку.

Забыв про лесозаготовительные работы, они собрали замечательные листья, содрали с дерева кору, которая также обладала оживляющими свойствами, и с песнями пошли домой. Листья пригодились почти сразу: ими была оживлена дохлая собака — наверное, та самая, что когда-то защитила недолепленных мизо от змеи. В деревне листья и кора были разложены для сушки, и оживленной собаке велели глаз с них не спускать.

Но, увы, про находку мизо узнали солнце и месяц. Действуя сообща, они заморочили собаке голову и выкрали листья и кору. Собака погналась за ними, и погоня эта продолжается по сей день. Время от времени собаке удается схватить то одного, то другого, и тогда происходят затмения, но в последний момент удача ей изменяет.

Как бы то ни было, солнце и месяц спасли (во всяком случае, пока) змею от необходимости менять рацион. Что касается мизо, то они, понятное дело, ринулись обратно в лес, но найти дивное дерево им не удалось. Есть предположение, что оно просто зачахло — зря братья ободрали с него всю кору.

Хотели как лучше...

Люди народа джуанг из индийского штата Орисса когда-то жили, умирали и воскресали согласно ритуалу, уставленному местным демиургом Махапурубой. Демиург же указывал, что человека, дабы он правильно воскрес, следует для начала правильно закопать. Правильно погребенные джуанги через некоторое время после похорон выбирались из могил и жили в полное свое удовольствие до следующей промежуточной смерти, а те, кому по какой-то причине не повезло быть закопанными, превращались в злых духов и лютовали по окрестностям. Их Махапуруба предписал отлавливать и сжигать дотла.

Точнее, они должны были превращаться и лютовать, но превращались или нет, доподлинно неизвестно. Дело в том, что, согласно мифу, джуанги неукоснительно выполняли ритуал, установленный Махапурубой, и повода для появления злых духов не давали. А если кто и давал, то это не становилось достоянием широкой общественности. В любом случае можно смело говорить, что число злых духов, произшедших от джуангов, было невелико.

Так продолжалось до тех пор, пока не умер один мужчина и его вдова вместо того, чтобы соблюсти обряд и предать тело земле по всем правилам, чуть ли не принародно отволокла труп в лес. Позже, когда дошло до разбирательства, она объяснила это тем, что, дескать, у нее не хватило сил вырыть могилу. Хотя не исключено, что все было сделано умышленно, — кто знает, может быть, муж ей надоел и она не хотела, чтобы он воскресал? С другой стороны, каждая здравая женщина понимает, что постылого мужа, при всех прочих равных условиях, лучше иметь в виде живого человека, чем в виде злого духа.

Впрочем, здесь не место для спекуляций, поскольку Махапуруба поверил вдове на слово, и нам тоже ничего не остается, как вслед за демиургом принять ее версию событий. Да и, в сущности, не имеет значения то, насколько правдива эта женщина, — будь она даже святой, нет сомнений, что именно ее действия привели в итоге к последстви-

ям, трагическим для всего народа джуанг. Не последнюю роль сыграла и доброта Махапурубы, который войдя в положение вдовы, воскресил ее мужа, минуя ритуал, но никого об этом не оповестил: сделал, в общем, сюрприз.

Таким образом, в один прекрасный момент муж живехонький вышел из лесу и направился напрямиком к своему дому. Вряд ли он ожидал, что его будут приветствовать каким-то особенным образом, — ну, воскрес и воскрес, подумаешь! Но наверняка не ожидал он и того, что произошло. Сначала односельчане в ужасе бросились врассыпную, а затем собрались с силами, накинулись на воскресшего, повязали его, принесли дровишек и спалили без суда и следствия. Как уже догадался читатель, беднягу приняли за злого духа, каковым он по всем признакам должен был быть.

В этой истории нет виноватых. С вдовы спрос невелик, джуанги сделали все, что предписал демиург, а сам демиург на то и демиург, чтобы предписания устанавливать и отменять, — он ведь хотел сделать как лучше, воскрешая в виде исключения мужчину, который остался непогребенным по форс-мажорным обстоятельствам.

Но, увидев, что как лучше не получилось, Махапуруба пришел в ярость и виноватых быстро нашел, назначив на эту роль джуангов, слишком ревностно исполнивших его указания. С тех пор джуанги умирают безвозвратно, а своих умерших, согласно новым указаниям Махапурубы, сжигают на кострах.

Люди-самострелы

Боги, конечно, могли бы относиться к созданию людей посерьезнее, однако признаем, что в большинстве случаев они неукоснительно выполняли взятые на себя обязательства.

Но стоило богу завершить свои усилия и порадоваться содеянному, как тут же начинала фонтанировать человеческая глупость, перед которой, как известно, даже боги бессильны. В общем, можно не сомневаться: если, фигурально выражаясь, в первом акте мифа на стене у человека висит ружье, то есть изрядная доля вероятности, что в кульминации он выстрелит себе в ногу...

Недреманное око

Люди африканского племени крачи жили вечно, но испытывали серьезные проблемы с продовольствием. Возможно, это произошло потому, что верховный бог крачи Вульбари удалился от человеческих дел и почти не обращал внимания на то, что творится на земле. Племя в целом и отдельные его представители выкручивались, как могли, но выкручиваться с каждым годом становилось все труднее из-за постоянных неудач на охоте и в сельском хозяйстве.

Как-то один юноша бродил в поисках пропитания в окрестностях своего селения и встретил великана. Поскольку великаны на территории нынешней Ганы, где живут крачи, в мифические времена попадались на каждом шагу и их видел каждый, мифотворцы не сочли нужным дать описание этого персонажа, но одну подробность — удивительной красоты длинные мягкие волосы — упомянули, что, в общем-то, и понятно: сами крачи, как и положено африканцам-негроидам, имеют прически густые и кучерявые. Но голодного молодого человека привлекла не столько необычная внешность великана, сколько то, что тот волок освежеванную тушу. И вот удача — великану как раз требовался слуга, которого он был готов кормить до отвала.

Юноша стал служить не за страх, а за совесть... ну и за еду, разумеется. Каждый день великан выделял ему столько мяса, сколько он мог съесть. Юноша наворачивал за обе щеки и благословлял Вульбари за то, что он ниспослал ему такого хорошего хозяина.

Через какое-то время великан сообщил своему Санчо Пансе, что хочет расширить штат обслуги, и попросил привести из селения еще кого-нибудь. Пожелание хозяина было исполнено, и, хотя новый слуга сразу куда-то исчез, это никак не беспокоило юношу. Главное, что еды стало еще больше. Ничего не ёкнуло у него в груди и когда великан попросил привести двух девушек. Юноша предложил ему в качестве служанок свою сестру с подругой и был весьма доволен, что пристроил их столь выгодным образом. Но когда исчезли и они, а великан закатил пиршество, юноша прозрел и сообразил, что все это время ел человеческое мясо, а великан — это смерть во плоти.

Он помчался в деревню, ударил в набат и поставил все племя на уши. Крачи толпой понеслись к жилищу великана, который отдыхал после сытного обеда, ворвались внутрь и устроили самосуд. Под конец великану подожгли волосы, он полыхнул подобно спичке в сухую погоду и весь сгорел. В кучке пепла остался несгоревшим лишь один-единственный закрытый глаз.

Сообразительные крачи посыпали этим пеплом кости, оставшиеся от съеденных великаном людей, и те возроди-

лись здоровехоньки. Дальнейшее, однако, понять невозможно. Вместо того чтобы успокоиться и отпраздновать победу над злом, крачи зачем-то посыпали пеплом и глаз великана, который тут же открылся и принялся усиленно моргать. И каждый раз, когда это происходило, кто-то из членов племени умирал.

Постфактум выяснилось, что сделать с удивительным глазом ничего нельзя: ни сжечь, ни камнями придавить, ни выколоть, наконец... Он исправно открывается и закрывается и поныне, вот только никто за давностью лет не помнит, где этот проклятый глаз находится. А если знали бы, то, возможно, попросили бы авиацию НАТО как-нибудь его обуздать...

Между прочим, аналогичным снадобьем — пеплом сожженного внутри барабана людоеда Сагбунгбусы — как-то воспользовались для оживления убиенных сородичей люди африканского племени нзакара. Но нзакара не повезло быть изначально бессмертными, а пепел быстро иссяк. Поэтому, как только была израсходована последняя шепотка — доставшаяся, хочется верить, самому достойному члену племени, — о бессмертии нзакара пришлось забыть.

Приключение на одно место

Невероятный сюжет, если проявить немалое терпение, можно извлечь из весьма запутанной мифологии южноамериканских индейцев эмбера. Попробуем изложить кратко.

Миф первый. Местный демиург Карагаби вырезал бессмертных эмбера из дерева, но забыл проковырять им анальные отверстия. Некоторое время они жили среди людей и вынужденно питались запахами, а потом отбыли навсегда в Нижний мир, где с такой анатомией им показалось комфортнее. Когда это произошло, Карагаби сделал новых эмбера — правда, на этот раз из глины и не бессмертных, но зато со всеми необходимыми отверстиями.

Миф второй. Первочеловека эмбера укусила за икру нутрия, и этот укус привел к зачатию. Спустя положенный

срок первочеловек родил мальчика, который появился на свет между пальцами ноги. Выполнив свою миссию, первочеловек взорвался, разбросав по свету комаров, мух, оводов и прочих насекомых, которые у него внутри водились в изобилии.

Взрыв этот имел еще и то последствие, что родившийся мальчик остался сиротой и принялся спрашивать, кто его родители и куда они подевались. Но Карагаби сыграл в молчанку, видимо не решаясь сообщить, что отцом его была нутрия, а матерью мужчина, превратившийся в разного рода гнус. И тогда мальчик начал поиски родителей, последовательно вступая в потасовки с китом (бывшим в мифические времена в равной степени водоплавающим млекопитающим и человекоподобным существом), морским чудовищем анкумиа и луной, до которой добрался, влезши на иву и приказав ей расти. Луна при ближайшем рассмотрении оказалась девицей-красавицей, но с тем большим удовольствием наш мальчик набил ей физиономию и, может быть, вовсе убил бы, но на помощь луне прилетел дятел и подрубил дерево.

Мальчик свалился вниз и обнаружил себя в незнакомой местности, в окружении персиковых пальм и синих камней. Люди, жившие в тех краях, не только были бессмертны, но и обладали по меньшей мере двумя удивительными качествами, которые находились в очевидной взаимосвязи: они не имели анусов и питались исключительно паром вареных плодов персиковой пальмы. Мальчик зачем-то решил вмешаться в их анатомию и троим местным жителям проткнул тела в соответствующем месте, после чего они умерли. Затем он по все тому же стволу гигантской ивы вернулся на родину. Все эти приключения мало-помалу заслонили смысл его путешествия, и судьбой родителей он больше не интересовался.

Нет сомнения, что бессмертные из первого и второго мифов — это одни и те же сделанные из дерева люди эмбера. Следовательно, мы имеем уникальное описание встречи сделанных из разных материалов представителей одного и того же народа — деревянных бессмертных и смертного из нормальной человеческой плоти, пусть даже и рожденного

между пальцами ноги. Жаль только, что встреча эта закончилась столь трагически.

Есть, правда, у эмбера и еще один миф, касающийся бессмертия, который близок двум вышеизложенным только тем, что он тоже весьма путаный. Суть его такова: эмбера нарушили нормы сексуального поведения, спущенные сверху божеством, и были наказаны за это ограничением срока жизни. Причем наказание начало действовать после того, как божество вылило им на головы содержимое кокосового ореха, — видимо, этот орех был очень большой, поскольку содержимого его хватило на всех, и очень ядовитым...

Падение Калиевирнэ

Падение дерева с собственным именем Калиевирнэ привело к потере бессмертия индейским народом сикуани.

Росток этого дерева вырвался из земли со страшным шумом, но звук этот уловили только уши кинкажу — маленького зверька из семейства енотовых. Для кинкажу это была большая удача, потому что на Калиевирнэ, вытянувшемся до неба с невероятной быстротой, росли все без исключения съедобные плоды, и представитель енотовых единолично, ни с кем не делясь, питался ими до тех пор, пока хитрая ящерица не подсунула ему рвотное. Содержимое желудка кинкажу оказалось разбросано по поляне, и так сикуани узнали, что кинкажу ест какую-то особую пищу.

На поиски источника этой пищи отправился грызун агутти, но ничего у него не вышло. Зато кинкажу сумел выследить другой обитающий в Южной Америке грызун — пака. Явившись следом за пакой к чудесному дереву, сикуани с душевным подъемом, с каковым обыкновенно и совершаются самые большие глупости, схватились за топоры и принялись его рубить. Хотя, казалось бы, сама судьба велела им хранить Калиевирнэ пуше зеницы ока и пользоваться его дарами в свое удовольствие. Так нет же — индейцам, хоть тресни, захотелось его уничтожить. Это тем более странно, что ствол Калиевирнэ снаружи состоял из маниока — важнейшей пищевой культуры тропиков, и ночью весь

срезанный за день маниок восстанавливался. Впрочем, для человека, настроенного победить природу хотя бы и ценой собственной гибели, это не аргумент.

Энтузиазм сикуани не унялся, даже когда выяснилось, что сердцевины Калиевирнэ может взять только огневое сверло. Поиски сверла привели к кайману, который накануне как раз его проглотил. Но с помощью лягушек каймана заманили в ловушку, вспороли ему брюхо и сверло извлекли — и теперь уже дереву пришел конец.

Калиевирнэ сопротивлялось из последних сил. Даже когда перерубили ствол, оно повисло на лиане, будто бы надеясь удержаться в вертикальном положении, но все уже понимали, что минуты его сочтены. Последний удар чудодереву нанесла белка: хрясть! Лиана с треском, подобным выстрелу, лопнула, и дерево с хриплым стоном ухнуло вниз.

В миг, когда Калиевирнэ упало на землю, сикуани стали смертными. И зачем они — в прямом смысле — рубили сук, на котором сидели? Здравым умом не понять...

Силы небесные, однако, благоволили к сикуани и, если верить другим мифам — а не верить оснований нет, — дали этому народу еще две возможности вернуть бессмертие. Вот эти мифы в кратком изложении.

Культурному герою сикуани Мацулудани приснилась голая женщина, и случилась у него поллюция. С кем, как говорится, не бывает... Но поллюция Мацулудани имела далеко идущие последствия, потому что женщина из сна, материализовавшись, собрала пролившуюся сперму в сосуд и там сразу же возник мальчик, нареченный Мадудани. Мацулудани на рождение сына отреагировал весьма странно — он убил его и стер останки в порошок. Каково же было изумление детоубийцы, когда сын мгновенно возродился.

Поняв, что избавиться от неожиданного прибавления семейства вряд ли удастся, отец успокоился, и они вместе с Мадудани стали творить разные полезные для индейцев сикуани дела. Отец занялся производством женщин из воска и глины; правда, без особого успеха — эти дамы, не успев толком ожить, таяли на жару или растворялись в воде. А сын, среди прочего, создал озеро с омолаживающей водой,

устроил купальни и стал уговаривать сикуюни выкупаться. Но у них по неясной причине обнаружилась водобоязнь — ни один не согласился даже облиться из калебасы. Мадудани впал от бессмысленного упрямства соплеменников в великое расстройство и в печали, поняв, что с этим народом каши не сварить, подался на небо.

В еще одном мифе сикуюни также говорится об озере, вода которого делает живых существ бессмертными, — надо полагать, это тот же водоем, что вырыл Мадудани. Но теперь уже искупаться в нем индейцев уговаривал другой культурный герой — Фурнбминали. Впрочем, с тем же успехом, что и его предшественник. Но на этот раз у сикуюни хотя бы оказалось смягчающее обстоятельство: в озере поселилась страшная змея Цаваливали — и они опасались попасть к ней на завтрак.

Больше стать бессмертными им никто не предлагал...

Яйца даяков, часть вторая

Даякам, пострадавшим от медвежьей услуги бога ветра, была, если верить мифу, предоставлена еще одна попытка обрести бессмертие. Родившиеся из яиц мужчина и женщина произвели на свет семь сыновей и семь дочерей, которые не дышали, но и, судя по всему, не были мертвы. Поставить их на ноги, причем навсегда, могли зародыши вечной жизни, которые даякскому первому мужчине пообещал Бату Джампа, сын местного демиурга Хаталлы. Поскольку доставлялись зародыши самовывозом, первому мужчине отправился в путь и перед дорогой велел своей первоженщине ни в коем случае не высовывать нос из-под москитной сетки.

Как бы не так! Сетка мешала изучать окружающий мир, а женщине было скучно. Она долго крепилась, однако же на мгновение все-таки выглянула наружу. Тут же в щель ворвался ветер и оживил детей своим слабым, совсем не бессмертным дыханием. В результате вопрос о вечной жизни с повестки дня исчез. Когда запыхавшийся первому мужчине принес зародыши жизни, вставлять их было уже некуда.

Так судьба даяков второй раз наступила на одни и те же грабли.

Индейцы яуйо и кашибо стали умирать — что вообще ни в какие ворота лезет — из-за бездарно оброненного слова. В мифах обоих племен зафиксированы одинаковые, как под копирку, события. Один индеец обиделся на соседа и в сердцах брякнул в момент его временной смерти что-то наподобие: «Да чтоб ты не ожил!» — и это недоброе пожелание не замедлило реализоваться в самом прямом смысле. А затем вызвало среди яуйо и кашибо бесконечную цепочку смертей.

Остров Новая Британия, ныне входящий в состав государства Папуа — Новая Гвинея, населяют папуасы и меланезийцы. С папуасами, которые первыми заселили остров и составляют здесь большинство, все просто: они грешили помаленьку и сами не заметили, как сделались смертными. А вот у меланезийцев, прибывших вторыми, роль новобританских перволюдей досталась семье из трех человек: матери и братьям-близнецам То-Камбинане и То-Корвуву, причем То-Камбинана был умный, а То-Корвуву — дурак. И как водится, именно дурак определил судьбу меланезийского населения Новой Британии.

Однажды То-Корвуву обнаружил в материнской хижине молодую девушку. Та принялась уверять его, что она и есть самая настоящая мать, но только сбросившая старую кожу. То-Корвуву, однако, потребовал доказательств и, когда мать обмолвилась, что выбросила кожу в море, поспешил на берег и отыскал прежнюю мамашину оболочку на коралловом рифе. То-Корвуву подобрал ее, прибежал домой и — р-раз! — одним махом напялил на ошалевшую девушку-мать. Пошутил, вероятно...

Последствия шутки оказались ужасны. Прежняя кожа приросла к матери, она вмиг состарилась и умерла.

Но есть у этого мифа вариант, согласно которому мать сама натянула на себя старую кожу, когда То-Корвуву принялся ее помогать, то есть, в сущности, совершила самоубийство, дабы предотвратить инцест. Но что с дурака возьмешь?.. Ни в коем случае не оправдывая его поведение

(если оно, конечно, имело место), тем не менее заметим, что матери следовало заранее подумать, как представить в новом облике перед сыном-идиотом, который прежде, кроме нее, ни одной женщины в глаза не видел...

По закону прецедента, вслед за матерью в положенный срок умерли и оба брата, не только глупый То-Корвуву, но и умница То-Камбинана, — как ни лезли они вон из кожи, чтобы обновить ее, ничего у них не получилось.

Ничего не получается в этом смысле и у их потомков, меланезийского племени толаи, хотя некоторые еще лелеют надежду на успех...

Меланезийское племя байнинг, тоже проживающее на Новой Британии, но только не на побережье, а в горной местности, лишилось удовольствия вечной жизни из-за плохого слуха. По этой же причине все пошло вкривь и вкось у южноамериканских индейцев шипая, санема и амауака и их североамериканских товарищей по несчастью индейцев чокто. Божество сообщило им, что настало время сбросить кожу, но они или не расслышали, или сделали вид, что не слышат, полагая, что есть дела поважнее и бессмертие от них никуда не денется, а в результате оказались у разбитого корыта. Мало того что момент был упущен, так еще и божество вышло из себя и наслало на них, чтобы впредь внимательнее относились к указаниям свыше, разнообразные кары.

В Западной Африке имело место уникальное мирное сосуществование бессмертных людей народа дан и Смерти — так звали одного антропоморфного персонажа, живущего в буше. Смерть кочевал по обширным пространствам, поросшим невысокими деревьями и кустарником, охотился, людей не трогал и, в общем, вел себя тихо, хотя наружность имел устрашающую. Люди также вели себя благоразумно и старались лишний раз не попадаться Смерти на глаза, чтобы не пробудить инстинкт, заложенный в нем природой. Места в буше хватало всем.

Поэтому совершенно непонятно, какого рожна один человек, увидев издали костер, на котором Смерть после

успешной охоты готовил мясо, полез к нему со знакомством. Более того, при расставании он попросил у Смерти филейную часть антилопы — разумеется, в долг, который, как известно, красен платежом.

Прошло какое-то время, и Смерти изменила удача на охоте. Голодный, он лежал под кустом, в животе урчало, и тут Смерть вспомнил о должнике. Он отправился в селение дан, нашел хижину своего знакомого и постучал в дверь. Тот впустил Смерть внутрь и развел руками: нет, мол, у меня не то что мяса, а вообще никакой еды, зато есть семеро по лавкам...

Гость схватил спящего мальчишку и исчез, прежде чем хозяин хижины успел хоть что-то сообразить. Ведь Смерть был — еще раз напомним — не человек, а антропоморфный персонаж и вполне мог жест, направленный в сторону детей, воспринять как предложение выбрать кого-нибудь на ужин.

Человечинка пришлось ему по вкусу. Вслед за бедным мальчиком он съел девушку, которую одна неумная женщина пыталась выдать за него замуж, а там уж пошло-поехало. Поневоле пожалеешь, что глупость не подпадает ни под одну статью уголовного кодекса. Хотя, может быть, у народа дан и подпадает...

Меняем бессмертие на еду

Эскимосы потеряли бессмертие в поисках еды. Как-то эскимос по имени Оё проголодался и отправился в тундру в соображении чего-нибудь съесть. Он долго бродил, но, кроме ягеля, ничего ему не попадалось. Оё совсем загрустил, но тут прямо под ногами увидел дыру в земле, заглянул туда и понял, что это ход в преисподнюю. В дыре царил абсолютная тьма, и разглядеть ничего было нельзя, но он почему-то решил, что съестного там навалом, — видимо, от голода начались галлюцинации.

Не теряя времени, Оё полез вниз, попал в тоннель и долго брел во мраке наугад. Привычка существования в условиях бесконечной полярной ночи, надо полагать, несколько облегчила это подземное путешествие. Упорство Оё было

вознаграждено: впереди забрезжил свет, а затем возникла яранга и за ней открытое пространство.

На пороге яранги его встретила дряхлая старуха, и Оё попросил у нее еды. Однако когда он увидел, что старуха варит в котле собственное, срезанное с бока мясо, приправленное соплями, то предпочел сбежать от такой кулинарии подальше и поголодать еще немного. Тем более что старуха дала ему совет, где перехватить еды, и он воспринял этот совет на ура.

Перехватывать еду предстояло в прямом смысле, поскольку Оё должен был подстеречь плывущую по реке горбушу и отрезать у нее часть горба прямо на ходу. И план этот почти удался — жаль только, эскимос малость промахнулся и воткнул нож глубже, чем следовало. Это вызвало ответные действия горбуши, которая так вмазала Оё хвостом, что он отлетел в сторону, примерз ко льду и в этом положении умер. Оледеневший, он остался стоять навсегда, словно памятник самому себе, — хоть на конкурс ледяных скульптур посылай! А нечего было лезть в преисподнюю...

Этот эпизод мог бы остаться всего лишь заключительным штрихом личной биографии Оё, но так вышло — не иначе, вмешалось руководство эскимосского загробного мира, — что его смерть стала примером, которому против своей воли теперь вынуждены следовать все прежде бессмертные эскимосы.

Индейцы айорео, чья родина ныне разделена между Парагваем и Боливией, были поставлены перед выбором: наесться до отвала и стать толстыми, как тапиры, или питаться всю жизнь впроголодь, как деревья, но менять кожу и жить при этом вечно. Подумавши, айорео выбрали еду.

Логика их рассуждений очевидна: вечная жизнь — штука в перспективе туманная, а обещанную пищу можно употребить сей момент. Тем не менее уподобления дереву айорео избежать не удалось. Только теперь, по указанию ироничного божества, они не меняют кожу, как деревья кору, а рожают по многу детей, подобно тем деревьям, которые пускают много корней.

Люди народа рунди, составляющего ныне основное население африканской страны Бурунди, были бессмертны, пока один из них не надумал купить быка. Надо же было случиться такому, что Смерть — с виду обыкновенный рундийский мужик — как раз быка продавал.

Продавец и покупатель поторговались и сошлись в цене. Кроме того, Смерть выставил дополнительное условие — использовать быка только в качестве тягловой силы и ни в коем случае не употреблять на котлеты и стейки. В противном случае он пообещал на шестой день после того, как быка зарежут, сделать то же самое с покупателем и его семьей. Покупатель беспечно ответил согласием, но свое обещание нарушил: бык был съеден без остатка, если, конечно, не считать за остаток рога и копыта.

Расплата последовала в обещанный срок. Смерть явился к покупателю, а тот в ужасе бросился бежать куда глаза глядят. Смерть, чувствуя, что справедливость на его стороне, преследовать незадачливого партнера по сделке не стал, а просто обратился к демиургу Имане, который взвесил все «за» и «против» и рассудил, что Смерть прав. Попутно Смерть выпросил разрешение убивать всех рунди без разбора — впрочем, каждый раз, испрашивая на это санкцию.

И, судя по тому, что никто из рунди не остался жить вечно, выдача этих санкций поставлена на поток...

Индийский Сусанин

Индийцы племени каража жили когда-то под землей, и, в общем-то, хорошо жили. Единственное — совсем не обременительное — отличие подземной жизни от наземной заключалось в том, что, когда внизу светило солнце, наверху была ночь, и наоборот. Но человек тем и отличается от животного, что склонен к приключениям. И однажды первопредок каража Кабои, которому не сиделось на месте, повел свой народ на крик мифической птицы Сериема, и вышли они к лазу, ведущему на поверхность земли.

Сразу скажем, что Моисея из Кабои не вышло, а, скорее, получился Сусанин. Едва увидев отверстие, каража, толка-

ясь, полезли наверх и оказались в долине бразильской реки Арагуая, а Кабои просунул голову и застрял — ни туда ни сюда. Некоторое время соплеменники честно кормили своего чересчур объемистого первопредка, принося ему фрукты и дикий мед, но потом это им надоело, и кто-то подкатил Кабои в качестве угощения гнилой ствол. В ответ на такое обхождение первопредок, и без того пребывавший на взводе, разгневался и принял решение, что отныне наземные каража будут умирать.

Что же до подземных каража — а под поверхностью их, если верить мифу, осталось немало, — то они по сей день живут вечно.

При всем при этом совершенно непонятно, куда делся Кабои. То ли его вытащили наверх, и он, согласно собственному же проклятию, умер в положенный срок. То ли, наоборот, протолкнули вниз, и Кабои продолжает наслаждаться вечной жизнью — в отличие от тех каража, которым он указал путь наверх. О третьем — самом ужасном — варианте не хочется даже думать, однако же придется: а вдруг бессмертный Кабои так и остался висеть между тем и этим миром? Для этого его достаточно было забросать ветками, чуток присыпать листьями и позволить джунглям довершить дело. Страшная картина открывается воображению...

Но на этом тема «Каража и бессмертие» не заканчивается. Когда каража уже обжились наверху, одному из них, по имени Иолони, посчастливилось поймать Стервятника, который, будучи птицебогочеловеком, распоряжался солнцем, когда оно проплывало над долиной Арагуаи, и вообще управлял тамошней действительностью. Но вместо того, чтобы, коль уж выпала такая удача, выпросить что-нибудь для семьи или племени, Иолони, бескорыстная душа, отпустил Стервятника в небо.

Лишь в самый последний момент практичная жена спохватилась и велела Иолони узнать у птицебогочеловека секрет бессмертия. Мужчина закричал пернатому вослед, и Стервятник что-то ответил, но супруги ничего разобрать не смогли.

Можно только представить, как потом жена пилила недотепу Иолони, и посочувствовать ему...

Тыквенные люди

Народ, называемый во Вьетнаме лоло, а в Китае однозвучно и, имеет довольно странное происхождение: лоло (они же и) вышли из тыквы, рожденной женщиной.

Дело было так. Сначала появились перволюди, брат и сестра, и перед ними высшие силы поставили задачу положить начало бессмертному народу лоло. Вариантов у брата и сестры было немного: либо плодиться вегетативно, либо вступать в кровосмесительную связь.

После явленных многочисленных знаков — например, они спустили с горы два камня, и камень брата лег на камень сестры; разожгли два костра, дымы которых соединились, и т. д. — они решили размножаться половым путем, и вскоре сестра забеременела. Живот ее рос, как на дрожжах, он был весьма велик и позволял надеяться, что на свет явится сразу несколько близняшек, которые и зложат фундамент лоло. Муж-брат, надо полагать, не отходил от жены-сестры, пока она вынашивала плод, — ведь не каждой человеческой паре предстоит положить начало целому народу. И наконец момент родов настал...

Когда плод вышел наружу, выяснилось, что это плод в прямом смысле, ибо жена-сестра родила тыкву. Можно представить себе физиономию мужа и какие мысли лезли ему в голову: и с кем — с представителем семейства тыквенных?!.. Первололо уже ощупывал свой лоб на предмет появления рогов в виде сочных стеблей, когда вдруг из тыквы полезли люди, и каждый из них был как две капли воды похож на него самого.

В дальнейшем эти люди, бывшие, как мы понимаем, родными братьями и сестрами, насосершали достаточно инцестов, чтобы народ лоло заселил отведенные ему земли.

Но видно, способ рождения все-таки сказался на лоло: было в их поведении что-то растительное... Вместо того чтобы радовать высшие силы праведной жизнью, они, подобно сорной траве, дорвавшейся до ухоженного огорода, стали всячески нарушать установленные сверху табу и творить разные непотребства. В результате Це-гу-дзих, курирую-

ший народ лоло на небесах, открыл короб с семенами смерти и рассыпал их щедрой рукой, а для верности затопил места проживания лоло, дав возможность спастись только семейству праведника Ду-му, от сыновей которого пошли нынешние лоло и китайцы.

Похоже, Це-гу-дзих не испытывал никаких иллюзий по поводу человеческой природы новых лоло. Об этом красноречиво говорит тот факт, что, несмотря на всю праведность Ду-му, идея одарить бессмертием потомков этого святого человека даже не пришла Це-гу-дзиху в голову.

Африканский бог Мвиди Микулу как-то приготовил пальмовое вино, но под страхом смерти запретил кому бы то ни было пить его. Однако Солнце, Луна и первочеловек племени луба табу нарушили и как следует наклюкались. Наказание последовало страшное — у всех участников застолья умерли дети. Мвиди Микулу явился перед ними в момент оплакивания бедняжек и спросил, что случилось. Солнца и Луна признались в содеянном, а первочеловек заявил, что плачет просто так — сам не знает почему. Мвиди Микулу похвалил Солнце и Луну за правдивость и оживил их детей, а человеческий ребенок как был, так и остался мертвым. С тех пор, сообщает миф, люди и начали умирать.

Правда, согласно другому мифу, Мвиди Микулу все-таки дал луба бессмертие, но при этом запретил употреблять в пищу бананы. Спустя некоторое время он решил проверить, как выполняется предписание, и послал на землю провокатора, нагруженного связками этих фруктов. Для того, похоже, и была выпущена эта странная в условиях банановой Африки директива, чтобы в нужный момент нагрянуть с инспекцией. Ничего не подозревающие луба набросились на бананы и были в буквальном смысле схвачены на месте преступления. Вполне вероятно, что они кричали при этом: «Это не то, что вы подумали!» — но Мвиди Микулу был непреклонен. Он разжаловал луба в обыкновенные смертные и — о, ужас! — сообщил, что отныне они должны трудиться. Второе в обозримом будущем, может быть, даже показалось им страшнее первого.

Но зачем Мвиди Микулу нужна была эта провокация? Ответ мы находим в мифе сонге, близкородственных луба. Оказывается, демиург на всю катушку использовал служебное положение, чтобы обеспечить комфортное существование своему сыну Луфффу. Мальчик еще находился в чреве матери, а отец уже назначил его владыкой Нижнего мира и заранее заботился об увеличении числа подвластных ему покойников, для чего годились и луба, и сонге, и все прочие люди, подпадающие под юрисдикцию Мвиди Микулу.

Кстати, жена демиурга вынашивала Луфффуа всего лишь месяц. И может быть, как раз недоношенность привела к тому, что мальчик получился, мягко говоря, необычный. Сонге, до этого смерти не знавшие, расставались с земным существованием, едва касались ноги чудо-ребенка. Так в племя вошла смерть, а в Нижнем мире сонге и луба начался демографический бум.

Кузнецы своего несчастья

Индийцы каяпо, обретающиеся в Восточной Бразилии, пользовались бесконечным благоволением местного божества Вауироро, который, судя по всему, владел навыками пластической хирургии. Неизменно доброжелательный к каяпо, он менял кожу всем желающим, причем делал это быстро и безболезненно. В результате старики регулярно омолаживались, и у них начинался новый жизненный цикл.

Но нашелся среди каяпо наглец, который отплатил божеству за все хорошее черной неблагодарностью. Однажды, когда Вауироро находился в своей операционной, он соблазнил его жену. Понятно, что даром такое пройти не могло. Вауироро отловил совратителя и напрочь закупорил ему воском анальное отверстие, а затем и вовсе превратил его в лягушку.

Прочие каяпо, хотя ни в чем не были виноваты, перепугались и более не обращались к пластическим талантам божества. Со временем они стали хиреть и стареть, и стоило

умереть первому из них, как механизм смерти был запущен, и остановить его теперь нет никакой возможности.

Неумно повели себя первопродки аборигенов филиппинского острова Палаван. Вопрос, кто будет жить вечно — дети людей или дети духов, — решался в честном состязании: следовало сформулировать и правильно произнести с набитым ртом соответствующую фразу. Так вот, палаванцы додумались предложить духу вместо бетеля, который использовали сами, заполнить рот натуральным, без всяких фигуральностей, дерьмом. Видимо, они полагали, что тут уж духу будет не до чеканных формулировок. Но дух собрался и произнес: «Луна уменьшается, исчезает, а затем появляется вновь». Не ожидавшие такого и не подготовившиеся должным образом палаванцы сподобились лишь на «Банан умирает, лишь отросток придет на смену». И таким образом, победа была присуждена духу: теперь духи в полнолуние возрождаются, а люди, когда наступает срок, умирают и им на смену приходят дети.

Тара, первопродок африканского племени гагу, живущего в Кот-д'Ивуаре, завел себе десять жен, десять детей и десять коз. Они жили все вместе, и можно представить, что творилось у Тары в доме, хотя, спрашивается, кто просил его сочетать гарем с зоопарком? Особенно первопродка донимал шум, производимый всей этой командой, и однажды он пришел к выводу, что самую говорливую жену следует отселить, и желательно подальше в лес.

Это было очень жестокое решение — ведь в лесу обитал Га, в чьем облике персонифицировалась смерть. Поэтому долго жить болтливой жене в лесной глуши не пришлось. Га проник в хижину, где она поселилась, поглумился немного, а затем убил несчастную.

Возможно, эта смерть так и осталась бы единственной среди гагу, но останки женщины нашел ее сын и побежал к папаше, а Га, не будь дурак, направился по его следам. Таким образом, он нашел путь к дому, где в козьем обществе обитала многочисленная семья Тары, из которой, собственно, в те годы и состояло все племя гагу. После этого за бессмертие гагу не дают и горстки козьего помета...

Не по-доброму отнеслись к своему божеству аборигены острова Тайвань — люди племени атаял. А всего-то и надо было истопить для него баньку или, если таковое на Тайване не принято, отвести его к ближайшей речке и хорошенько оттереть в проточной воде. Так уж вышло, что божество измазалось в самом что ни на есть настоящем человеческом дерьме. Приятного в этом, конечно, ничего нет, но и экстраординарного тоже — с каждым может случиться.

Божество сулило племени в обмен на банно-прачечные услуги вечную молодость, обещая, что атаялы все, как один, будут сбрасывать старую кожу подобно тому, как мирт избавляется от коры. Но племя проявило неуместную брезгливость, а если точнее — встало в позу и заносчиво божеству отказало. И не только не получило бессмертие, но и поплатилось тем, что стали умирать дети, которые до этого в племени не умирали.

Первый вариант лакхеров, живущих на северо-востоке Индии, был от природы бессмертен, но это сказалось на них не лучшим образом — они самоуверенно перестали почитать своего демиурга Хазангпу и вообще вести себя так, будто являются сами себе творцами. Наконец Хазангпе надоело терпеть, как игнорируются его распоряжения, и он велел своей собаке проглотить солнце.

В темноте у лакхеров началось некоторое отрезвление — но поздно! Лишенные покровительства Хазангпы, люди превратились частично в звезды, частично в обезьян, а те, что сохранили прежнее обличье, почти все были растерзаны выбежавшими из леса тиграми и медведями. Немногих спасшихся от звериных зубов и когтей ожидала тяжелая участь: они должны были держать глаза открытыми, если хотели остаться в живых, но дольше семи дней никто не продержался... Уберечься смогли только брат и сестра, схоронившиеся под кормушкой для свиней, — видимо, это было единственное место на всем северо-востоке Индии, где можно было моргать, сколько захочешь. Впрочем, и они уже отчаялись, но тут собака справила большую нужду, и солнце вывалилось наружу.

При ярком свете дня Хазангпа оглядел окрестности и, похоже, решил, что перестарался. При его молчаливом согласии брат и сестра стали супругами и произвели на свет множество новых лакхеров. Но это были уже совсем другие люди — Хазангпа перестраховался и во избежание повторения пройденного сделал их смертными.

Солнце вручило трем первопредкам индейцев шуара три посылки — с молниями, клитором и седыми волосами — и наказало ни в коем случае их не открывать по дороге, а вручить племени, которому именно этих трех вещей и не хватало для полного счастья.

Набор, что и говорить, странный, но из мифа слов не выкинешь. Это, кстати, те самые индейцы, которых европейцы часто называют «охотниками за головами», ибо шуара знамениты тем, что особым образом высушивали (а может быть, и до сих пор высушивают) головы убитых врагов.

Но первопредки не совладали с любопытством и заглянули внутрь посылок. В результате Солнце превратило их в опоссума, голубя и летучую мышь, причем клитор был подвешен у последней под носом, чему, вероятно, тоже поспособствовала индейская пластическая хирургия.

Вина первопредков волею Солнца распространилась и на всех шуара, которые были наказаны лишением бессмертия.

Карельский демиург Ильмойлине известен прежде всего своими кузнечными работами. Он так прославился обработкой металла, что его часто сравнивают с Гефестом. Среди прочего он выковал небесный свод над отдельно взятой Карелией, светила и многие орудия труда, которые карелам доставляли, а в некоторых случаях продолжают доставлять средства пропитания.

Когда с самым необходимым было покончено, Ильмойлине выковал железный гроб. И ко времени: не успел он порадоваться завитушкам на ладной домовине, как в дверь постучалась Смерть, которая к карелам в те далекие времена являлась в облике одноименной пожилой дамы. Увидев гроб, Смерть обрадовалась — видимо, решив, что Ильмойлине собрался умирать, — но демиург пояснил, что это все-

го лишь место для отдыха. Дескать, залезешь внутрь, накроешься крышкой и спишь себе, сколько хочешь.

Смерть, слушая его, прямо-таки обзавидовалась и стала уговаривать Ильмойллине уступить ей гроб. Хитрый демиург поупирался для вида, но затем, разумеется, согласился. Он сам помог Смерти устроиться поудобнее — женщина все-таки! — а потом, улучив момент, задвинул крышку, крепко закрыл на собственноручно выкованный замок и бросил гроб в море.

И сделались карелы практически бессмертны. Год живут — нет смерти, десять лет живут — нет смерти, сто, две-сти, триста лет — нет смерти! И стало карелам как-то не по себе... Почему у окружающих народов смерть есть, а у них, у карелов, нет? Стали карелы выяснять, куда подевалась их смерть. У кого только не интересовались — все тщетно. Но наконец сообразили обратиться к светилам. Спросили у месяца — тот посоветовал обратиться к солнцу, и солнце не подвело. Так уж вышло, что оно единственное видело, как Ильмойллине обошелся со Смертью, и честно рассказало об этом людям.

Что же сделали карелы, удовлетворив свое любопытство? Они выловили из моря гроб, открыли его и выпустили Смерть на волю! Зачем?.. Нет ответа, а невнятные отговорки не в счет...

Выбравшись на волю, Смерть тут же изничтожила Ильмойллине, но и карелам не поздоровилось. Зато теперь у них всё, как у всех.

Всё проспали...

Из-за провинности, незначительной в собственных глазах и весьма значительной с точки зрения бога Либанзы, не получил бессмертие африканский народ упото. Либанза призвал к себе лунных и земных людей. Лунные явились немедля, и довольный бог решил, что каждый месяц они будут два дня отдыхать от всех забот. А притащившимся с опозданием упото было велено умирать, а если и воскресать ненадолго, то только по личному вызову Либанзы.

Ничуть не лучше выглядят первопредки другого африканского народа — фипа, которые стали смертными только лишь потому, что в пору раздачи бессмертия сладко спали и явились к местному небесному правителю с неприличным опозданием. Разумеется, ничего хорошего их уже не ждало. При этом нельзя не отметить гуманность, проявленную верховным правителем к этим лежебокам. Он не измельчил их в пудру, не испепелил на корню, не отправил в преисподнюю на вечные муки, а позволил прожить еще немало лет и продолжить свой род.

Проспали свое бессмертие и южноамериканские индейцы секоя, хотя Месяц неоднократно их предупреждал, что вот-вот придет пора менять кожу. Его призыв в назначенный час услышали все заинтересованные персонажи — ящерицы, змеи и деревья, которым указали заменить кору, — а вот секоя так дрыхли, что хоть из пушки стреляй. Стоит ли удивляться, что с тех пор они умирают в точности как и все остальные представители рода человеческого?

Перволюди африканского народа лунда получили прямое указание от своего демиурга ни в коем случае не спать во время восхода луны. За это им была обещана вечная жизнь. Долгие годы запрет соблюдался, но кончилось все тем, что один состарившийся перволунда в момент, когда луна начала подниматься, закемарил и восход пропустил. Это стало поводом для демиурга лишить лунда права на бессмертие. Взамен им разрешили спать независимо от положения, которое занимает луна...

Не прошедшие испытания

Демиурги держали подопечные народы в тонусе и время от времени испытывали их на прочность. Не прошедших испытания, как правило, отбраковывали. И тут нет предмета для спора: к вечной жизни, без сомнения, следует допускать только лучших из лучших.

В индейском племени арикена, едва только оно возникло, сложились непростые отношения между полами. Дошло до того, что первоженщины, сговорившись, опоили пер-

вомужчин сонным напитком и, когда те повалились без сил, отбыли, оседлав смерч, на небо. Проснувшись, первомужчины бросились их искать, но нашли только маленькую девочку, спрятавшуюся в большом глиняном горшке. Однако они нашли выход из положения: девочку разделили на части по числу мужчин, и каждый отнес доставшийся ему кусок плоти в свой гамак — и надо же, назавтра у их очагов уже хлопотали новые супруги.

Демиургу Пуре такая изобретательность очень понравилась, и он решил сделать мужчин арикена бессмертными (женщинам, которых племя при надобности могло настроить сколько угодно, бессмертие было ни к чему). Для этого им следовало погрузиться с головой в сосуд с кипящей водой. Ерунда, казалось бы, но арикенские мужики, столь лихо порубившие в капусту малую девчонку, когда дело дошло до себя любимых, неожиданно дали слабину и нырять в кипяток не пожелали...

Но арикена должно быть не так обидно, как другому индейскому племени — каяби. Этим индейцам демиург Жанеруп также предложил искупаться в кипятке, и они также отказались. А затем выяснилось, что гуманный Жанеруп на самом деле заготовил каяби холодную воду... Что характерно, и после этого у каяби оставалась возможность жить вечно — для этого надо было только соблюдать правило: ни в коем случае не лезть на пальму после совокупления. Но один индеец табу нарушил и тут же сверзся замертво наземь, а за ним начали умирать и прочие каяби, которые о том, что бы лазать по пальмам после секса, и думать не думали...

Индейцы, объединенные общим именем тукано, отказались есть листья коки, которые им ниспослало божество.

Барасана, входящим в группу тукано, было предложено в качестве испытания выпить менструальной крови богини Роми-Куму. Барасана все, как один, гордо ответили «нет».

Ягуа, чтобы стать вечными, надо было пройти через огонь, который ниспослал местный демиург. Но они все, кроме одной старухи, испугались сгореть заживо. Взошедшая на костер смелая старуха обрела бессмертие. К сожалению, миф не сообщает ее адреса, а хотелось бы посмотреть...

Ищите женщину!

Нельзя обойти вниманием те многочисленные мифы, которые возлагают вину за потерю бессмертия на слабый пол. Сочиняли их, безусловно, мужчины, чей воинствующий сексизм настолько очевиден, что не требует доказательств, — он пробивается сквозь асфальт подтасовок, подобно сорной траве.

Но с другой стороны, все мы знаем, что дыма без огня не бывает. И в мифических текстах, возможно, проявляется смутная тоска по благим временам, когда на земле в мире и согласии жили одни только мужчины, ели простую пищу и философствовали на свежем воздухе, и не было у них повода для войн и алкоголизма.

Ну а потом повсеместно волею богов появились женщины. И пошло-поехало...

Большие проблемы
от малой нужды

Поучительна история тямов — тех самых, что владели секретом оживления с помощью замечательной коры. Все началось с того, что один юноша оживил умершую девушку и затем, как честный человек, женился на ней. Для тямов

это было событие будничное, таких историй они могли бы вспомнить тысячи — и в смысле оживления, и в смысле женитьбы. Не стоило бы упоминать обо всем этом, если бы не последующая катастрофа.

Неизвестно, должен ли был каждый тям непременно построить дом и родить сына, но обязательность посадки дерева с оживляющей корой не обсуждалась. Посадил свое дерево и молодой муж. Он холил его и лелеял, удобрял, окapyвал и защищал от вредителей, и дерево отвечало на заботу неуклонным ростом.

Беда пришла, откуда не ждали. С некоторых пор муж стал замечать за женой странное желание справить под дивным деревом малую нужду. Он проводил с супругой воспитательные беседы, объяснял, что при таком обхождении дерево может улететь на небо, и, не исключено, даже применял физическое воздействие — все без толку. Только отвернется, а упрямая женщина тут как тут. Наконец ей удалось осуществить задуманное, и дерево поступило в точности с опасениями мужа — выдрало корни из земли и улетело на луну. В последний момент муж и его любимая черная собака успели за него ухватиться и тоже навсегда покинули землю.

Что касается мужа, то его поступок, надо полагать, в объяснениях не нуждается. Заслуживает одобрения и преданность ему собаки, хотя и закрадывается мысль: нет ли тут преувеличения? Как мог удержаться на дереве верный пес — обнимал ствол всеми четырьмя лапами, цеплялся хвостом или вгрызся в ветку зубами? Это миф оставляет за рамками повествования. Не сообщает он и того, куда делись прочие деревья данного вида, и это породило разного рода небыльщину. Но может быть, все объясняется просто: у тям вошло в традицию писать под чудо-деревьями и все они улетели по проторенной дорожке на луну?..

Хитрая Хэн Э, чадолюбивая Берангаат
и трудяга Нуахине

Из-за женщины не вышло с бессмертьем и у китайцев, пусть даже не у всех, а в локально взятой семье.

Культурный герой «божественный стрелок» И, которого не без оснований называют «китайским Гераклом», наломал бока многочисленным чудовищам и получил от повелительницы Запада богини Си-ван-му (которая прежде была правительницей Страны Мертвых) лекарство от смерти. Кстати, эта Си-ван-му была симпатяшкой — лицо у нее было человечесьё, но клыки торчали тигриные, а сзади болтался хвост леопарда. Из чего она готовила свое лекарство, не сообщается, но очень может быть, что из персиков. Ведь у нее в саду росло дерево, которое раз в три тысячи лет плодоносило «персиками бессмертия».

Полученную дозу И мог разделить на двоих со своей женой Хэн Э, и тогда оба стали бы бессмертными людьми, а можно было и употребить ее одному и превратиться в небесное божество. Трудно сказать, какие намерения были у И, но Хэн Э предпочла не испытывать судьбу — женщина выкрала и проглотила волшебные пилюли. Затем уже в качестве небесного божества она отбыла на луну и превратилась там в жабу.

Если кто-то думает, что это было наказание за обман мужа, то ничего подобного — Хэн Э прекрасно себя чувствует в жабьем обличии. Так и рисуется картина: сидит она под чудесным деревом тямов и квакает, квакает, квакает в полное свое удовольствие...

Меланезийцы с острова Янде вблизи Новой Каледонии были задуманы местным демиургом бессмертными. Чтобы сохраниться в этом статусе, им достаточно было регулярно менять старую кожу на новую. Однако, когда наступил срок совершить это в первый раз и местный первомужчина Паиму Пюрехевази предложил своей жене первоженщине Берангаат отложить все дела, та заявила, что прежде предпочитает сделать хотя бы парочку детей.

Спор супругов зашел в тупик, и Паиму Пюрехевази отправился сбрасывать кожу в одиночестве. Однако Берангаат потащила за ним и в последний момент таки склонила его к соитию. В результате она забеременела и родила, но кожу вовремя они так и не сменили, и все их потомки из-за этого рано или поздно умирают.

Смерть на головы жителей острова Пасхи сваливается — в буквальном смысле — с луны, и определяет, когда это произойдет, женщина. Так уж сложилось, что уроженка острова Нуахине вышла замуж за Месяца и он взял ее с собой на луну. Там они живут-поживают и добра наживают.

В замужестве Нуахине оказался один большой плюс — она получила гарантированное бессмертие, и один большой минус — в комплект не входила вечная молодость, и с каждым годом Нуахине стареет, а так и до полной дряхлости недалеко. Может быть, именно преклонный возраст виной тому, что Нуахине то и дело неверными движениями обрывает нити судеб, которые прядет неустанно, не зная отдыха ни днем ни ночью. Как только нить обрывается, кто-то из островитян умирает.

Пасхальцам только и остается надеяться, что Нуахине не оборвет все нити разом. Кроме того, их, вероятно, волнует вопрос: что будет, если Нуахине уйдет на заслуженную пенсию? Или к примеру, если вдруг Месяц вздумает с ней расстаться и женится на молодой?

Спасительницы смерти

Как мы уже знаем, демиург Имана напортачил с бессмертием руанда. Понимая, что находится в долгу перед этим безгрешным народом, Имана решил изничтожить Смерть на корню. Эта история известна по меньшей мере в пяти версиях, причем четыре принадлежат руанда, а пятая — родственным им рунди, для которых Имана тоже не чужой. Мы изложим их все — пронумеровав в произвольной последовательности.

Версия первая. Смерть — а это был мужчина неслабого телосложения — забирал себе людей руанда, сколько хотел, и вообще вел себя так, словно демиург не Имана, а он, собственной персоной. Имане такое неуважение набило оскомину, и он приказал людям запастись едой и водой и не выходить из дому вплоть до особого распоряжения, а сам устроил на Смерть охоту.

В конце концов демиург загнал Смерть в пещеру и так вмазал по уху, что от того отвалилась какая-то часть тела и превратилась в червяка, который заполз в лужу и притаился. А сам Смерть в панике убежал в иные пределы, чтобы больше никогда не возвратиться к руанда, и, казалось бы, вот она, вечная жизнь...

Ан нет! Одна женщина не выполнила указание Иманы и не запаслась водой. И надо же было случиться такому, чтобы, пока демиург разбирался со Смертью, она решила закусить и подавилась. А запить нечем... Женщина вышла на улицу и глотнула воды из той самой лужи, где прятался червяк. Тот, разумеется, рад стараться — мигом проник к ней в желудок, и женщина умерла. Так Смерть, хотя и в виде червяка, остался среди руанда.

Версия вторая. Имана приказал Молнии найти и убить Смерть, а людям, как и в первом случае, сидеть по домам. Молния выследила Смерть, погналась за ним, но тут вдруг на пути у них оказалась женщина, наплевавшая на запрет демиурга. Ей, видите ли, захотелось прошвырнуться по улице. Смерть, обратившись в бестелесного духа, юркнул в нарушительницу табу и таким образом сохранил себе жизнь.

Версия третья. Этот миф обходит участие в деле Иманы, но понятно, что он, по роду своих занятий, находился в курсе событий.

Жила-была семья — мать-старуха и шестеро ее сыновей: Гром, Слон, Лев, Гиена, Леопард и Собака. Братья ходили на охоту, мать вела домашнее хозяйство, и эта идиллия продолжалась до тех пор, пока однажды мать не огорошила сыновей сообщением, что в их отсутствие приходила Смерть (в этой версии в женской ипостаси) и заставляла ее есть землю.

Пришлось братьям вступить в схватку со Смертью. Удача сначала оказалась на их стороне: Гром забросал Смерть молниями и нанес ей серьезные увечья. Победа была близка, но хитрая Смерть нашла-таки слабое звено — она забралась внутрь старухи, и та в одночасье померла, создав нехороший прецедент.

Гром с расстройства эмигрировал на небо, а Слон, Лев, Гиена, Леопард и Собака остались жить на земле, дав жизнь грядущим, но, увы, смертным поколениям руанда.

Версия четвертая. Смерть шла по дороге, повстречала воина и решила прибрать его к рукам. Но парень оказался не робкого десятка: всыпал Смерти по первое число, а потом со товарищи и вовсе вознамерился ее убить.

И пришел бы Смерти конец, если бы не глупая старуха, разрешившая ей проскользнуть в свое тело. Смерть затаилась, пока преследователи рыскали по округе, затем умертвила в качестве благодарности старуху и пошла косить людей по округе. А чтобы трупы не валялись бесхозными, научила гиен ими питаться.

Версия пятая, принадлежащая рунди. Имана вышел на след Смерти и натравил на него своих собак. Шансов на спасение у Смерти оставалось чрезвычайно мало, но, к счастью для него и к несчастью для рунди, откуда ни возьмись появилась первоженщина. Смерть стал просить убежища, и первоженщина широко разинула рот, куда он и спрятался. И когда Имана спросил у нее, не пробегал ли кто подозрительный поблизости, она ответила отрицательно.

После этого Имана, разумеется знавший, где прячется Смерть, передумал его убивать. Хуже того, он распорядился, что и сама солгавшая первоженщина, и все ее потомки рано или поздно умрут.

И жадные, и изменщицы,
и просто злые

Замечательно жили на территории нынешнего Судана перволюди племени динка Абук и Гаранда. Небо в их краях находилось очень близко к земле, до него можно было в буквальном смысле рукой достать, чем Абук и Гаранда и пользовались. Они то и дело забирались по веревке вверх и общались со своим божеством, которое выдавало им каждый день по просянному зерну.

Миф утверждает, что одного зерна на двоих супругам хватало, чтобы наестся до отвала, — такое оно было большое и питательное. Поэтому на наличие в ежедневном рационе динка двух и более зерен рачительное божество наложило табу. Однако Гаранду обуяла жадность: она где-то добыла еще проса и принялась его толочь, для чего ей понадобился очень длинный пест (что лишний раз указывает на величину зерен).

Она так увлеклась, что ударила этим шестом по днищу неба, и тогда божество поняло, что табу нарушено. Незаметно оно послало голубую птичку, которая острым клювом перерезала веревку, соединявшую небо и землю, после чего две тверди, земная и небесная, начали отдаляться, а на земле появились болезни и смерть, оставленные божеством в наказание за ослушание.

Индейцы лакандоны, жители Мезоамерики, сделались бессмертными благодаря некоему предмету, принесенному из подземной страны одним членом племени, который вроде бы умер, но сумел-таки через три года ожить и вернуться в Верхний мир. Он не только воскрес сам, но и, воротившись на поверхность земли, принялся воскрешать всех подряд и добился в этом деле больших успехов. Однако пока этот лакандон пребывал под землей, его жена успела найти себе другого. Возвращаться к прежнему мужу не входило в ее планы, и коварная женщина пошла на преступление. Она уничтожила чудесный предмет, которым он оживлял людей. Следствием этого стала не только смерть воскресшего мужа, но и всех возвращенных им к жизни, а лакандоны стали умирать, как умирали прежде.

Первый — и он же, как выяснилось, последний — из воскресших индейцев рикбакца явился из мира мертвых сам по себе, без каких-либо чудесных приспособлений, и этого, согласно мифу, вполне хватило бы, чтобы все остальные рикбакца жили вечно. Но надо же было воскресшему рикбакца, открыв дверь своего дома, обнаружить в супружеской постели жену в объятиях любовника. Бедняга так расстроился, что сгоряча поспешил обратно в мир мертвых,

создав нехороший прецедент. И после этого рикбакца путешествуют только в один конец — несмотря на все старания местных колдунов, воскреснуть более не удастся никому.

Погибшие мужчины индейского племени калапало из Южной Амазонии поразили местное божество своей доблестью, и оно наградило их воскресением. Вслед за возвращением героев к родным очагам в жизнь калапало должно было войти бессмертие, но все, увы, сорвалось... Виною тому развратные женщины племени, которые вместо того, чтобы торжественной процессией выйти навстречу своим воскресшим мужьям, предались групповому блюду с водным духом. Божество так огорчилось — то ли их развратному поведению, то ли беспросветной глупости, — что жаловать калапало бессмертием раздумало. А воскресшие герои как воскресли, так и померли снова...

Люди народа мофу из Западной Африки когда-то жили вечно. Достигалось это за счет того, что умершие, полежав два года в могиле и отдохнув таким образом, посвежевшие возвращались к своим семьям и спокойно жили вплоть до следующей своей смерти. И так без конца. Но потом все разрушилось из-за одной-единственной непорядочной женщины, которая отказалась признать своего мужа, когда он в очередной раз вернулся с кладбища. А узнавание бывшего покойника было обязательным условием кругооборота. Несчастный «неузнанный» муж вынужден был отправиться обратно в могилу, теперь уже навсегда, и это сломало сложный механизм воскресения мофу.

Та же история случилась с уже упоминавшимся народом мунда. Мунда без проблем воскресали, пока одна женщина не отказалась встретиться, как полагалось, вернувшегося домой мужа. Она пропалывала сорняки на огороде и сочла это уважительной причиной, чтобы раздраженно послать воскресшего куда подальше — в конце концов, нечего воскресать, когда она занята.

Несчастный муж перемазал лоб и ступни в знак траура золой и исчез навсегда. Что характерно, едва он ушел, глу-

пая женщина одумалась — и уж как она горевала! — но было поздно.

Демииург, которого живущие на полуострове Лабрадор индейцы монтанье зовут запросто Хозяином, на заре времен дал первочеловеку монтанье сверток с бессмертием и строго-настрого наказал не открывать его раньше срока, но жена первочеловека табу нарушила, и бессмертие растворилось в воздухе.

Сделала она это к вящему удовольствию жены Хозяина, злое сердце которой прямо-таки ликует, когда кто-то из монтанье отправляется на тот свет. А вот если бы она была, наоборот, добра, жизнь монтанье, скорее всего, продолжалась бы вечно. Ведь индейцы умеют задобрить самого Хозяина — насыпав ему табака, — и он наверняка дал бы им еще один шанс взамен утраченного, но супруга его так ненавидит людей, что Хозяин о бессмертии для монтанье даже не заикается...

Индейцы племени чакобо во время всемирного пожара сгорели почти все — спасся только Нова Пашава, который, однако, владел секретом воскресения умерших. Надо было всего лишь сделать столько глиняных сосудов, сколько людей погибло при пожаре.

Когда сосуды были готовы, явились безголовые скелеты, принадлежавшие сгоревшим чакобо. Каждый взял горшок, пристроил себе на плечи, и вскоре все племя, за исключением двух стариков, которым горшков не хватило, вернулось к полноценной жизни. Правда, миф ничего не говорит о том, что горшки превратились в головы, а скелеты обросли плотью, но, видимо, и без этого получилось очень даже хорошо.

Будущее сулило горшкоголовым чакобо бессмертие — с условием, в котором не было ничего из ряда вон выходящего: высшие силы желали, чтобы пропуск в вечную человеческую жизнь получили все члены племени без каких-либо исключений. Тем не менее это обстоятельство стало камнем преткновения. Всё испортили жены скелетов, оставшихся безголовыми. Они отказались ждать, пока для

их мужей будут изготовлены горшки, и, хуже того, заявили, что это вообще не мужья, а самозванцы. С истинно женской логикой они выставили убийственный аргумент: дескать, их мужья ели, пили и спали, а скелеты, которых им навязывают в супруги, ни есть, ни пить, ни спать по причине безголовости не могут.

Тщетно уговаривали их соплеменники подождать, пока у мужей появятся головы. Женщины талдычили свое, слушать никого не хотели и накалили ситуацию до того, что скелеты мужей отказались воскресать в качестве бессмертных людей, превратились в птичек и улетели подальше от этого безобразия, а чакобо осталось с досады только локти кусать...

Народу тораджи боги — видимо, сознавая свою ошибку — дали право на вторую попытку. Начудившего Комбенхи на этот раз к делу не допустили, и бразды правления взял верховный бог Пуанг Матуа. Он принялся созывать всех желающих сменить кожу и жить после этого вечно, но именно в этот момент местным женщинам приспичило дробить кукурузу. Грохот стоял такой, что ни один человек призыв демиурга не услышал.

На приглашение отозвались только змеи и насекомые, которые с тех пор на Сулавеси — в этом тораджи не сомневаются — постоянно обновляются и не умирают, если, конечно, за них не возьмется человек. Но мужчины-тораджи, боясь гнева Пуанг Матуа, обходятся с пресмыкающимися, тараканами и комарами очень вежливо и повода к карам небесным не дают. А вот к своим женщинам они относятся без особого пиетета — и поделом!

Хиханьки да хаханьки

Как-то один тофалар встретил людей с лошадиными копытами. Зоолог на его месте сошел бы с ума от счастья, ибо науке известно три семейства парнокопытных: лошадиные, тапировые и носороги, а это, стало быть, чет-

вертое, неописанное... Но в мифические времена зоологи в Восточной Сибири встречались реже, чем парнокопытные homo sapiens.

Что же касается тофалара, то ему было не до того, чтобы удивляться необычным конечностям встреченного народа, поскольку почти сразу начались ужасы. На свою беду, тофалар был голоден, попросил еды, и для него вмиг закололи парнокопытную девушку. От такого гостеприимства он вскочил на коня и дал деру. Парнокопытные погнались за ним, пытаясь ухватить железными крюками, но шустрый тофалар перескочил через болото, а они сделать этого не смогли и отстали.

Едва отдышавшись, он увидел следующее чудо — но на этот раз не страшное, а забавное: навстречу ему выехали люди верхом на зайцах. И тут внимание: миф выдает взаимоисключающую информацию. Во-первых, эти наездники были бессмертными, поскольку владели запасами живой воды, а во-вторых, накануне одного из них убил соболя. Видимо, в бассейне реки Бирюса, где живут тофалары, соболи в мифические времена отличались особой свирепостью, и даже живая вода не могла воскресить того, кто погибал от их зубов и когтей.

Как бы то ни было, злодейство соболя помогло тофалару войти в доверие к народцу, взнуздавшему зайцев. Он немедленно отправился на поиски страшного животного, вступил с ним в схватку и придушил. Миф не сообщает, снял ли он с удивительного соболя шкуру. Но вероятно, ему было не до этого, потому что впереди маячила куда более значимая добыча — дружественное племя посулило дать тофаларам живой воды и сделать их бессмертными.

Доставить живую воду люди на зайцах взялись сами и обещание выполнили. Но когда они показались вдаль, тофаларские женщины начали невежливо показывать на их скакунов пальцами и смеяться. Унять этих хохотуний не было никакой возможности. И тогда наездники на ходу повернули своих зайцев, поскакали к лесу и выплеснули живую воду на кедры, ели и сосны, благодаря чему эти деревья сделались вечнозелеными. А людям бессмертие улыбнулось...

Наказание женщиной

Когда настало время для массового десанта индейцев Варрау с неба на землю, верховное божество по имени Старший Брат запретило участвовать в этом деле беременным женщинам. Есть предположение, что сделано это было с целью охраны материнства и детства, но, с другой стороны, надо признать, что проникнуть до конца в замысел божества невозможно.

Как правило, подвластный божеству народ принимает подобные указания без рассуждений. Но в племени варрау нашлась одна пребывающая на сносях дама, которая запретом пренебрегла — уж очень интересно было ей, что же такое происходит на земле. Ничего особо интересного она не увидела, но Старшего Брата вывела из себя, и он постановил, что с этого момента бессмертие для всех без исключения варрау отменяется.

На Тайване наземный и подземный миры когда-то сообщались между собой посредством узкого хода, в который толстым и беременным желательно было не соваться. Но Тайвань не входит в юрисдикцию Старшего Брата — на этом острове, во всяком случае, в тех местах, где живет племя пайван, правит Властитель Небес, и, когда брюхатая женщина из здешних решила полюбопытствовать, как протекает жизнь в Нижнем мире, никто ее не остановил. А надо было бы! Потому что в Нижний мир она пролезла, но когда спустя неделю, совершив тур (all inclusive!), возвращалась, то не сумела протиснуться обратно из-за выросшего живота. Пришлось ей остаться под землей, то есть, в переводе с языка мифа, умереть, и с тех пор стали умирать члены племени пайван.

Народность бугун, проживающая на востоке Индии, малочисленна, а на фоне более чем миллиардного населения страны и вовсе выглядит микроскопической. Но если бы не жены бога Апупхулмы, все могло быть совсем иначе...

Первая жена Апупхулму не любила и сбежала от него к водному духу. При этом она еще возвела на бывшего

мужа напраслину, утверждая, что он слишком стар и плохо исполняет супружеский долг. Насчет старости женщина против истины не погрешила: Апупхулма был не просто стар, а, как и полагается богу, практически вечен, — но его прыткости в постели мог позавидовать кто угодно. Это он доказал во втором своем супружестве.

Хотя, признаться, бегство первой жены здорово ударило по Апупхулме и повлияло на него не самым лучшим образом. Ему стало казаться, что никому он не нужен и никто его уже никогда не полюбит. Только заниженной самооценкой можно объяснить то, что, едва Апупхулме начала оказывать знаки внимания девушка, у которой отсутствовали одно ухо, один глаз, нос и подбородок, как бог тут же растаял и поспешно женился на этом сокровище, опасаясь, что оно тоже даст деру.

Новая жена незамедлительно приступила к деторождению и последовательно произвела на свет камень, гром, землетрясение, дождь, ветер, змея-радугу, ядовитую змею, болезни... Одни детишки удались на славу и принесли народности бугун пользу: например, камень сгодился для строительства домов, а дождь, гром и змей-радуга — для ликвидации засухи. Другие, наоборот, оказались вредны, а ядовитая змея — та вообще начала с того, что до смерти закусала собственную одноухую и одноглазую мамашу, и Апупхулме пришлось жену воскрешать. Последним же ребенком бога и его странной супруги стала смерть.

Миф поясняет, что появление столь разных детей у одних и тех же родителей объясняется исключительно свойствами матери, которая на одну половину была хороша, а на другую плоха. Какую же именно половину безносой жены Апупхулмы следует считать хорошей или, к примеру, какой ее профиль, правый или левый, близок к эталонному, миф не сообщает.

Или вот, скажем, библейская история: «создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни...»*, а потом решил: «не хорошо быть человеку одному;

* Быт II, 7.

сотворим ему помощника, соответственного ему... И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку»*. Предполагалось, что человек и жена его, нареченные Адамом и Евой, будут бесконечно пользоваться всеми благами райской жизни — правда, при одном необременительном условии: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»**. Заповедать-то заповедал, но что такое смерть — не объяснил. И беспечный Адам, вслед за своей любопытной женой, вкусил плод запретного дерева. По мере пережевывания плода кое-какие познания — в том числе и о смерти — у него, вероятно, начали появляться, но было уже поздно. Расплата за нарушение указания Господня последовала незамедлительно — чета перволюдей была лишена бессмертия и снята с райского довольствия.

Когда Прометей украл с Олимпа огонь, чтобы передать его людям, сиречь древним грекам, это был, конечно, поступок героический. Однако истинный его мотив обычно остается за кадром. А ведь он точно описывается всем известной и даже затертой фразой Экзюпери: «Мы ответственны за тех, кого приручили». В случае Прометея ответственность была даже двойной: то, что греческий титан приручил людей, взявши их в каком-то смысле на свое иждивение, было следствием того, что прежде он приложил руку к их созданию.

На этот счет греческая мифология предлагает две версии: согласно одной, Прометей вылепил людей, смешав глину с водой, а богиня войны и мудрости Афина одарила их дыханием; согласно другой, художественной лепкой занимался сын Прометея — Девкалион со своей женой Пиррой.

* Быт II, 18, 21–22.

** Быт II, 16, 17.

Созданные, какую версию ни возьми, при участии Прометея греки жили себе понемножку, и, если бы не история с похищением огня, это тихое существование без горестей и смертей продолжалось бы, скорее всего, и по сей день. Боги, может быть, и не благоволили к ним, но, во всяком случае, терпели их существование. Но после кражи огня этому терпению пришел конец, и разгневанный Зевс решил наказать людей, создав женщину. Из этого, кстати, следует, что до определенного момента древние греки были исключительно мужчинами.

Сказано — сделано. По указанию Зевса бог огня Гефест соорудил женщину, используя один к одному рецепт Прометея, а Афина наделила ее душой. Получилось юное и весьма прелестное существо, которое нарекли Пандорой, что в переводе с греческого означает «всем одаренная». На первый взгляд имя как имя, но если знать, чем все закончилось, то можно усмотреть в нем бездну иронии.

Девушка быстренько окрутила брата Прометея — Эпиметея и по-хозяйски устроилась в его доме. Разбирая вещички, она как-то наткнулась то ли на ларец, то ли на большой кувшин — пифос (тут миф предлагает варианты) и уж было собралась открыть его, как с воплями вбежал Эпиметей и объяснил, что делать этого нельзя, поскольку в ларце (пифосе) запечатаны все беды человеческого рода. Какого, извините, беса столь опасная вещь хранилась именно в его доме, а не где-нибудь в Аиде на специальном складе?! Нет ответа...

Понятное дело, Пандору измучило любопытство: она кругами ходила вокруг емкости с несчастьями и наконец решилась в нее заглянуть, подумавши, что если приоткрыть крышку чуть-чуть, то большой беды не будет. Как она ошибалась! Всем горестям хватило мгновения, чтобы выйти наружу. Внутри, когда Пандора в ужасе захлопнула крышку, осталась только надежда. И таким образом, смерть в древнегреческих полисах расположилась как у себя дома, а надежда, что когда-нибудь древние греки ее все-таки одолеют, была замаринована под крышкой.

Грустная история. Но каков Зевс! Это ж как надо разбираться в женской натуре, чтобы безошибочно разыграть столь сложную многоходовую комбинацию!..

Упертая Намби и рассеянная Мужонде

В высшей степени поучительна история предков добропорядочных африканских народов ганда и матумби. Прародитель и тех, и других Кинту, героически пройдя через многие брачные испытания (например, ему пришлось съесть еду, приготовленную на сто человек), взял в жены не кого-нибудь, а Намби, дочь божества неба. Свадебные торжества прошли на небесах, а затем новобрачные отправились жить на землю, прихватив с собой скот, курицу, разнообразных саженцев, семена и множество полезных вещей, которые в дальнейшем весьма пригодились людям.

Спуск с заоблачных высей происходил в строжайшей тайне, дабы за молодыми не последовал брат Намби — Валумбе, которому прямо-таки не терпелось оказаться среди людей. Оно и понятно: будучи божеством смерти, на небе Валумбе оказался не у дел — в окружении могущественных коллег по пантеону он не имел никакой возможности исполнять свои обязанности — можно было в ответ и самому хлопотать. Бедняга маялся от бессмысленности собственного существования, а тут такой случай...

Впрочем, несмотря на мычащее и блеющее стадо и изрядный багаж, Кинту сумел обмануть шурина, но на полпути Намби вдруг вспомнила, что забыла корм для курицы. Кинту стал уговаривать ее поставить курицу на подножное довольствие или просто отправить в кастрюлю, но Намби уперлась и вернулась за кормом обратно. Это было роковое решение. На этот раз Намби не удалось отвязаться от липчивого Валумбе, и он притащился за ней на землю, где проявил себя во всей красе — никому не удалось уберечься. Умер и сам Кинту. Нынешний вождь племени ганда считается прямым его потомком по мужской линии...

Справедливости ради скажем, что у ганда это не единственная версия появления смерти. Есть и другая, согласно которой во всем виноват сильно постаревший и выживший из ума Кинту. Суть ее сводится к тому, что прародитель ганда разозлился на одного человека (своего потомка, ста-

ло быть) и проткнул его волшебным копьем, а тот возьми да и умри...

Пренебрежительно, обошлись со своим божеством Рухангой перволюди африканского племени ньоро. Получив в вечное пользование землю и человеческие тела, они предавались удовольствиям, бездельничали и совершенно не вспоминали своего благодетеля. Руханга хамство подопечного народа терпел, терпел, да и не вытерпел. Когда ньоро окончательно распоясались и вместо того, чтобы возвращать урожай, потребовали уничтожить чувство голода, он разом передал их всех, обрушив на землю небесный свод, который опирался на дерево, столб и железную балку.

Освободившуюся территорию Руханга заселил новыми, но опять-таки бессмертными ньоро. Из осколков балки он велел им сделать орудия труда, дабы не проводить время в праздности и честно зарабатывать себе на жизнь.

И ньоро второго созыва, надо сказать, оценили доброту демиурга: они жили тихо, излишества отвергали и целиком посвящали себя сельскохозяйственным занятиям. Но и такое поведение не уберегло их от разочарования. Нет, нет, Руханга не обрушил на ньоро-2 небесный свод, как на их предшественников, — это, в конце концов, было бы несправедливо; вполне вероятно, он здесь вообще ни при чем.

Зато самое прямое отношение к развернувшемуся событиям имела женщина по имени Мужонде. Эта дама поднялась на небо, бывшее в те годы для ньоро чем-то вроде большого (и бесплатного!) супермаркета, за семенами элевсины — злака, которым в тропической Африке кормят скот. Сроки визита были выбраны с таким расчетом, чтобы разминуться с живущей на небесах Смертью, — та как раз ушла по каким-то своим делам (кстати, не понятно — куда; ведь, кроме земли и неба, иных мест для пребывания и времяпрепровождения в ту мифическую эпоху не существовало).

Как это часто бывает с женщинами, Мужонде, хотя и пошла за семенами, обратно отправилась без семян, поскольку на небе ее постоянно что-то отвлекало. О цели поездки она вспомнила на обратном пути и, недолго думая,

вернулась назад, но и шагу не успела ступить, как встретила Смерть.

Смерть спустилась на землю вместе с Мужонде, и с тех пор ньюоро умирают.

Жизнь со звездой

Одна девушка из племени индейцев умотина как-то ночью взглянула на небо и — уж не знаю, каким образом, — разглядела среди звезд одну особенную. Это была, с одной стороны, звезда, а с другой — мужчина. Девушка, видимо, не отличалась особенной скромностью, поскольку незамедлительно захотела этому мужчине отдаться и сообщила об этом своей мамаше. Та для проформы дочь отругала, но тут же отпустила ее в одиночестве на рыбалку, где с большой степенью вероятности девушка могла встретиться с мужчиной-звездой. Надо полагать, матери он тоже показался очень неплохой партией.

Чтобы звезда не прошел мимо, девушка для верности разделась и всю рыбалку простояла на берегу нагишом. Усилия ее зря не пропали — звезда приметил ее и подошел познакомиться. Он был раскрашен красным соком семян кустарника биксы, который еще зовут помадным деревом, — в таком виде он запросто мог выйти на современную эстраду и стать не какой-то там мифической, а вполне натуральной звездой. Вблизи, правда, нос девушки установил, что мифическая звезда издает гнилостный запах, но это ее не остановило, как ничто не останавливает некоторых наших современниц, если судьба сводит их с поп-кумирами. В общем, девушка осуществила задуманное, хотя само совокупление не доставило ей никакого удовольствия и чуть не закончилось трагически.

Детали, которые приводит миф, мы опустим. Скажем лишь, что мифология умотинов по части сексуальных мотивов разработана хорошо и в ней достаточно милых подробностей.

Спустя положенный срок девушка родила мальчика, который, однако, явился на свет слабеньким и прожил

недолго. Что же касается звезды, то началась обычная история. Он ударился в бега и даже пытался скрыться на небе, но наша девушка достала его и там. Они сочетались законным браком, затюканный семейной жизнью муж перестал звездить и занялся поисками пропитания, — в частности, он вынужден был охотиться в облике орла. Но когда у них снова родился ребенок, он не выдержал и отослал жену на землю, запретив оставлять сына под дождем, а сам опять стал полновесной звездой. Беспечная мать этим указанием пренебрегла, и это привело к смерти и ее, и ребенка. Узнав об этом, мужчина-звезда погрузился в переживания, его заела совесть, и в конце концов он воскресил жену и сына и забрал их на небо. Там они живут в полном здравии по сей день.

Эта история послужила основой для большинства сериалов, которые снимаются на телевидении, нашем и не нашем. Кто не верит, пусть посидит несколько вечеров у телевизора и проследит все сюжетные линии.

Тех, кто все это смотрит, не жаль. Они сами выбрали свою судьбу.

Жаль индейцев умотина, которые, прежде вечноживущие, после этой истории, стали умирать, и ныне их остались считанные сотни.

Мужские поступки

В существовании мифического человека всегда было, есть и будет место подвигу, хотя часто этот подвиг, как и в реальной жизни, не имел смысла и совершался лишь для того, чтобы звать людей на следующие, не всегда полезные подвиги. Поэтому не следует искать в мифических подвигах прикладное значение и пытаться извлечь из них какой-нибудь толк.

Желание совершить героический поступок у мифических персонажей было столь велико, что если не удавалось совершить его во благо, то нередко он совершался во вред себе и людям. То есть в этом смысле люди мифических времен ничем не отличаются от нас с вами.

Они, если вдуматься, вообще ничем от нас не отличаются.

Герои с острова Банаба

«**Ж**енская тема» будет освещена неполно, если не пересказать миф, рожденный на тихоокеанском острове Банаба, который ныне входит в состав островного государства Кирибати. В этом мифе женщина тоже присутствует, но не как главное действующее лицо, а в качестве катализатора мужского поступка, который в равной степени можно охарактеризовать и как глупый, и как героический.

Так уж вышло, что именно в той точке, где находится Банаба, в стародавние времена земля и небо плотно соприкасались, и, как иногда бывает, в результате такого плотного соприкосновения, от их трения возникли брат и сестра Табакеа и Титуабине. Родившись, они тут же вступили в кровосмесительную связь и произвели на свет Накаа, а затем множество других детей, которые и образовали первое население Банабы. Накаа стал вождем новоявленного племени. Кстати, называлось оно, как и сам остров, — банаба. Это очень удобно — трудно что-либо напутать.

Поначалу банаба жили как в раю. Местный демиург снабдил их неистощимой векшей и неистощимой кокосовой пальмой, иначе называемой Деревом жизни. Поэтому рыбы у них было столько, что они уже и смотреть на нее не могли, а кокосов даже больше, чем рыбы, — с векшей еще надо дойти до воды, а кокосы росли и падали на головы банаба сами. Но что важно — это банабским головам не приносило никакого вреда, поскольку ни боли, ни болезней, ни переломов, ни, упаси Боже, смертей, население острова не знало.

Чтобы этот дом отдыха не кончался, банаба достаточно было блюсти, в сущности, одно условие — обеспечивать раздельное проживание мужчин и женщин. Мужчины жили на северо-западе острова, а женщины — на юго-востоке, и Накаа строго следил за тем, чтобы ни те, ни другие не пересекали условную черту.

При разделе имущества чудесные векша и пальма достались мужчинам, но и женщин демиург не обделил — для них было выращено специальное Дерево-женщина с благоуханными цветами. О плодах этого дерева ничего не сообщается, но нет сомнения, что они были, и в большом количестве, — иначе остается предположить, что банабские дамы питались исключительно цветами, ведь иных средств к добыче пропитания у них не имелось. Из того, что Накаа запрещал мужчинам срывать цветы с Дерева-женщины, можно заключить, что росло оно где-то на границе мужских и женских владений и банабские мужики при желании могли до него дотянуться. Но видит око, да зуб неймет...

Однажды когда Накаа в очередной раз отправился куда-то по делам, ветер сорвал с Дерева-женщины цветок

и принес его на мужскую половину. Мужчины принялись его жадно нюхать, и им так понравился аромат, что они скопом, несмотря на все запреты, рванули к замечательному дереву и принялись рвать букеты. Надо полагать, что женщины тоже приняли в этом участие или, во всяком случае, не очень отстаивали свое единоличное право на пользование распустившимися цветами, поскольку, когда вернулся Накаа, он к возмущению своему увидел цветы, заплетенные и в женских, и в мужских волосах.

По этим цветам, на глазах превращавшихся в седины, вождь сразу смекнул что к чему и сделал отчаянную попытку восстановить статус-кво. Он собрал всех мужчин на поляне и предложил выбирать между Деревом жизни и Деревом-женщиной, которое Накаа без обиняков назвал Деревом смерти. Вождь надеялся, что мужчины одумаются, но они, нанюхавшиеся цветов, продолжили упорствовать в своих заблуждениях и предпочли Дерево-женщину. В сердцах Накаа бросил им завернутых в лист пандануса насекомых, сложил с себя обязанности вождя и вознесся на небо, прихватив с собой неистощимую векшу и Дерево жизни.

Насекомые в панданусе в одной своей ипостаси были обыкновенными козявками с крылышками, лапками, брюшками и фасеточными глазками, а в другой — представляли собой всяческие недуги. Эти насекомые-недуги тут же начали пожирать жизнь банаба, и поэтому островитяне — мужчины и женщины — начали умирать. Они, можно сказать, заплатили бессмертием за право совместного проживания полов.

В героизме с ними могут сравниться только мальгаши, которые тоже стояли перед выбором: возродиться, подобно луне, но не иметь детей, или продолжать свой род, но умирать, подобно банану. И мальгаши ради детей выбрали путь самопожертвования...

Правда, высказывается мнение, что банабские мужчины в тот исторический момент, когда решали, как жить дальше — с женщинами или сугубо мужским коллективом, — провидели будущее и действовали по принципу «все равно пропадать»... Ибо сейчас на острове Банаба не то что вечно,

а и просто жить почти невозможно. И пожелать кому-нибудь бесконечно существовать в здешних условиях — то же самое, что проклясть этого человека самым жестоким образом. Дело в том, что в двадцатом веке остров уничтожили почти целиком, разрабатывая месторождение фосфоритов, из которых весь Банаба, собственно, и состоит. Ныне здесь живет несколько десятков человек, да и они, похоже, скоро сбегут куда подальше...

Свобода не продается

Биография прародителя индейцев арекуна Акалапиджейме не задалась с самого начала. В молодости он был чрезвычайно доверчив и позволил лягушке увлечь себя на далекий остров, где не оказалось ничего хорошего, кроме милых лягушкиному сердцу болот. Так бы и куковать (или квакать) там Акалапиджейме всю свою бессмертную жизнь, но над ним сжалился Солнце, импозантный, богато раскрашенный мужчина, посадил в лодку и отвез к своим дочерям. Сделал это Солнце, надо полагать, не без умысла, в надежде выдать какую-нибудь из них, засидевшихся в девках, за индейского добра молодца. Эту версию подкрепляет и то, что он строго-настрого запретил Акалапиджейме общаться с другими представительницами прекрасного пола.

Но будущий прародитель арекуна ответил своему спасителю черной неблагодарностью. Вместо того чтобы принять предложенную ему честь, он, продолжая столоваться у Солнца, затеял шашни с довольно странными особами, которые, с одной стороны, вроде были обычными девушками, а с другой — стервятниками (или, точнее, стервятницами). Кстати, в русском языке слова «стерва» и «стервятник» имеют общее происхождение: первое когда-то означало «падаль», а второе и давным-давно, и сейчас значит «падаль поедающий».

Солнце, узнав о неподобающем поведении предполагаемого зятя, погрузил дочерей в лодку и уплыл искать им других женихов, напоследок сказав Акалапиджейме, что не

сохранить ему теперь вечной молодости и соответственно не жить вечно. Но, судя по тому, что наутро после отбытия Солнца Акалалпиджейме проснулся в окружении стерв, то есть, простите, стервятниц, это не остудило его пыла. С одной из этих девушек он и зачал первого арекуна, в генотипе которого места для бессмертия не нашлось.

Между прочим, историю Акалалпиджейме можно подать и под совсем иным соусом: дескать, бесконечной жизни в золотой клетке он предпочел жизнь конечную, но зато на свободе.

Непокоренные бондо

Небольшая народность бондо, живущая на востоке Индии, когда-то была, если верить мифу, весьма многочисленной. Что, в общем, не должно вызывать удивления, если знать, что бондо жили вечно и при этом успешно производили новые поколения. Дошло до того, что высшие силы обеспокоились и демиург Махапрабху попросил властителя мертвых что-нибудь придумать. А что может придумать божество, назначенное начальствовать над покойниками, которых нет, когда его просят подсократить количество живых? Ответ очевиден.

И владыка отсутствующих мертвецов, этот командир без войска, снарядил к людям делегата, перед которым поставил непростую задачу — сагитировать людей добровольно отправиться в Нижний мир, а если никто на рекламу не поддастся, решить вопрос силой. Но ничего у его эмиссара не получилось. Некто, чье имя, к сожалению, осталось не известно, застрелил посланца Нижнего мира — миф не уточняет каким образом, но, надо полагать, из лука. Не ожидавший такого поворота владыка покойников отправил к бондо кровожадного тигра, но и того постигла аналогичная судьба. Бондо держали круговую оборону и, как могли, сопротивлялись агрессии преисподней.

Тогда властелин Нижнего мира решил действовать хитростью. Из волос богини Ситы Махалакшми он сделал змею и запустил ее к людям. Ползучая тварь незамеченной

пробралась в деревню и укусила ребенка. Она тут же была изловлена и уничтожена, но еще раньше умер укушенный ею мальчик. Так смерть распространилась среди нестигаемых бондо, которые оказались бессильны перед богом смерти, но и даже богу смерти не покорились.

Брат за брата

Близкородственные африканские племена марги и килба не знали забот, пока не поссорились со своим демиургом Иджу, который снабжал их всем необходимым в обмен на мелкие услуги и помощь по хозяйству.

Причиной разлада стала халатность одной женщины, которой вменили в обязанность следить за чистотой калebas, которые дети Иджу использовали как ночные горшки. Она мало того что не вымыла грязную калebasу, но и даже не опорожнила ее. А тут, как на грех, эту калebasу схватил маленький сын демиурга, и у него распух палец. Иджу разгневался, отдалил небо, где проживал с семейством, подальше от земли и снял марги и килба с довольствия.

Перед племенами встала проблема пропитания. Но вместо того чтобы засучить рукава и выйти с мотыгами в поле, марги и килба обратили взор на возделанные поля своего соседа Мпту, у которого уродилась замечательная кукуруза, и принялись совершать набеги на его уголья. Трудно было сделать что-нибудь более опрометчивое — Мпту, конечно, слыл удачливым земледельцем, но сельское хозяйство было для него, скорее, хобби, а вообще-то он заведовал смертью, ограничивая, правда, свою деятельность животным миром.

Обнаружив потраву посевов и воровство кукурузы, Мпту пожаловался Иджу, и тот в качестве компенсации за моральный и материальный ущерб разрешил ему забирать жизни представителей племен марги и килба. Мпту поспешил этим разрешением воспользоваться.

И тут в историю марги и килба вплетается героическая страничка. Брат человека, которого Мпту забрал первым, загорелся жадной мщения и вызвал духа смерти на поединок. Между ними завязалась нешуточная битва,

и в какой-то момент показалось, что человек вот-вот одолеет смерть. Ему даже удалось отрубить Мпту ногу, но сверхъестественная сила все-таки взяла свое: дух смерти изловчился и поразил человека.

С тех пор Мпту хромает (миф не сообщает, пользуется он протезом, или костылями, или тем и другим вместе), а марги и килба забыли про иждивенчество и живут своим собственным трудом, сея злаки и выращивая скот. Но живут, к сожалению, не вечно, поскольку мандат, полученный Мпту, сохраняет силу.

Небожительница Венин и ее брат Вут спустились на землю в Центральной Африке, огляделись и признали это место пригодным для жизни. Оно было тем более пригодно, что никаких людей в округе не наблюдалось и природа была девственно чиста. Пользуясь большим количеством свободных площадей, брат и сестра решили жить отдельно. Есть предположение, что инициатива раздельного проживания исходила от Венин, которая, надо думать, имела некоторое представление о наклонностях своего братца. Но возможно, брат и сестра просто не хотели мешать друг другу — ведь оба были великанами.

Спустя какое-то время Венин произвела на свет пятерых сыновей, об отце которых ничего не известно. Четверо родились естественным порядком, а пятый — а точнее, первый, поскольку он немного опередил братьев, — пошел своим путем и явился на свет из бедра. Звали его Нзеанзу. Все пятеро новорожденных ростом были под стать мамаше.

То ли повлиял способ рождения, то ли какие-то другие факторы, но Нзеанзу во всем отличался от братьев — он был умнее их, сильнее, хитрее и развивался так быстро, что оказался готов к подвигам, когда они еще не вышли из младенческого состояния. Неудивительно, что именно Нзеанзу в итоге спас всю семью от гибели и дал таким образом братьям шанс породить славное племя бачама. Поэтому Нзеанзу считается у бачама добрым духом.

Вскоре после рождения «великолепной пятерки» у Венин возникло какое-то дело к Вуту, и она запросто, по-семейному, отправилась к нему в гости. С собой она прихвати-

ла четверых сыновей, дабы познакомить их с двоюродными сестрами, дочками Вута. Нзеанзу тоже решил посетить дядю, но чуть припозднился и, входя, увидел, что тот ставит на очаг котел. Мальчишка сразу смекнул, что, а точнее, кого Вут собирается варить в этом котле, но паниковать не стал, а хитроумно поменял одежды братьев и кузин. И Вут, никаких иных различий у детей, кроме цвета пеленок, не принявший во внимание, побросал в кипящий котел вместо племянников родных дочек. Понятно, что его ужин оказался безнадежно испорчен...

Нзеанзу, пока дядя в замешательстве стоял над котлом, велел матери и братьям бежать, а когда Вут пришел в себя и пустился в погоню, сделал их маленькими, величиной с нынешних бачама. Вут не заметил их и пронесся мимо.

С тех пор он рыщет по округе и срывает зло на бачама — ни в чем не повинных потомках братьев Нзеанзу. Наубивал он их немало — достаточно для того, чтобы в мифах за ним прочно закрепился статус божества смерти. Если бы не Вут, жить бы людям племени бачама вечно...

Мукуфи и монго

Н есть числа историям о схватках со смертью, которые хранятся в памяти и пересказываются из уст в уста в деревнях, где проживает африканское племя монго. Копилка этих рассказов у каждой семьи своя, и она постоянно пополняется. Удивляться этому не следует, поскольку смерть племени монго персонифицирована не в одном-единственном существе, а во многих, пусть даже эти персонажи — злые духи, имеющие вполне материальную форму, — и носят одно и то же имя Мукуфи. Очень даже может быть, что у каждого монго есть своя персонифицированная смерть, а такой чести удостоен далеко не каждый народ.

Все дело, вероятно, в особой сопротивляемости монго, которые, сталкиваясь со Мукуфи лоб в лоб, не опускают руки и не пытаются, как многие, выторговать себе какие-то особые условия смерти, а вступают в борьбу с открытым забралом и нередко одерживают победу. Поэтому один-

единственный Мукуфи вряд ли бы одолел всех монго, да и толпой злые духи справляются с монго едва-едва, а порой и вовсе не справляются...

Как-то брат и сестра монго пошли на рыбалку, а тут откуда ни возьмись Мукуфи. Сестру он взял в жены, а брата завел в лес и убил, а печень его принес домой и заставил несчастную новобрачную зажарить и съесть. В общем, кошмар какой-то!

Но недолго злодей правил свой бал. Бедной сестре удалось наладить связь с деревней, и на помощь ей явился еще один брат с верными собаками. Собак он оставил в засаде, а сам вступил с Мукуфи в разговор, всем своим видом показывая, что готов отдаться на его милость, а потом в притворном страхе побежал и дал Мукуфи загнать себя на дерево. А тот, окончательно разнуздавшись, устроил из всего этого шоу и позвал на трапезу целую ораву своих тезок. Злые духи окружили дерево, поглядывая на сидящего в кроне мужчину и решая между собой, кому достанется грудинка, кому окорок, а кому огузок. Но не тут-то было: мужчина свистнул, собаки выскочили из укрытия и Мукуфи опомниться не успели, как были все до единого растерзаны в клочья.

Или же такая история. Один монго поймал в ловушку кабана. Только он разделал его и нагрузился мясом, как видит — идет навстречу злой дух. На первый взгляд это был вполне миролюбивый Мукуфи, поскольку промышлял он не людоедством, а рэкетом, что вообще-то для персонифицированной смерти довольно странно. Но что было — то было. Мукуфи под тем предлогом, что лес и все, в нем находящееся, его личная собственность, отобрал у монго лучшие куски, и это не была единичная акция. Каждый раз, когда этому монго удавалось добыть в лесу какое-нибудь животное, злой дух отнимал у него по меньшей мере половину туши.

Жена, видя, что муж всякий раз возвращается домой с какими-то объедками, заподозрила его в супружеской измене. Она вообразила, что муж завел другую семью и вернется на два дома, причем все самое вкусное, разумеется, относит сопернице. Она взяла беднягу в оборот, и он признался, что платит оброк Мукуфи. Жена этому не поверила и решила произвести проверку на месте. Она отправи-

лась в лес вместе с мужем, но ловушки в этот день оказались пусты.

Это тоже выглядело неплохим поводом для скандала, но едва женщина открыла рот, чтобы начать браниться, как перед ними возник Мукуфи и потребовал, коль скоро добычи нет, по-честному поделить женщину, мотивируя это тем, что на вкус она ничуть не хуже лесной дичи. Муж стал с ним спорить, но тут набежали другие злые духи, и дискуссия потеряла смысл. Он отошел в сторону и стал собирать листья, чтобы на них разделать мясо новоявленной дичи.

Миф излагает этот эпизод нарочито нейтрально, но между строк читается сочувствие к мужу-предателю: вот, дескать, до чего можно довести человека! Вероятно, сочиняли его мужчины, пострадавшие от своих сварливых жен.

К счастью, мужу не пришлось брать грех на душу. В кустах он столкнулся с леопардом, и тот предложил свою помощь. Они быстро разработали совместную операцию по уничтожению злых духов, и, когда те уже расселись вокруг несчастной с повязанными под подбородками салфетками, леопард выпрыгнул из засады. Мукуфи бросились врассыпную, но спастись удалось далеко не всем: леопард рвал их острыми когтями, а муж — не такой уж он оказался предатель — в это время освобождал жену от пут. Затем они быстрее ветра помчались в деревню.

Что первым делом сделала жена, оказавшись в безопасности? Разумеется, продолжила терзать своего супруга, то есть между ними не изменилось ровным счетом ничего. А вот к леопардам у женщин монго после этого случая особое отношение, которое выражается прежде всего в том, что они ни при каких условиях не едят мясо этой пятнистой кошки.

Главное — не плакать

Африканский народ ашанти жил поначалу в мире, где между сном и смертью не было никакой разницы. Это создавало для смерти, персонифицированной в одноимен-

ном существе неопределенного вида, серьезные неудобства. Смерть маялась, но решения не находила. С другой стороны, культурный герой Окомфо Аноче задумал и вовсе победить персонификацию смерти — не совсем, правда, ясно, то ли ее уничтожить, то ли просто изолировать от общества и лишить возможности убивать ашанти.

Это намерение не покажется самонадеянным тому, кто в курсе всех подвигов Окомфо Аноче. Уже в раннем детстве он оставлял на пальмах, куда любил взбираться, глубокие вмятины от сандалий, а брошенные им камни превращались в птиц (перед этим он их формовал руками, как хотел). Столь необычные способности побудили родителей отдать мальчика в обучение местному божеству — обosome, и не зря.

Когда Окомфо Аноче стал постарше, он прославился невероятной мудростью, почему, собственно, и был назван Окомфо Аноче, что переводится как «наместник божества» или, если угодно, «жрец обosome». А до этого он носил вполне обыкновенное имя Кваме Фремпонг, что для уха ашанти звучит примерно так же, как для нас Иван Сидоров.

Из прочих деяний Окомфо Аноче следует упомянуть по крайней мере два: замирение вечно ссорящихся между собой ашанти — он мановением жезла спустил с неба золотой трон, ставший символом единения племени, — и выращивание чудесного дерева кум, вокруг которого вырос город Кумаси, ныне второй по величине в Гане. При таких способностях Окомфо Аноче вполне мог рассчитывать на победу над Смертью, — во всяком случае, потенциал у него имелся. И то, что он не уклонился от его использования, говорит не о чрезмерной гордыне, а о простом человеческом героизме.

Итак, Окомфо Аноче пригласил Смерть к себе домой и плотно запер двери. Перед этим он велел соседям, что бы ни происходило, не плакать и — уж это обязательно! — не бить в тамтам. Прошел день, второй, начался третий... Тут из Кумаси приехал племянник Окомфо Аноче и увидел, что соседи, вопреки указанию культурного героя, горько его оплакивают. Но вместо того, чтобы прекратить истерику, он внес в нее свою лепту: схватил тамтам и, прочитая, начал

колотить, что есть мочи. На шум сбежались люди, окружили хижину Окомфо Аноче, открыли дверь и увидели, что внутри никого нет — Смерть утащила героя с собой.

Вот и гадай теперь: произошло это потому, что ашанти не выполнили его просьбу и не устроили они прежде времени поминки, все бы закончилось хорошо, или Смерть оказалась сильнее Окомфо Аноче. Но теперь этого уже никогда не узнать.

Конец людоеда

Если собрать воедино все мифы о смерти, бытующие у африканской народности саката, то картина вырисовывается такая.

Кеншуне-ншуне родился уродцем: один рот у него был, как и положено, спереди, а другой на макушке. Хуже того: поначалу у него была одна только голова, прочие части тела, если в них возникала надобность, приходилось брать взаймы у сородичей, и лишь со временем он обзавелся собственными руками, ногами и всем остальным. Может быть, именно поэтому он жил бобылем, отдельно от прочих саката. Имелось у Кеншуне-ншуне и еще одно качество, затрудняющее общежитие: он был людоедом и время от времени съедал — по одиночке или оптом — своих соплеменников, из-за чего они отчаянно его боялись и ненавидели.

Употреблением в пищу себе подобных Кеншуне-ншуне занялся, вероятно, не от хорошей жизни, но факт остается фактом. С другой стороны, он был, как считается, не только человеком, но и персонифицированной смертью и, следовательно, всего лишь добросовестно исполнял функции, которыми его наделили высшие силы. В таком случае и каннибализм, и необычная анатомия, и проживание на отшибе вполне объяснимы.

Но однажды холостяцкая жизнь Кеншуне-ншуне надоела. Он решил жениться и, не мудрствуя лукаво, взял в супруги женщину, случайно прибредшую к его жилищу. Заметьте: не пустил на закуску, а женился! Очень, надо полагать, она Кеншуне-ншуне понравилась. Дама эта была,

очевидно, не робкого десятка и цинична не в меру, коль скоро поселилась с людоедом, оставив в деревне на попечение родственников дочерей от первого брака. Очаровательная подробность: ложе, на котором почивали супруги, было сделано из человеческих костей, обтянутых человеческой же кожей.

Стали они жить-поживать и, возможно, в согласии дожили бы до старости, но тут в гости к матери незваной явилась старшая дочка — явно в намерении пожить чем-нибудь полезным. Мать благоразумно спрятала ее за перегородкой, насовала полный мешок всякой всячины и велела бежать без оглядки, а в случае особой опасности, если доведется столкнуться с отчимом нос к носу, ни за что, даже намеком, не указывать Кеншуне-ншуне на макушечный рот и лишь просить не пускать ее на котлеты, причем делать это в форме песни. Совет оказался совсем не лишним: дочь спела перед попавшимся ей навстречу людоедом правильную арию и благополучно вернулась в деревню.

Младшая сестра заглянула в мешок, принесенный старшей, и тоже засобиралась к матери в гости. При виде столь богатых даров страх перед какой-то там персонифицированной смертью у нее сам собой улетучился. Она успешно добралась до дома Кеншуне-ншуне, получила гостинцы и двинула назад, но, когда встретила людоеда, опростоволосилась: зачем-то начала петь про рот на макушке. Кеншуне-ншуне пришел в ярость, девушку убил и приволок тело домой — вероятно, напрямик на кухню: давай, мол, жена, готовь обед.

Жена, увидев добычу мужа, хладнокровно дождалась, пока Кеншуне-ншуне уйдет по делам. Лишь когда людоед удалился, она подожгла дом и побежала в деревню. Кеншуне-ншуне, вернувшись, пошел ее искать и тоже в конце концов явился к людям. А те, предупрежденные о его наклонностях, решили действовать хитростью. Они напоили Кеншуне-ншуне пивом, а когда он размяк и потерял бдительность, набросились на него всем миром и порубили в капусту.

Так умер персонаж, олицетворяющий смерть, но сама смерть осталась целехонька. Не успели саката порадовать-

ся добытому в схватке бессмертию, как смерть персонифицировалась снова — и опять в облике людоеда... И опять его звали Кеншуне-ншуне.

Мифов о том, как саката убивают Кеншуне-ншуне (он же смерть в облике человека со ртом на макушке), много, и логично предположить, что речь в них идет о разных людях или человекоподобных существах. Результат всякий раз один и тот же — Кеншуне-ншуне гибнет, а смерть все равно продолжает творить свои черные дела.

А вот какая чудная история — в чем-то очень схожая с предыдущей — произошла в африканском племени кикуюю. Это племя очень любило устраивать всякие праздники, на которые собиралось множество гостей. Поэтому никто не удивился появлению на одном из праздников удивительно красивца. При виде этого молодого человека у местных девушек сердца заёкали в унисон, и они наперебой принялись выказывать ему знаки внимания. Видимо, они все скопом влюбились в незнакомца, поскольку только любовной слепотой можно объяснить то, что ни одна сразу не заметила у него на затылке признак людоеда — второй рот, которым он между делом ловил надоедливых мух. Да, это был местный людоед Маримо, в котором персонифицировалась смерть кикуюю.

По мере общения, однако, у большинства девушек наступило прозрение, и они сделали людоеду ручкой, но две сестры-простушки, надеясь весело провести время, отправились к нему в гости. Но только они вошли в хижину Маримо, как он отбросил в сторону учтивость и велел девушкам готовиться к ужину в качестве основного блюда.

Пока людоед готовил дрова, несчастные сестры попытались бежать, сделав подкоп под стену хижины, и младшая в него пролезла, а старшая застряла — ни туда ни сюда. Тут явился Маримо, оттяпал ей ногу, торчащую из лаза, и принялся готовить жаркое. Он собирался подать на стол и прочие части тела несчастной, но она, все еще пребывающая наполовину в подкопе и наполовину обезноженная, уговорила не губить ее, а взять себе в жены. Какая же была у нее сила убеждения, раз людоед согласился!

Таким образом, ужин из одной всего лишь ноги получился скучным, но зато свадебным. Вскоре супруги произвели на свет сына Мангу, который целиком и полностью унаследовал от папаши людоедские наклонности и однажды изловил свою тетю, когда-то сбежавшую от его отца через подкоп, и с удовольствием ее сожрал. А близнецов, которые были у той в чреве, извлек, живыми приволок к матери и попросил сварить. Та, однако, заменила племянников крысами, и папа с сыном ничего не заметили. Позже близнецы выросли и, сговорившись со своей одноногой теткой, зарезали Маримо и Мангу.

Таким образом, казалось бы, смерть удалось уничтожить, и перед кикуюю открылись блестящие перспективы. Но не тут-то было! Оказывается, смерть кикуюю была очень хитрой особой и персонифицировалась не в одном, а во множестве людоедов, что сделало ее практически неуничтожимой. И пошли эти людоеды мстить за гибель Маримо и Манги, долго они лютовали по землям, населенным кикуюю, и много, много, много бед принесли...

Тунгусо-маньчжурский Павлик

Культурный герой Хадау, рожденный на березе и вскормленный птицами, совершил множество добрых дел для тунгусо-маньчжурских народов. Его одинаково славят нанайцы и негидальцы, ороки и орочи, ульчи, маньчжуры и удэгейцы. По поручению общего для всех этих народов демиурга Эндури герой Хадау разделил сушу на три материка, убил два лишних солнца, сотворил людей, животных и растения, научил тунгусо-маньчжурские народы добывать огонь и шить одежду, а кроме того, создал шаманов и выковал на особой наковальне их души. Словом, сделал все, что положено культурному герою и первочеловеку, и даже немного больше.

«Немного больше» заключается в том, что Хадау проложил вышеупомянутым народам дорогу на тот свет, называемый тунгусо-маньчжурами «буни». За это, казалось бы, ему не полагается никаких благодарностей, а, наоборот, сплош-

ная хула и порицания. Ан нет! Все, от нанайцев до удэгейцев, Хадау невероятно благодарны, и, хотя огонь, полученный от него, в их существовании — вещь совсем не лишняя, сам факт наличия загробного мира греет их души значительно сильнее самого большого костра.

Причина в том, что Хадау разведал путь в буни не из глупости, что вообще-то часто случается с героями, и не вследствие нехороших амбиций, что тоже не редкость, а единственно ради пользы народной. Пока все судили-рядили, как быть со стариками, заполонившими землю, культурный герой один посмотрел правде в глаза и решил, что старики, во избежание перенаселенности тунгусо-маньчжурских земель, должны умирать и отправляться на тот свет. Но для начала путь на тот свет еще предстояло найти, и именно этим занялся Хадау.

Пройдя через многие испытания, он нашел лаз, соединяющий два мира, — оказывается, его накрывал гигантский котел. Хадау этот котел отодвинул (по другой версии, заменил дырявым), и теперь каждый мог отправиться в загробный мир с билетом в один конец. Однако желающих почему-то не нашлось, и тогда Хадау, чтобы как-то стимулировать этот процесс, совершил свой самый героический поступок — он отправил в буни любимого сына Манги, который, таким образом, стал первым официально умершим. За это ему от нанайцев и их соседей по ареалу обитания особый респект.

Но автору этой книги поступок Хадау, хоть убейте, не нравится. Есть в нем что-то от Павлика Морозова, пусть даже это Павлик Морозов наоборот...

Мне совершенно невозможно объяснить, почему японцы оказались удостоены отдельной главы. Почему именно японцы, а не, скажем, русские или многочисленные бантуязычные африканские племена. Не пытайте меня на этот счет — все равно не отвечу. Нет и не было у меня никогда никакой тяги к чему-либо японскому, и, в отличие от большинства соотечественников, я даже суши не люблю.

Может быть, все дело в сочувствии к Амацухико-хикохо-но ниниги-но микото? В конце концов, каждый мужчина рискует нарваться на свою Иванага-химэ...

Дева Долговечности Скал

Жизнь японского народа была сломана из-за сушей чепухи. Тэнсон (небесный посланник) и сам небесный бог с длинным именем Амацухико-хикохо-но ниниги-но микото, едва прибыв на землю по служебным делам, надумал связать здесь себя брачными узами. Как повествует свод древнеяпонских легенд «Кодзики», на мысе Каса-са он встретил прекрасную девушку, выяснил, что она дочь бога гор О-ямацуми-но ками и зовут ее сразу двумя именами — Камуатацу-химэ (Божественная Дева из Ата) и Коно-

хана-но-сакуя-бимэ (Дева Цветения Цветов на Деревьях), и возжелал с ней «супружески соединиться». Нельзя сбрасывать со счетов версию, что небесный бог, как это часто делают командировочные, элементарно вешал красавице японскую лапшу на уши. Но благоразумная девица, чье второе имя в данном случае имеет особое значение, переадресовала предложение своему отцу.

О-ямацуми-но kami сильно обрадовался, но, как показало дальнейшее, не только возможности породниться с таким замечательным богом, как Амацухико-хикохо-но ниниги-но микото, но и шансу сбыть в качестве довеска к милашке Конохана-но-сакуя-бимэ другую свою дочь — Иванага-химэ (Дева Долговечности Скал), что не выбивалось за рамки принятой в тогдашней Японии морали. И сестры вместе с приданым были отосланы Амацухико-хикохо-но ниниги-но микото. Вот только тот не очень такому счастью обрадовался: Дева Долговечности Скал была столь уродлива, что, увидев ее, он, как свидетельствует «Кодзики», «испугался» и тотчас отправил ее обратно.

Тут постфактум выяснилось, что О-ямацуми-но дал клятву: если Амацухико-хикохо-но ниниги-но микото «Иванага-химэ пользоваться будет, жизнь потомка небесных богов... всегда, скале подобно, вечной, крепкой, неколебимой будет. Если Конохана-но-сакуя-бимэ пользоваться будет — расцветет, подобно тому, как цветы на деревьях расцветают». Из этого следовало, что, поскольку небесный бог оставил при себе только Деву Цветения Цветов на Деревьях, то и «священная жизнь потомка небесных богов недолговечной будет, подобно цветам на деревьях».

Потомок этот, сын Амацухико-хикохо-но ниниги-но микото и Конохана-но-сакуя-бимэ, в положенное время дал начало первой японской императорской династии. Ну а коль скоро японские императоры, согласно завету бога гор, оказались смертны, то что остается простым японцам? Таким образом, жители Страны восходящего солнца до сих пор расплачиваются за то, что живший в мифические времена небесный бог не пожелал «пользоваться» страховидной Девой Долговечности Скал.

Хотя бога, конечно, можно понять...

У японцев, правда, был еще один шанс стать бессмертными. На японском острове Мияко рассказывают, как некто Акариядзагама получил от божества луны две кадки с живой и мертвой водой и наказ мертвой водой полить змея, а живой — человека. Все, однако, перепуталось. Спустившись на землю, Акариядзагама сначала заснул, позволив змею искупаться в живой воде, а затем спросонья окатил мертвой водой человека. За это он теперь вечно стоит на луне с кадкой в руках.

История, признаться, довольно неясная. Но если верить мифу, сделай Акариядзагама все, как ему велели, стали бы японцы бессмертны — может быть, не все, но жители острова Мияко обязательно...

Ивовые айны

Едва не стали бессмертными айны, которые считаются более древними жителями Японских островов, нежели сами японцы. Ныне их осталось совсем немного на острове Хоккайдо и на Курильских островах, а ведь могло быть и совсем по-другому, отнесись боги к созданию этого народа с большей серьезностью. Наземное божество, которому пришлось в голову сделать айнов, не только не имело на этот счет четкого плана, но и даже не знало, какой материал следует использовать. Но руки чесались, и оно послало к богу неба за инструкциями воробья.

Бог неба, не подумавши, сказал, что людей можно выстрогать из ивы, и воробей улетел. Но когда шустрая птица скрылась из глаз, бог неба задним умом сообразил, что из ивы люди получатся не очень прочные и, значит, смертные, и послал вслед воробью выдру с указанием делать айнов из камня. Но мало того что он сильно переоценил скорость передвижения выдры, так он еще и не учел ее безответственность и склонность к обжорству. Вместо того чтобы направиться прямо к творцу айнов, выдра решила подкрепиться рыбой и так увлеклась этим, что явилась, когда тот уже закончил работу и, весь в стружках, с удовлетворением разглядывал деяние рук своих. Ивовые айны получились на загляденье, но, увы, недостаточно крепкие, чтобы жить вечно.

Кипящее масло как средство от чертовщины

Население японского острова Хатерума обладало бессмертием, но жило в весьма стесненных условиях. Особенно огорчал островитян скудный рацион. Долгое время они мирились с этим, но из-за голодухи нравы на острове постепенно портились, и в конце концов дошло до того, что хатерумцы превратились в чертей местного разлива — о́ни. А чертям, как известно, человеческие законы не указ. Поэтому они принялись активно убивать друг дружку и с аппетитом употреблять в пищу. То есть на тех островитян, что пошли на сукияки и прочие традиционные японские блюда, бессмертие вроде и не распространялось...

Боги, узнав об этом, схватились за головы: они-то полагали, что вынужденный аскетизм приведет население Хатерумы к святости, а вышло совсем наоборот. Попытки усюветить пустившихся во все тяжкие и дошедших до каннибализма островитян ни к чему не привели, и боги поняли, что нет иного варианта, как обрушить на Хатеруму дождь из кипящего масла, что и было сделано. А как еще иначе привести к порядку бессмертных чертей? Незатронутой оказалась только береговая полоса.

Черти о́ни после такого дождика утеряли все свои бессмертные свойства и мир живых покинули, и всего-то осталось на острове двое жителей — брат и сестра, которые во время организованного богами катаклизма собирали на берегу съедобные ракушки. Видимо, это и послужило причиной того, что их оставили в живых, — все-таки дорогого стоит, что они не поддались всеобщей вакханалии и предпочли дары моря, тогда как вокруг бегало много двуногой дичи.

На благочестивых брата и сестру боги возложили обязанность дать начало новым хатерумцам. Они благословили их супружеский союз и при этом сделали вид, будто не понимают, что толкают праведников на инцест.

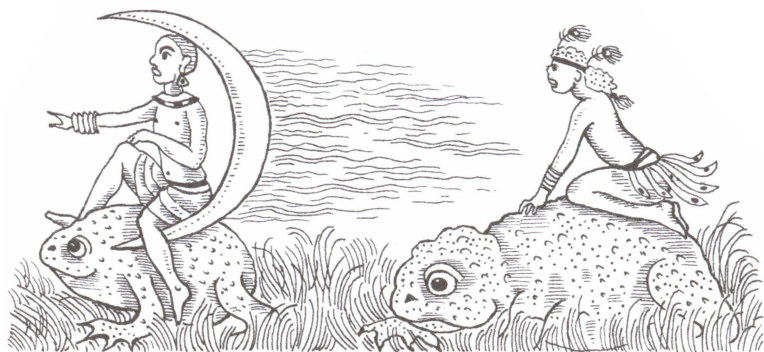
Результат такой недальновидной политики не замедлил сказаться: первый ребенок, родившийся у супругов, ока-

зался ядовитой змеей. Вторая беременность завершилась рождением многоножки, а третьим явился на свет геккон. Хороша семейка, ничего не скажешь!

Но против воли богов не попрешь — особенно если ты праведник и знаешь на примере соотечественников-чертей, к чему может привести пренебрежение указаниями сверху. Поэтому супруги упорно трудились в постели и наконец были вознаграждены рождением младенца с человеческим обликом. Затем пошли другие вполне человеческие дети, которые и положили начало новому заселению Хатерума. Но были они, увы, смертны.

Надо полагать, боги учли свою ошибку и, чтобы не предпринимать экстренных мер, вроде дождя из кипящего масла, сразу поставили новых хатерумцев перед необходимостью умирать в положенный срок.

На спортивных площадках

Довольно часто бессмертие служило призом на спортивных соревнованиях. Люди и самые разнообразные животные, выступающие как на стороне людей, так и против них, бегали, прыгали, летали и плавали в стремлении добыть человеку бессмертие или, наоборот, лишить его возможности жить вечно. Иногда, не утруждая себя физическими упражнениями, они состязались в красноречии или метали жребий. А порой — в прямом смысле — надеялись на чудо: сидели у водоема и ждали, что всплывет камень, и тогда...

Да все что угодно может быть тогда, когда всплывет камень...

Игра краплеными картами

Индийцы айорео, как мы помним, могли бы жить вечно, но обменяли бессмертие на съестные припасы. По не вполне понятной причине — может быть, из-за беспримерной глупости принятого решения — этот вопрос вернули на рассмотрение в высшую инстанцию, где между ведающим делами айорео их тотемным предком Тапиром и Месяцем завязался спор. Здесь надо понимать, что Тапир, как и поло-

жено тотемному предку, был не совсем тапир, а Месяц — не совсем месяц, поскольку оба пребывали в человекоподобных ипостасях.

Тапир исходил из принципа невмешательства и считал, что вступать в судьбу подотчетного ему народа не следует — дескать, пусть делают, что хотят, а Месяц придерживался прямо противоположного мнения. Стороны никак не желали сближать свои позиции и в конце концов устроили судебный поединок — кто победит, тот и прав. К счастью, все обошлось без кровопролития и ограничилось состязаниями в беге, итог которых должен был поставить точку в дискуссии.

Договорились, что если первым до озера добежит Месяц, то умершие айорео будут возрождаться, а если Тапир — то все устроится согласно желанию индейцев и программа «Жизнь в обмен на продовольствие» получит дальнейшее развитие. Тапир схитрил, спрямив путь, и прибыл к финишу первым. Несмотря на очевидное нарушение правила «фэйр-плей», он был признан победителем, поскольку в условиях состязаний не была оговорена длина дистанции, а только конечный пункт.

Жаба и лягушка решали жить или не жить вечно африканскому народу манжа. Смерть, принявшая облик мужчины по имени Фи, объявила (а точнее, объявил), что будет забирать людей в зависимости от исхода соревнования по прыжкам в длину между лягушкой и жабой. Но вот любопытная деталь: не было оглашено, чья именно победа пойдет на пользу людям. Первой прыгнула жаба и свалилась в вырытую Фи яму. Фи быстренько засыпал неудачливое земноводное землей и сказал, что отныне люди будут умирать. Вот если бы первой скакнула лягушка да перепрыгнула бы...

Странно не то, что все случилось именно так, как случилось, а то, что манжа поверили смерти, которая — кто-нибудь сомневается в этом? — играла краплеными картами.

Судьба трех других африканских народов — тсонга, камба и ронга — выяснялась в состязаниях с участием хамелеона. В первом случае его соперником была синеголовая яще-

рица, во втором — птичка ткачик, а в третьем — крокодил с синей головой.

Демииург народа тсонга проживал по весьма неожиданному адресу — он обосновался не на небе, как большинство его коллег-демиургов, а в болоте и звался запросто Болотным Вождем. И именно из болота он послал к тсонга хамелеона с сообщением, что после смерти они будут воскресать, и синеголовую ящерицу — с сообщением, что они будут разлагаться. Добежит первым хамелеон — быть тсонга бесмертными, а не добежит — значит, не судьба... Хамелеон занял хотя и почетное, но все-таки второе место, и за это ставшие смертными тсонга мстят хамелеонам с беспощадной фантазией: ловят бедолаг и набивают им пасть табаком.

Перед ткачиком у хамелеона, который нес сообщение, что камба уготована вечная жизнь, имелась фора. Он стартовал раньше, и, казалось, успех был ему гарантирован. Но вместо того чтобы спешить к цели, хамелеон принялся закусывать мухами, а представ перед камба, долго не мог выговорить заготовленную фразу. Тем временем ткачик, отправленный ему вдогонку с известием противоположного свойства, несся стрелой. В самую последнюю секунду он опередил хамелеона и объявил племени камба смертный приговор.

Ничуть не лучше показал себя хамелеон и когда пришло время помериться скоростью с синеголовым крокодилом. Правда, наученный печальным опытом, он старательно, ни разу не остановившись по личной надобности, прошел всю дистанцию, но все равно уступил. Синяя крокодиля голова первой пересекла финишный створ, и ронга испили ту же горькую чашу, что и тсонга с камба.

На острове Гуденаф в Меланезии прыгали через овраг, по дну которого текла река, лягушка и креветка. Креветка успешно овраг перепрыгнула, а лягушка зацепилась ногой за куст, свалилась в воду и с воплями «Помогите!» стала тонуть. Такое, конечно, трудно представить, но гуденафская лягушка не умела плавать.

Креветка вместо того, чтобы прийти ей на помощь, произнесла назидательную речь, которая свелась к тому, что, если лягушка утонет, это неминуемо приведет к трагиче-

ским последствиям для всего живого на Гуденафе, поскольку, получив одну жертву, смерть войдет во вкус и будет требовать дань еще и еще...

Так оно и случилось. Лягушка утонула, а затем мор порастил живущих на Гуденафе меланезийцев, дотоле бессмертных...

Демиург Обасси послал лягушку и утку к африканскому племени экои со взаимоисключающими вестями. Лягушка должна была сообщить, что экои будут умирать окончательно и бесповоротно, а утка — что их ждет воскресение. Для себя Обасси решил: какой сценарий будет донесен до экои первым, тот и осуществится.

Утка по дороге присела, чтобы угоститься пальмовым маслом, и лягушка, на беду экои, прибыла первой...

Полным издевательством над представителями человеческого рода выглядит забег, в котором решалось, будут или нет жить вечно литовцы. Участников было двое: улитка и ящерица. Бог решил, что если улитка первой придет к финишу, то быть литовцам бессмертными, а уж если не придет, то извините... При таком раскладе литовцам могла помочь только какая-нибудь случайность — ну, скажем, если бы ящерицу прямо на дистанции переехал автомобиль или унес орел, но случайности не произошло.

Кровь стынет в жилах от игры в мяч, которую каждую ночь устраивают, с одной стороны, солнце, принимающее вид обнаженного старика с факелом в руке, и орел-людоед, а с другой — утренняя звезда и небесный койот по имени Шнилемун. Неизменным судьей в этих нешуточных играх является луна, а на кону еженощно стоят жизни потенциально бессмертных индейцев чумаш, коренных жителей Калифорнии. Не выдумай во времена оные силы небесные этот безостановочный турнир, чумаши, вне всякого сомнения, жили бы вечно.

Если побеждает сладкая парочка, солнце и его приятель-людоед, то кто-то из чумашей, которых осталось нынче всего несколько сотен, лишается жизни. Одни умершие

чумаши идут на пропитание орлу, а другие достаются также любящим человечинку солнцу и двум его дочерям, у которых передники сшиты из живых гремучих змей. Особенно солнце с дочурками любят попить человеческой кровушки.

Правда, когда победа оказывается на стороне утренней звезды и Шнилемуна, то на чумашей сыплются всякие блага. Солнце скрепя сердце открывает небесную дверь, и земля пополняется оленями, гусями, утками, желудями и всем прочим, что составляет пропитание чумашей. Но если вдуматься, это как-то мало утешает...

Скачки в Долине смерти

В три этапа выяснялось, быть или не быть бессмертным африканскому народу яка. Сначала люди послали к демиургу Нзамби красавца хамелеона и уродину жабу с одним и тем же вопросом: не дозволит ли он им воспользоваться лекарством против смерти? Первой пришла к финишу жаба. Нзамби так оскорбился ее видом, что ответил людям отказом.

Позже, однако, он засомневался в справедливости своего приговора и дал яка шанс. Он послал к ним собаку и козу, решив про себя, чью информацию люди услышат первой, так и будет. Коза должна была сообщить, что месяц будет исчезать навсегда, а люди после смерти воскресать, а в сообщении собаки месяц и люди менялись местами. Поскольку коза по дороге решила пощипать травку, собака ее опередила.

Но и на этом в судьбе яка не была поставлена точка. Нзамби устроил еще одно состязание, передоверив решение вопроса заинтересованным сторонам — месяцу и человеку. Месяц, персонифицировавшись в божестве, оседлал лягушку, а человек жабу, и понеслись они по пересеченной местности. Скакуны шли ноздря в ноздю до тех пор, пока впереди не показалась Долина смерти. Месяц пришпорил лягушку, и та нехорошую долину перепрыгнула, а человек вместе с жабой шлепнулся в самую середину. Итог кардинальным образом сказался на всем народе яка — с тех пор

месяц через определенные периоды умирает и возрождается, а человек уж если умирает, то делает это навсегда.

Правда, первочеловек яка Тсоонги попытался избежать смерти и при таком раскладе. Когда посланная божеством смерть в образе чернокожей тетки предстала перед ним, Тсоонги напоил ее пивом и хорошенько накормил. Смерть размякла, поддавалась уговорам и забирать первочеловека не стала. Нзамби, узнав об этом, был вне себя от возмущения и наказал смерть лишением телесного состояния, дабы впредь ни еда, ни алкоголь заинтересовать ее не могли в принципе. После этого смерть явилась к Тсоонги невидимой и утащила его без долгих проволочек.

Помет в воде не тонет

Никак не могли повлиять люди на исход препирательства, которое затеяли две сварливые жены Дваты, сына верховного бога живущего на Филиппинах народа тболи, — Хиу Ве и Седек Ве. Обе вылепили фигурки первых тболи, причем Хиу Ве хотела положить их на луну, дабы тболи всегда оставались бессмертными детьми, а Седек Ве — на камень, и тогда тболи стали бы бессмертными взрослыми. Ни одна не желала уступать, спор зашел в тупик, и, как часто бывает в таких случаях, вышло ни то ни сё. Фигурки оказались на банановом листе, и поэтому теперь тболи плодятся столь же урожайно, как и бананы, но, к сожалению, умирают.

Схожим образом определилась судьба бразильских индейцев бороро. Они смиренно стояли в стороне и ждали, пока разберутся между собой начальствующие над ними тотемные предки Камень и Бамбук. Каждый из спорщиков хотел, чтобы подопечный народ во всем походил на него. Жить бы бороро вечно, сумей Камень доказать предпочтительность своего образа жизни, но красноречивый Бамбук выглядел убедительнее, и теперь бороро, подобно бамбуку, весьма плодовиты по части деторождения, но, увы, и близко не дотягивают до камней в вопросе продолжительности жизни.

Вопрос бессмертия племени индейцев сиксика, называющих себя так по цвету мокасин («сиксика» переводится как «черноногие», и это название прижилось в этнографических справочниках), решался с помощью брошенных в воду камня и бизоньего помета. Местное божество постановило: если оба вышеназванных предмета всплывут, то черноногие будут жить вечно. Сначала все вроде бы склонялось в пользу индейцев: уполномоченный божеством старик бросил в воду бизонью лепешку и она всплыла. Но затем старуха бросила камень, и он, к несчастью, утонул...

Полинезийская богиня луны Ина как-то решила продемонстрировать своему сыну Тараури омолаживающий эффект водоема на Раротонга — самом большом острове в архипелаге Кука. Она прыгнула в воду и вынырнула у противоположного берега юной девочкой. Тараури последовал за матерью, но плавал он плохо, тем более под водой, проплыть далеко не сумел и высунул голову над поверхностью где-то посередине. Никакого омоложения с ним не произошло. А нет омоложения — нет и бессмертия.

Ина поняла, что ничего путного из сына не получится. На всякий случай она провела еще один тест, велев Тараури залезть на дерево пау, с ветвей которого лежала дорога в Нижний мир. Сын должен был сообразить, что следует воспользоваться живой зеленой ветвью, но он выбрал засохшую и тем самым окончательно решил свою судьбу.

Чтобы больше не мучить ни его, ни себя, Ина решила вопрос радикально, приказав Муру и Акаанге, стражам у входа в Нижний мир, убить несчастного, что те с удовольствием и исполнили. Так на Раротонга появилась смерть.

Ныне все полинезийские покойники попадают в огромную печь Аваики, где их хорошенько поджаривают и подают затем на стол богине подземного мира Миру. А научись Тараури как следует плавать, полинезийцы, скорее всего, понятия не имели бы о подобных страстях.

Бессмертие индейцев цимшиан, живущих на северо-западе Канады, было, независимо от их желания, разыграно в своеобразном состязании. Их неразборчивый в связях тотемный

предок Ворон совокупился в один день со Скалой и Бузиной, и обе забеременели. Раз уж так вышло, между ними решено было устроить соревнование, кто первая родит. Победительнице посулили звание праматери цимшиан, и ее ребенку, стало быть, не оставалось ничего, как стать первым цимшиан. Имена Скала и Бузина весьма соответствовали свойствам этих милашек, которых если и можно было причислить к женщинам, то с изрядной долей условности.

Бузина опередила соперницу и, таким образом, вошла в историю. Куда делся ребенок Скалы, теперь уже не узнать, и очень жаль: миф утверждает, что цимшиане, родись они не от Бузины, а от Скалы, были бы покрыты твердой чешуей, похожей на ногти. Само по себе это достоинство сомнительное, но чудесная чешуя, опять-таки по сообщению мифа, сделала бы их бессмертными.

Впрочем, сетовать цимшианам на то, что им досталась не та праматерь, теперь уже поздно, да и, согласитесь, приличные люди праматерей не выбирают.

Лицемерная луна и прозорливое солнце

Трудно переоценить роль, которую в решении вопроса «жизнь или смерть» сыграли солнце и луна.

Что касается солнца, то оно — что в одушевленном и даже человекоподобном виде, что в неодушевленном, — как правило, было весьма требовательно к людям. Но при этом выступало с открытым забралом, четко расставляя акценты и отвергая всякую двусмысленность: подавайте мне жертву — а иначе уйду с небосклона!

Ночное же светило на первый взгляд выступало на стороне людей, но, к сожалению, каждый раз находился кто-то, чьи возможности превышали лунные, и бессмертие делало человеку ручкой. Закрадывается мысль, что не очень-то луна и стремилась одержать победу во благо человека. Но оставим это на ее совести.

Бушмены и зайцы

Луна, едва явившись на небе и обрета качества антропоморфного божества, позиционировала себя как близкого друга и военного союзника бушменов. Ее помощь была для бушменов отнюдь не лишней, поскольку в те далекие времена им весьма досаждали зайцы. Эти могущественные

животные отчего-то невзлюбили безобидных охотников-собирателей, которые, между прочим, являются одним из древнейших народов на земле. Зайцы не раз бесстрашно вступали в схватку с очеловечившейся Луной — только бы не допустить бушменов к вечной жизни — и, несмотря на полученные увечья, выходили победителями. Им, видите ли, не нравилось, что бушмены, находясь в состоянии временной смерти, разлагаются и плохо пахнут.

Первая баталия Луны и самого главного зайца завершилась тем, что заяц получил сандалией по верхней губе, отчего она раздвоилась. Но затем Луна и заяц все-таки пришли к безрадостному для бушменов соглашению. Ради того, чтобы не допустить возрождения издающих скверный запах мертвецов, заяц даже согласился на то, чтобы пожертвовать бессмертием абсолютно всех зайцев, которые с того момента живут очень мало.

Не исключено, однако, что обе стороны надеялись в будущем этот договор как-то подкорректировать и наверняка не собирались его выполнять в полном объеме. Во всяком случае, как сообщает другой миф, стычки между Луной и предводителем бушменских зайцев продолжились, и однажды Луна заехала зайцу топором по губе. Но заяц устоял на ногах и в ответ расцарапал Луне лицо — следы заячьих лап в полнолуние может увидеть каждый желающий.

Поняв, что в драке косоного не одолеть, Луна попыталась действовать убеждением. Она произнесла перед главным зайцем речь и вроде бы уговорила его пойти и сказать бушменам, что отныне, умирая, они будут возрождаться. Почему-то обратиться к дружественному народу сама Луна не могла или не хотела. Заяц ответил согласием, но, представ перед людьми, наплевал на обещание и объявил, что они будут умирать, разлагаться и нехорошо пахнуть.

Слова зайца обладали магической силой — они претворились в действительности. Именно этим можно объяснить то, что с бушменами все произошло именно так, как сказал заяц, а не так, как хотела Луна. Узнав, что заяц все переврал, Луна снова ударила его топором по губе...

В другом варианте мифа роль вестника доверена черепахе — еще тот скорород! Пока черепаха добиралась до пунк-

та назначения, она все забыла и вернулась назад. Склероз, поразивший медлительное пресмыкающееся, имел для людей пагубные последствия, поскольку перед Луной, словно из-под земли, опять вырос вездесущий заяц и вызвался исполнить ее поручение. По дороге, однако, косою употребил внутрь какую-то траву, поэтому все перепутал и сказал людям, что они как были смертны, так таковыми и останутся. Отличие этого варианта мифа в том, что по губе зайцу, не дожидаясь реакции Луны, дали камнем в порядке самосуда сами бушмены.

Вообще-то в том, что Луна раз за разом доверяла столь ответственное дело зайцу, с которым состояла в напряженных отношениях, есть что-то подозрительное. Может быть, не очень-то и хотелось ей, чтобы бушмены жили вечно?

Это предположение подкрепляется другим бушменским мифом. Вот его квинтэссенция: однажды к Луне явилась тысяченожка и заявила, что, по ее тысяченожкиному мнению, бушмены должны умирать раз и навсегда без всяких шансов на воскресение. И бушменское ночное светило с ней согласилось...

Всходит Месяц обнаженный...

Точно так же, как с бушменами, Луна, по достоверному свидетельству мифов, поступала и с остальными людьми. От ее двуличия изрядно пострадали и родственные бушменам готтентоты, и народ амбо, и мьянма (бирманцы), и австралийские аборигены... Да и мало ли кто еще — от многих потерпевших народов, может быть, даже следов не осталось.

Вопрос бессмертия готтентотов, коренных жителей Намибии и Южно-Африканской Республики, однозначно был решен в их пользу, но Луна не нашла ничего лучшего, как послать с этим сообщением хамелеона. Сия ящерица знаменита склонностью к перемене окраски, но стремительностью передвижения ненамного превосходит черепаху.

Описывать в подробностях дальнейшее не имеет смысла: у хамелеона случился провал памяти, откуда ни возъ-

мись возник заяц, ну и так далее... Повторилась бушменская история. В другом варианте готтентотского мифа Луна отправила к людям с благой вестью не хамелеона, а вошь. Есть и третий вариант, в котором заяц, перехватив хамелеона, поначалу хотел отправить к людям с перевернутым текстом клеща. Но тот проявил порядочность и отказался выступать в такой роли. И тогда заяц сам поскакал во всю прыть...

Особенно ярко личность Луны характеризует происшедшее с племенами австралийских аборигенов, живущими на плато Кимберли. Здесь Луна выступила в мужской своей ипостаси — в качестве Месяца. Кстати, в образах небесного светила, надо думать, хорошо разобрался один из основоположников русского символизма поэт Валерий Брюсов. Иначе вряд ли бы он написал свое знаменитое

Всходит Месяц обнаженный
При лазоревой Луне...

Так вот, Месяц женился на обыкновенной аборигенше, но вместо того, чтобы строить ячейку общества и плодить детишек, воспылал страстью к собственной теще и попытался ее изнасиловать. Но теща оказала активное сопротивление, на шум прибежала толпа аборигенов и, говоря языком судебной хроники, нанесла Месяцу травмы, несовместимые с жизнью. Умирая, насильник предрек, что через пять дней возродится, а людям за такое с собой обхождение обещал краткосрочную жизнь с бесповоротной смертью в конце. Так оно и вышло.

Но на этом либидо в Месяце не унялось. Возродившись, он, несмотря на идущую впереди него недобрую славу, каким-то образом сумел втереться в доверие первочеловеку другого австралийского племени — тиви. Пока этот первочеловек по имени Пурукупали был на охоте, Месяц склонил к интимной связи в кустах его жену Биму. Дело житейское, и, если бы все свелось только к появлению ветвистого украшения на лбу Пурукупали, оно не стоило бы выведенного яйца. Но Бима так увлеклась, что забыла на солнце своего

маленького сына Джинини. Мальчику напекло головку, он умер, и это была первая смерть среди тиви.

Тут вернулся с охоты Пурукупали и набросился на любownika жены. Месяц попытался спастись от побоев, уверяя, что сделает все для оживления ребенка, но Пурукупали обезумел от горя. Он наделал Месяцу шрамов, а потом взял тело ребенка и скрылся с ним в морских волнах со словами, что теперь все тиви будут смертны.

Другие упоминаемые в мифах случаи вмешательства Месяца в судьбу людей, как правило, привели к результатам ничуть не лучшим. Так, поспорив с Солнцем, он лишил бессмертия бразильских индейцев рамкокамекра. Мужеподобный Солнце бросил в воду палку из пальмовой древесины, а Месяц — камень и настоял на том, что рамкокамекра будут умирать, подобно утонувшему камню. Так же, брошенным в воду камнем, Месяц predeterminedил появление смерти в австралийском племени нунгабурра.

В Африке Месяц напакостил народу амбо. Он варил печень в двух котлах — для Солнца и для амбо, но не уследил за котлом, в котором готовилась еда для людей, и печень в нем сгорела. Солнце, который в этом мифе выступает по отношению к Месяцу начальствующим божеством, принял странное решение: он наказал за разгильдяйство не только Месяца, но и — почему-то — людей племени амбо, решив, что раз уж им не досталось еды, то они недостойны вечной жизни.

Пытаться проникнуть в смысл этого решения себе дороже. Но надо отдать должное мудрым амбо — они смиренно приняли вердикт Солнца к сведению и стали жить в предложенных обстоятельствах.

На территории, которая ныне входит в австралийский штат Куинсленд, с участием Месяца разыгрался настоящий триллер. Сначала многоженец Месяц утопил своих сыновей. В ответ жены подожгли его хижину. Месяц, однако, сумел выбраться из огня, взлетел на небо и уже оттуда, с безопасного расстояния, объявил о своем решении, что, мол,

теперь он останется бессмертным один, а люди будут умирать.

Кто-то может спросить: а как же утопленные извергом дети — ведь они умерли раньше объявления о введении смерти на землях, подвластных куинслендскому Месяцу. Но во-первых, они были людьми только наполовину, по матери, а во-вторых, их гибель можно счесть репетицией и, следовательно, лишенной официального статуса.

У народа кхму Месяц украл кусок древесины, обладающий замечательными свойствами: стоило им прикоснуться к мертвому телу, как оно тут же превращалось в живую и вполне дееспособную особь.

То же самое он проделал в Мьянме, своровав у одноименного народа волшебный пест (надо полагать, сделанный из той же древесины), прикосновением которого великодушные мьянма оживляли всех подряд — змей, собак, принцесс, и теперь там с оживлением как-то не очень...

Пугливые солнца

Над племенем паси, и поныне проживающим в предгорьях Гималаев на северо-востоке Индии, сияло не одно, а целых два солнца, отчего паси прямо-таки изнывали от жары. Наконец один из богов, покровительствующий племени, пустил в направлении солнц стрелу и попал. Раненое солнце померкло — и стало луной. А второе солнце с перепугу забилося под землю и наотрез отказалось выходить оттуда. На земле воцарились тьма и уныние.

Наконец до людей дошла весть, что солнце согласно вернуться, но при условии, что ему отдадут на съедение дочь кого-нибудь из богов. Не успели паси осознать услышанное и смириться, что теперь придется проживать свою вечную жизнь в полной темноте, поскольку превратить дочь бога в продукт питания было не в их власти, как к ним в качестве посланца солнца явилась летучая мышь и предложила заменить небесную девушку на обычную, земную.

Паси без раздумий — видимо, мрак им порядком надоел — ответили согласием, быстренько определили, кого из девиц отдать на заклятие, и отправили несчастную с глаз долой, из сердца вон. В конце концов одной девушкой больше, одной девушкой меньше... Солнце закусило бедняжкой, даже не подавившись, и довольное вылезло на небосклон.

А паси, которые надеялись отделаться по-легкому, после этого стали смертными — все, поголовно, и даже для вождей боги не сделали исключения.

Индийский народ помо, на чьих землях, между прочим, было основано когда-то в Калифорнии русское поселение Форт-Росс, попал в немилость к солнцу в незапамятные времена. За что — уже никто не помнит. Но видимо, не поделили помо и солнце что-то очень серьезное, поскольку солнце каждый вечер забирает у помо как минимум одну человеческую душу.

Если бы не эта застарелая и уже не поддающаяся объяснению вражда, быть бы помо бессмертными.

Аботани, первопредок тагинов, живущих в Индии, сделал для своих соплеменников много полезного — например, научил их возделывать рис, но вот от смерти уберечь не сумел.

Вышло так, что солнце, светившее тагинам, было проглочено чудовищем Вийутаму. Правда, солнце оказалось весьма изворотливым: попав Вийутаму в глотку, оно мгновенно превратилось в маленький листик и выскочило наружу через нос — только чудовище его и видело. После этого оно отказалось выходить на небо, пока не получит в качестве компенсации за пережитое сына Аботани.

Без солнца жить тагинам было неудобно, но и мальчика отдавать на заклятие не хотелось. Поэтому сначала тагины решили обмануть солнце и подсунули ему животное, наряженное в детскую одежду. Солнце, может быть, и не увидело бы подмены, но откуда ни возьмись явилась летучая мышь и рассказала светилу, что его бессовестно надувают. Тогда тагины попытались подсунуть солнцу вместо сына Аботани другого мальчика, но летучая мышь и тут их разоблачила.

Делать было нечего: пришлось в уповании на милосердие солнца отправить к нему сына первопредка. Но где уж там место милосердию? Солнце сожрало мальчишку, и этой первой смертью запустило механизм умирания тагинов. А затем, согласно обещанию, отправилось на небо.

Распутный герой

В допотопную эпоху индейцы хопи жили под землей в обличье хвостатых муравьев, а когда жизнь все-таки заставила их выбраться наружу и принять человеческий облик, они долгое время шеголяли с длинными хвостами. При этом женщины и мужчины жили отдельно друг от друга, и женщины в ожидании потопа строили высоченную башню, а мужчины выращивали сосну, забравшись на которую все вместе теоретически могли спастись. Но башня развалилась на конечном этапе строительства, а сосна, хотя и доросла до неба, пробить его не смогла, что в условиях, когда вода могла накрыть землю до самой небесной тверди, было не только желательно, но и необходимо. Все это не имеет прямого отношения к потере людьми бессмертия, однако же демонстрирует нервный фон, на котором происходили дальнейшие события.

Небо удалось пробить срочно посаженным тростником. Хопи пролезли в образовавшуюся дыру и обнаружили по ту сторону тверди такой мрак, хоть глаз выколи. Поэтому в целях освещения двое юношей повесили кое-какие созвездия, луну и солнце, а культурный герой (он же тотемный предок) хопи Койот щедрой рукой, то есть лапой, расшвырял, как попало, звезды. Получилось очень симпатично, жаль только, что солнце, сделанное юношами, между прочим, из лисьего меха и хвоста попугая, застыло посреди неба, как приклеенное.

Стали думать, как быть, перебирали варианты, но тут демиург сигнализировал Койоту, что для дальнейшего движения солнца необходима человеческая смерть. Делать было нечего. Посовещавшись, хопи умертвили первую попавшуюся девушку, и солнце сдвинулось с места, но,

протащившись до зенита, опять остановилось. Следующей стала смерть сына вождя хопи, и солнце отправилось на закат, где опять застряло с кровожадной ухмылкой. И так далее и тому подобное — без очередной жертвы солнце отказывалось идти дальше.

На четвертый день все умершвленные оживали, но не было уверенности, что черед воскресений не прервется, и с каждым приносимым в жертву хопи прощались как в последний раз. В племени воцарился страх перед смертью и, можно предположить, пошла в рост коррупция, ибо не совсем ясно, как именно определялись кандидаты в жертвы. Еще недавно вполне счастливая жизнь хопи пошла вразнос, в глубине трудовых масс началось брожение, и так могло дойти до создания революционной ситуации, при которой никому не будет дела не то что до движения солнца, а до того, есть оно вообще или нет. И тогда Койот решил вопрос кардинально, заявив, что хопи должны вообще отказаться от воскресений. Если все без исключений — независимо от льгот и привилегий — будут умирать навсегда, то не будет и почвы для злоупотреблений.

Надо отдать Койоту должное: начать он решил с себя — умер и спустя три дня не возродился. Его примеру — а что им еще остается? — следуют с той поры все члены племени. И благодаря этому солнце над хопи двигается в правильном ритме...

Есть, однако, у хопи и другая версия происхождения смерти, из которой следует, что никакого самопожертвования Койот не совершал и ничего героического в нем не было, а имела порочная склонность к кровосмешению.

Некто Барсук (то ли человек, то ли получеловек-полубарсук, то ли барсук в чистом виде) оживил девушку хопи, которая — представьте себе! — приходилось ему и Койоту сестрой. И оживляться бы, по правилу прецедента, после этого всем умирающим хопи, но Койот возжелал на этой девушке жениться. Барсук отговаривал его, упирая на то, что инцест может не понравиться божеству, которое курирует хопи. Но тщетно — если уж какая мысль Койоту в голову втемяшивалась, выбить ее оттуда было невозможно. Койот

сочетался с девушкой хопи законным браком и отправился с ней на брачное ложе. Никто не заглядывал им под одеяло, и, конечно же, неизвестно достоверно, что там произошло, но с ложа несчастную вынесли мертвой.

Второй миф, если вдуматься, не так уж сильно противоречит первому. Ведь можно быть героем и развратником одновременно. Эх, Койот, Койот...

А кто за свет платить будет?

Индийцы уичоли поначалу жили в полной темноте, но при этом тянулись к свету, хотя толком и не знали, что это такое. Когда эта тяга сделалась прямо-таки невыносимой и стала мешать нормальному существованию уичолей, главная их богиня, ведающая всеми водными ресурсами, Такуци Накаве, она же Мать-Земля, объявила, что если уж так хочется света, то кто-то должен принести себя в жертву и превратиться в солнце.

Тяга в уичольских массах после этого как-то сразу уменьшилась, и самые горлопаны поспешили спрятаться в тень (разумеется, фигурально — откуда тень при абсолютной тьме?), но тут вдруг на авансцену вышел прекраснодушный мальчик, сын богини земли и маиса Утуанаки, рожденный, согласно мифологии уичолей, без отца. В чистой душе сироты разговоры о свете нашли благодатную почву.

Мальчонка героически бросился в озеро, которое в этот миг превратилось — мнения очевидцев расходятся — то ли в кровь, то ли в огонь, достиг дна, пробил его и продолжил движение вниз, миновав аж пять нижних миров. Там ему встретилось множество опасных тварей, и среди них окружающая всю землю громадная змеюка с головами на обоих концах тела.

Превращение мальчика в солнце происходило по мере продвижения вниз, и, когда ниже опускаться уже было некуда, метаморфоза завершилась. Теперь новоявленному солнцу предстоял трудный путь наверх.

Тем временем на поверхности шла праздничная суета. Во-первых, готовились к торжественной встрече солн-

ца, которое по расчетам Такуци Накаве и соседствующего с ней на небесном троне заведующего засухами Татевари, он же Отец-Огонь, должно было выйти наружу из пещеры на востоке уичольских земель. Во-вторых, всенародно обсуждали, какое имя дать поднимающемуся из подземный светилу, и решили назвать его Тау. Напомним, что все это происходило в кромешной тьме.

Тау безумно устал, пробираясь через нижние миры в качестве мальчика туда и в качестве солнца обратно. Поэтому, едва выбравшись под приветственные крики из пещеры и полезши наверх, он стал падать, схватился за небо и увлек его за собой. Катастрофы удалось избежать благодаря Татевари, который мгновенно подпер небесный свод пятью пальмами — одной в центре и четырьмя по краям. Тем временем Тау собрался с силами, вскарабкался на небо и в скоротечной схватке одержал победу над мраком.

Не успели уичоли порадоваться такому исходу, как Татевари огорошил их сообщением, что солнце надо питать, иначе оно погаснет, и не чем-нибудь, а своими доселе бессмертными жизнями. В сущности, Отец-Огонь всего лишь потребовал у подотчетного народа плату за свет, однако возмущению уичолей не было предела. Но что толку возмущаться непомерной платой, когда все надеялись на халяву и никому даже в голову не пришло, что следует договариваться заранее?

Чтобы у людей не возникло сомнений в серьезности ситуации, Татевари лично принес в жертву первого уичоля. А дальше все пошло, как по-накатанному.

Самопожертвование богов

Мифология ацтеков сложна и порой противоречива, но кое-что, если запастись терпением, о происхождении смерти из нее извлечь можно.

Согласно ацтекским мифам, вселенная ныне пребывает на пятом этапе своего развития, а четыре предыдущие завершились — во всяком случае, с точки зрения людей — не очень удачно, поскольку конец каждой из них знамено-

вался гибелью мира. Когда четвертый мир сгинул в потопе, одни люди погибли, а другие превратились в рыб. В человеческом обличье остались только супруги Тата и Нена. Они сидели на дереве, грызли припасенную кукурузу и ждали, пока спадет вода. Жить бы да жить им в обновленном мире бессмертной жизнью — вплоть, по крайней мере, до новой общемировой катастрофы, так нет же: захотелось супругам рыбки. Они слезли с дерева — благо кое-где уже появилась суша, — добыли трением огонь, изловили бывшего своего соплеменника, изжарили и слопали за милую душу.

Это сильно не понравилось чете демиургов Ситлалатонаку и Ситлаликуэ, тем более что некоторые мифы ассоциируют их с Татой и Неной: не хватало еще демиургам обвинений в каннибализме. К незадачливым Тате и Нене с небес спустился посланный демиургами бог дождя и грома Тлалок, молниеносно отсек обоим головы и присоединил к ягодицам. Срослось, как родное, — так, утверждает миф, появились первые собаки.

На этом ацтекская история пятого этапа могла бы закончиться, толком не начавшись, но все проясняет другой миф. Оказывается, Ситлаликуэ родила кинжал (чему вряд ли стоит удивляться), в котором находились — ни много ни мало — тысяча шестьсот богов. Что-то им на небе не понравилось, и они, не покидая кинжала, устремились на землю и свалились с неба в местечке Чикомосток, что по-русски означает «Семь пещер». Выйдя наконец наружу, они тут же послали к Ситлаликуэ гонца с просьбой разрешить им создать для своих нужд людей. Однако демиургия отвечала им, что раз уж они не захотели жить на небе, то пусть обращаются с такими просьбами не к ней, а к властителю преисподней Миктлантекутли.

Делегатом в загробный мир был отправлен бог Кетцалькоатль, он же Пернатый Змей, которому удалось выпросить у Миктлантекутли останки людей, погибших в потопе. Зная переменчивый характер владыки мертвых, Кетцалькоатль с человеческими костями под мышкой мгновенно побежал обратно, и правильно сделал, поскольку Миктлантекутли быстро передумал и погнался за ним, чтобы водворить останки на место. В спешке Кетцалькоатль упал, полу-

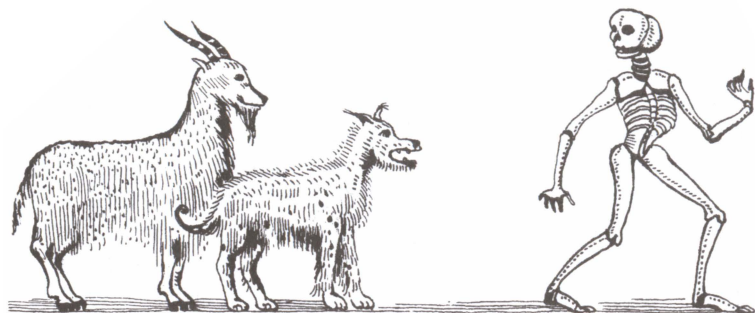
ченные им кости разбились на куски разной величины, он собрал, что сумел, и поэтому среди людей есть и большие, и маленькие.

Боги сложили кости в сосуд, полили своей кровью, и на четвертый день из сосуда вылез мальчик. Затем таким же манером они произвели девочку. Кетцалькоатль лично вскормил их соком чертополоха, и они, когда выросли, положили начало ацтекам. Люди прислуживали богам, и все было бы хорошо, но не хватало света — все вышеописанное происходило в темноте, потому что солнце выставило невыполнимое на первый взгляд условие: оно, дескать, будет стоять на месте, пока все боги не принесут себя в жертву.

Боги собрались на совет, чтобы решить, как быть с солнцем, и ничего умного не придумали, а только завели друг друга сверх меры. Распаленный до крайности, бог утренней звезды Тлауискалпантекутли забрался на высокую гору и выпустил в солнце три стрелы, но стрелы вернулись, подобно бумерангам, и одна из них пронзила голову Тлауискалпантекутли, от чего он в тот же миг превратился в бога камня и холода Ишлаколиуки. После этого боги, фактически взятые в заложники, поняли, что придется выполнять требования нахального светила, и, сознавая свою ответственность перед миром, решили пожертвовать собой — только бы солнце пришло в движение. Кетцалькоатль, традиционно бравшийся за самые трудные дела, обсидиановым ножом вырезал по очереди у каждого из них сердце.

Так была заложена традиция смерти у ацтеков, которая обязательно должна продолжаться, иначе остановится движение солнца, а как только это произойдет, утверждает миф, все нынешнее человечество погибнет в каком-нибудь катаклизме и закончится пятая эра существования мироздания.

Вредные и очень вредные животные

Перечень вредоносных животных, принесших смерть в самые разные племена и народы, отнюдь не заканчивается тапирами, зайцами и тысяченожками.

Млекопитающие, пресмыкающиеся, птицы, земноводные и насекомые на заре человеческого рода, кажется, только тем и занимались, что пакостили людям. С другой стороны, нельзя не признать, что делали они это по большей части едва ли не вынужденно, отстаивая в силу имеющихся возможностей свое право на существование.

Живых существ, которые поспособствовали тому, чтобы те или иные народы не стали бессмертными или перестали быть таковыми, великое множество. Для удобства восприятия мы расскажем о них последовательно, в соответствии с делением на классы, и начнем с млекопитающих.

Деяния семейства псовых

На бессмертие племени индейцев нисенан вето наложил койот. Тройка в довольно неожиданном составе — ящерица, луна и солнце — постановила, что нисенан через четыре дня после смерти будут воскресать и начинать новую жизнь. Присутствующий здесь же койот предложил,

чтобы люди при этом не расслабились и все равно справлялись похоронные обряды. Во время одного из таких обрядов кто-то отломал ветку, которая превратилась в гремучую змею и смертельно ужалила дочь койота. Озлившись на людей, койот попросил решение о воскресении нисенан отменить, что и было сделано. И теперь все умершие нисенан отправляются в нисенанский загробный мир, расположенный на луне, где питаются плодами гигантского дуба. Крону этого дуба может увидеть с земли каждый желающий — это самое большое пятно на поверхности земного спутника.

Койот predetermined судьбу индейцев вашо, живущих на территории Большого Бассейна — самой большой бессточной территории Северной Америки. Его родственник по семейству псовых волк предлагал вырыть чудесный колодец с живой водой, чтобы вашо могли в нем омолаживаться, но койот это предложение отверг, заявив, что привык питаться падалью, а мертвые люди — самые вкусные из всех мертвых существ. Волку не осталось ничего иного, как признать правоту койота.

Индейцы сери также обязаны своим вымиранием койоту. Когда-то сери были бессмертны, но койот, вступивши в сговор с навозным жуком, добился того, что сери стали умирать. У каждого из них был свой интерес: койот, как и в случае с вашо, решал проблему вкусной и здоровой пищи, а навозный жук просто опасался, что сери, увеличившись бесконечно, начнут в буквальном смысле ходить по жукам и многих передавят.

По долгам своего предка Койота расплатились индейцы оканоган. У Койота умерла жена, но божество, носящее незатейливое, но емкое имя Вождь, возвратило ее неутешному мужу с условием, что они воздержатся от совокупления по дороге домой. Тогда, добавил Вождь, Койот с супругой будут жить вечно, а кроме того, станут бессмертными все оканоган. Четверо суток пути Койот крепился и не прикасался к жене, но во время пятого ночлега не выдержал. Но

едва он приступил к делу, как жена растворилась в ночном воздухе, и более Койот ее не видел никогда. Что же до окаянган, то они как умирали, так и умирают по сей день.

Понятно, что, говоря о семействе псовых, нельзя обойти вниманием собак. Как показал Михаил Булгаков в «Собачьем сердце», эти милейшие животные в очеловеченном качестве способны самым отчаянным образом обнаглеть — особенно если в их лапах окажется власть. Но перволюди африканского племени нанди, вероятно, не читали Булгакова и поэтому собаку не только очеловечили, но — берите выше! — возвели в ранг тотемного предка. И этот, с позволения сказать, предок не замедлил поставить племя нанди на уши. Дошло до категорического требования собаки дать ей молока и пива из той же посуды, из которой пьют сами нанди, а иначе, дескать, она использует свои тотемные полномочия и сделает нанди смертными. Посоветовавшись, как быть, нанди приняли половинчатое решение: пива с молоком собаке налили, но не в собственные плошки, а на скамеечку, на которой обыкновенно делали обрезание мальчикам. Собака предложение пить из лужицы сочла за оскорбление, и больше нанди среди бессмертных не видели.

Безответственность собаки привела к тому, что смертными стали ханты. Важная деталь, без которой не понять происшедшее: у собак хантов имелись крылья.

Как-то заболел один ханты. Видимо, это был очень важный человек, поскольку для него не составляло ничего необычного обратиться за советом, как лечиться, непосредственно к богу. Он послал на небо крылатую собаку и честно исполнил принесенное ею сверху указание положить голову на камень, а ногами упереться в трухлявый пенёк. Но гнилое дерево рассыпалось, ханты ударился головой о камень и умер. Оказывается, собака все перепутала: надо было использовать гнилушку как подушку, а камень как подставку для ног. Бог наказал бестолковое животное, лишив его крыльев и повелев впредь питаться одними только объедками со стола хантов. Но облегчить участь хантов не захотел или не... смог.

Выше уже приводились два мифа о потере бессмертия африканским племенем луба, но есть еще и третий, главные персонажи которого собака и коза. Демиург Калумбу, который вполне уживается в пантеоне луба с демиургом Мвиди Микулу из двух предыдущих мифов, создав луба, велел собаке и козе их охранять, причем персонифицированную Жизнь, когда она появится на дороге, к подопечному народу пропустить, а Смерть, наоборот, задержать.

Собака первой встала на караул, но заснула, и Смерть беспрепятственно проникла в племя. На следующие сутки сторожить отправилась коза и, наученная горьким опытом собаки, проявила чрезмерную бдительность и начала задерживать всех подряд. Среди прочих оказалась Жизнь — поэтому она и не смогла помешать Смерти собрать свою первую жатву. Так и повелось с тех пор, что Смерть в конечном счете одерживает победу над Жизнью...

Собака и коза соединенными усилиями пресекли бессмертное существование африканского племени дагомба. Несчастные дагомба попали в рабство к соседям и послали собаку к демиургу Вуни с нижайшей просьбой дать им свободу. Но собака по дороге зазевалась на котел, в котором некая старуха кипятила воду. Тем временем коза, случайно услышавшая просьбу дагомба, взяла инициативу на себя, явилась к Вуни и, все перепутав, сообщила, что люди просят сделать их смертными. Вуни удивился столь странной просьбе, но ничего уточнять не стал и распорядился, что впредь дагомба будут умирать. А когда наконец до него добрела собака, он отказался переменить решение...

То же самое, как под копирку, произошло с племенами буилса, акпосо и игбо, только в первом случае действовали те же собака и коза, во втором место козы заняла лягушка, а в третьем — овца.

И очень похожая история случилась с африканским народом бонго. Только бонго послали к своему главному божеству не собаку, а козу, которая, однако, надумала по дороге подкрепиться. Пока она закусывала свежей травкой, все слышавшая собака понеслась к демиургу стрелой и сообщила, что бонго просят о смерти.

Собака поставила крест и на вечной жизни многочисленного народа селькупов, живущего на севере Западной Сибири. Бог дал ей поручение сообщить селькупам, что человека после смерти следует положить на помост и тогда он оживет, но собака из хулиганских побуждений велела закапывать покойников в землю. Селькупы так и стали поступать, а когда выяснилось, что их ввели в заблуждение, было уже поздно. Прецедент, он и в Сибири прецедент. Собака, которая до этого проживала на небе при боге, за содеянное была отправлена в вечную ссылку на землю, но селькупам это принесло разве что моральное удовлетворение...

И в завершение информации о собачьем племени два слова о прямых предках домашней собаки — волках. Волчьим именем индейцы пауни с Великих равнин называют Сириус, но за какие заслуги, не совсем ясно, ибо роль волка в истории пауни сугубо отрицательная.

Что сделало это животное? Волк получил от звезды своего имени, то есть от Сириуса, задание следить за Молнией, которая была послана Венерой на Землю в очеловеченном облике с большим мешком за спиной. Время от времени Молния вынимала из мешка звезды, и они образовывали селения пауни. Волк этот мешок украл, засунул внутрь лапу и в ту же секунду погиб — надо полагать, от электрического разряда, ибо что хорошо молнии, то волку — погибель. Так в местах проживания пауни появилась смерть.

Пауни выделали шкуру глупого животного и с тех пор предпочитают ходить в дубленках на волчьем меху.

Крот, посланник солнца

Тот же продовольственный интерес, что и у койота в Северной Америке, был на африканском континенте у гиены. Именно она преградила путь к бессмертию двум народам бантуязычной Африки — эмбу и гого. В первом случае гиена перехватила посланника солнца — крота и под-

менила эликсир жизни, который он нес эмбу, ядом, убивающим человека окончательно — так, что никакое оживление уже не поможет. Причем гиена избежала наказания, а вот крота — за невольное соучастие — солнце отправило жить под землю. Во втором случае гиена вступила в прямой спор с первочеловеком гого, и добилась того, что люди стали умирать, а у гиен появилась пища.

Крот отметился в еще одной истории, связанной с бессмертием. Но если эмбу могли упрекнуть его только в халатности, то по отношению индейцам кламатам, живущим в американском штате Орегон, этот подземный житель совершил настоящее преступление. Змея хотела научить людей менять кожу и, таким образом, молодеть, но крот — на территории Орегона в мифические времена кроты пользовались особым авторитетом — потребовал, чтобы кламаты умирали, и баста!

Высокую активность в вопросах бессмертия человека продемонстрировали крысы и мыши. Для мышей это была, можно сказать, жизненная необходимость. Например, бесконечно расплодившиеся эвенки топтали их, как заведенные, и мыши наслали на эвенков вшей. Стоило вшам заесть насмерть одну женщину, так сразу и все прочие эвенки стали смертны.

Крыса, которая пребывала в ранге советника демиурга Бунгана Малама, курирующего индонезийское племя кенья, проявила изрядную дальновидность. Бунган Малам высказал пожелание, чтобы жизнь у кенья была, как у банана, но крыса возразила, что банан чересчур плодовит и, следовательно, земля может переполниться людьми и тогда несладко придется всем. Тогда Бунган Малам предложил, чтобы люди, подобно луне, умирали и возрождались, но и этот вариант был по совету крысы забракован. Сошлись на том, что кенья будут жить, как деревья, то есть расти вверх, а затем, как деревья, умирать, оставляя после себя потомство.

То же самое насоветовала крыса Луне, когда та в качестве демиурга занималась созданием коренных жителей

острова Фиджи. Поэтому фиджийцы пребывают с крысами в состоянии постоянной войны.

На островах Номои (они же Мортлок), входящих в состав Каролинских островов, которые, в свою очередь, являются частью Микронезии, крыса рекомендовала местному богу Луку не делать местный народ трук бессмертным, поскольку это приравнивает его к богам, и Лук согласился, что людям сие будет не по чину.

На острове Мерир в западной части Тихого океана, самой удаленной территории островного государства Палау, крыса на паях с человекоподобной Луной выступила создателем местных представителей народа палау. Однако, когда дело дошло до обсуждения, быть палау мерирского разлива смертными или нет, крыса стала доказывать, что с человека хватит уже того, что его вообще сделали. Луна попыталась отстаивать противоположную точку зрения — она желала, чтобы человек существовал по ее образу и подобию, то есть время от времени умирал и возрождался, — но куда там! Крыса, недолго думая, принялась науськивать на олицетворение небесного светила собаку и пообещала, что если Луна будет и дальше упираться, то она и ее саму сделает безвозвратно смертной. Перетрухнувшая Луна сбросила земную ипостась, как лишнюю одежду, и дала стрекача на небо, а крыса, оставшись в одиночестве, наделила людей, как и наметила, смертностью. Как следствие этого, сейчас на Мерире живет всего пять человек...

Парно- и непарнокопытные

Уафриканского племени нейо был маленький шансик обрести бессмертие, но и он был упущен по вине антилопы.

Смерть в Кот-д'Ивуаре, на территории которого живут нейо, не любит передвигаться по бездорожью — в тамошних краях это антропоморфный персонаж, и ничто челове-

ческое ему не чуждо. Этим и воспользовался один из нейо, попросивший демиурга Блегнибу создать такой камень, который сможет преградить Смерти путь.

Блегниба не замедлил заветный камень явить, и нейо поволок его к тому месту, где дорога ныряет между скалами и нет никакого иного прохода. Он надеялся закупорить Смерть в безлюдной местности. Правда, дорогу следовало завалить как минимум с двух сторон, но о другом ее конце миф умалчивает — возможно, потому, что и с одной стороной не очень-то получилось.

Камень был тяжеленный, и нейо порядком умаялся, когда невесть откуда возникла антилопа и предложила свою помощь. О, наивный нейо — он с радостью эту помощь принял! Антилопа впряглась в камень, сделала шаг и... запела. Этого категорически не следовало делать, поскольку камень тут же крепко-накрепко прирос к земле.

Причины миф не сообщает, но, поскольку антилопа не канарейка, есть основания полагать, что антилопий вокал не понравился демиургу и он вместо того, чтобы просто дать ей по рогам, сгоряча решил судьбу нейо...

Когда абхазский демиург создавал мир и дошел до сотворения из глины людей, вдруг явился черт. Улучив момент, он наслал на полуфабрикат человека — кого бы вы думали? — коней, нашептал, что, если они сейчас же не разберутся с нарождающимся царем природы, их ждут большие неприятности: мол, человек, окрепнув, начнет их эксплуатировать за милую душу.

Кони вняли призыву и вознамерились разнести в клочья абхазского Голема, который уже успел частично ожить, но тот изловчился и вырвал из собственного недолепленного живота кусок глины. Эта глина тут же превратилась в собак, которые и прогнали коней ко всем чертям.

С тех пор коренные жители Абхазии дружны с собаками. Но вот с бессмертием у них как-то не заладилось. Демиург после нападения коней доделал человека, и вроде бы все вышло хорошо, но... тем не менее абхазы смертны. И непонятно, черти тут виноваты, кони или кто-то еще.

Птицы

В древнегреческой мифологии известны стимфалийские птицы, которые обладали медными клювами, крыльями и когтями, нападали на людей и даже питались ими. Но они действовали локально, в основном в окрестностях аркадского города Стимфала, и лишь изредка вылетали по военным надобностям к Понту Эвксинскому. Вреда от них было относительно немного.

Другое дело голубь, о котором рассказывает миф племени австралийских аборигенов кулин. Месяц, поселившийся на земле, решил заняться воскресением людей с помощью живой воды, но голубь, обретший на территории племени кулин страшную силу, оживлять аборигенов запретил. И сделал это, заметьте, одним — в прямом смысле — росчерком пера в воздухе.

Аналогичный поступок в отношении бразильских индейцев кадувео совершила каракара, птица из семейства соколиных. Было время, кадувео и все живые существа в округе воскресали на второй день после смерти, но каракара захотела, чтобы смерть наступала окончательно. Так, согласно ее желанию, и случилось. Но за это она была сурово наказана: вскоре умерла мать каракары и она обратилась к боже-ству Го-ноэно-ходи с просьбой отменить прежнее решение, но тот ответил отказом.

В отличие от голубя и каракары, которыми руководили амбиции, тотем австралийского племени вураджери индюк имел корыстный интерес. Он велел людям племени умирать, так как надеялся получить в вечное и единоличное пользование всех местных женщин — почему-то любвеобильный тотем полагал, что его указание исполнят только мужчины. Или может быть, он просто не считал женщин за людей?

Но у самих вураджери с пониманием равноправия полов, видимо, было все нормально — это во-первых. А во-вторых, если судить по результату, они отличались удивительной дисциплинированностью: стоило индюку распространить

свой приказ, как члены племени независимо от половой принадлежности начали умирать и умирают до сих пор. Таким образом, ничего с созданием вечного гарема у индюка не вышло.

Своя корысть была и у жаворонка, который сам, в отличие от голубя и индюка, властью не обладал, но зато не постеснялся обратиться к небесным силам с просьбой насчет литовцев, не получивших, как мы помним, бессмертия вследствие поражения улитки в судьбоносном забеге. Но затем, видимо, наверху сжалились над ними — иначе как объяснить то, что они расплодись сверх меры? У жаворонков из-за этого даже начались проблемы — им негде стало гнездиться, поскольку бессмертные литовцы перетоптали все, что могли. Смысл обращения жаворонка, собственно, в том и состоял, чтобы освободить побольше территории для гнездовий. Одновременно с ним прошение подавала ласточка, у которой был прямо противоположный интерес: чем больше людей, тем больше крыш. Бог, к несчастью литовцев, принял сторону жаворонка.

Точно так же на востоке Индии божество Татчак Намлонг поддалось на уговоры вороны и сделало смертным местный народ ванчо. До этого ванчо, когда приходил срок, не умирали, а окукливались, как гусеницы, чтобы затем из куколки возродиться к новой жизни. При этом они успевали производить новых ванчо. В результате ванчо так увеличились численно, что стали отбирать еду у животных и птиц.

Чаша терпения зверей переполнилась после того, как сначала из-за рыбы получил удар по голове и незамедлительно облысел журавль, а затем какой-то человек вырвал кусок мяса из клюва вороны, которая и вызвалась быть ходатаям от имени всех пострадавших. Татчак Намлонг выслушал ее, признал справедливость претензий, предъявляемых к людям, и без проволочек привел приговор в исполнение.

Из-за вороны лишились вечной жизни арабы, проживающие в дельте Нила. Нильская ворона встретила коршуна, отправленного людьми на небо за бессмертием, и предло-

жила выполнить поручение за него. Коршун согласился, а ворона, явившись к демиургу, намеренно все перепутала, сказав, что люди не хотят жить вечно. Не хотят так не хотят — и демиург ограничил человеческую жизнь.

Непростительную халатность продемонстрировал гусь, которому демиург, управлявший восточным побережьем острова Мадагаскар, доверил отнести племени бецимисарака амулеты вечной жизни. Вместо того чтобы осторожно донести посылку до места назначения, гусь начал выделять в воздухе кренделя и в конце концов выронил амулеты в океан. Вот и плакало бессмертие бецимисарака...

Чистой воды предательство по отношению к божеству-творцу и людям продемонстрировал эвенкийский ворон. В мифе эвенков сообщается, как божество сотворило людей и отправилось за душами для них, а сторожить пока еще бездыханные тела оставило ворона. Тут явилось другое божество, находящееся с первым в контрах да к тому же имеющее дурные склонности, и вступило с вороном в переговоры. После недолгой торговли горе-сторож допустил нехорошее божество к охраняемым объектам, и оно их с головы до ног оплевало, из-за чего люди в дальнейшем стали болеть и умирать. А ворон получил за свое предательство большой желудок, благодаря чему теперь может в невероятных количествах поглощать падаль. Внимательный читатель заметил, конечно, что этот рассказ противоречит вышеприведенному мифу о потере эвенками бессмертия в результате заговора мышей и вшей, — но тут уж все вопросы к эвенкийским мифотворцам...

Впрочем, известны случаи, когда ворон споспешествовал людям. Например, он создал индейцев хайда, которые и сейчас живут в США и Канаде, и даже хотел сделать их бессмертными. Но тут вмешался крапивник, заявивший, что он привык устраивать в могильных холмиках гнезда: мол, если люди не будут умирать, то это приведет к сокращению поголовья крапивников. Он чирикал о птичьей солидарности, и ворон, поддавшись давлению, уступил...

Пресмыкающиеся

У ящериц, чтобы сделать смертными множество племен по всему миру, не было ни малейшего повода, но это их не остановило.

В Мексике ящерица обманула простодушную женщину индейского племени науатль, уговорив ее плакать по поводу воскресения мужа, когда для укоренения бессмертия в племени следовало, наоборот, смеяться. Ящерица же зажгла красный свет на пути к бессмертию индейских племен мохаве и тепеуа. В отношении мохаве был выдвинут такой предлог: дескать, при большем скоплении народа стесненным в жилищным условиях ящерицам придется испражняться друг другу на ноги. А в случае с тепеуа ящерица, как утверждает миф-новодел, обратилась не к кому-нибудь, а к Иисусу с предложением отменить воскресение людей, потому как при ином раскладе ей негде будет располагать свой хвост.

История, где поводом сделать людей смертными также объявлялась невозможность вытянуть хвост во всю длину, произошла за тысячи километров от мест проживания тепеуа, в Юго-Восточной Азии, — с той только разницей, что здесь хамелеон обращался не к Иисусу, а к местному божеству (во что больше верится). Суть обращения была в том, чтобы хоронить представителей народа банар, который еще называют горными кхмерами, не под корнями дерева лонг бло, что вызывало неминуемое их воскресение, а под корнями дерева лонг кхунг, что, по наблюдению хамелеона, к воскресению не приводило. Просьба хамелеона была уважена.

И тот же хамелеон подло спровоцировал первочеловека народа луйя, чтобы потом иметь возможность его покарать. Первочеловек луйя культурно отдыхал, пил пиво, получал удовольствие, и вдруг на тебе — в кружку свалился хамелеон и, выставив из пены морду, потребовал, чтобы луйя пил дальше и не рыпался. Но луйя отставил кружку в сторону, и за такую малость всесильный хамелеон отнял у него и всех его потомков бессмертие.

Галла, живущие в Эфиопии и Кении, уже были, можно сказать, одной ногой в вечной жизни, поскольку так решило местное божество. Дело оставалось за малым: объявить решение самим галла — без этого оно не могло вступить в силу. В качестве вестника божество выбрало мифическую птицу холоваку. Птица вылетела к месту назначения, но по дороге увидела внизу змею, которая завтракала, пристроившись у трупа какого-то животного.

Хитрое пресмыкающееся предложило холоваке принять участие в трапезе, а та, наевшись до отвала, размякла и вместо того, чтобы лететь дальше к галла, объявила слово божье змеям в лице, как она сочла, достойнейшего представителя змеиного племени. Галла остались ни с чем, а змеи с тех пор сбрасывают кожу и молодеют, а некоторые из них даже благодаря этому, как считается, живут бесконечно долго.

Вьеты имеют очень мало общего с галла, но бессмертия лишились как под копірку с ними. Верховный бог Нгок хоанг — Нефритовый владыка, создав людей, постановил, что, достигнув преклонного возраста, они будут засыпать на какое-то время, во сне безболезненно менять кожу и просыпаться молодыми и полными сил. А вот с ядовитыми змеями Нгок хоанг церемониться не стал и отмерил им короткую жизнь.

В командировку на землю, дабы осуществить этот замысел, был послан один из небесных богов. Но прежде чем приступить к делу, он зачем-то рассказал змеям о том, что собирается делать. Змеи, не будь дуры, тут же окружили его и, угрожая укусами, потребовали, чтобы он сделал все наоборот. Как ни странно, небесный бог испугался и на все согласился.

Когда Нгок хоанг узнал об этом, он страшно разгневался. Провинившийся бог был превращен в навозного жука и изгнан на землю, но менять что-либо в судьбе вьетов было поздно.

Культурный герой индейцев макиритаре Ванади прослыл кудесником-виртуозом, поскольку сумел содейть чудо из чудес — создать собственную мать, чтобы она родила его самого. И то, и другое прошло в высшей степени успешно.

Родившись, Ванادي велел матери умереть, и она незамедлительно исполнила его приказание. В соответствующий момент ей предстояло воскреснуть, и тогда вслед за ней воскресли бы все макиритаре.

Ванади закопал мать и, довольный, что все идет по плану, отправился по своим делам, оставив на всякий случай сторожем при могиле попугая. Но попугай не оправдал высокого доверия: когда мать культурного героя встала из могилы, он не сумел помешать ящернице окропить ее мочой злого духа Одоши. Из-за этого тело воскресшей начало распадаться. Ванادي бросился спасать ситуацию, но обезьяна-капуцин по наущению Одоши открыла шаманскую сумочку, и оттуда вышла ночь. В темноте культурный герой заплутал, а когда добрался до места действия, было уже поздно.

Жабы и лягушки

Пигмеи утратили собственный язык и поэтому говорят на языках близживущих народов. Это важно знать, поскольку ниже пойдет речь о пигмеях, говорящих на языке эфе. Именно на эфе, а не асуа, бамбути и других.

Так вот, пигмеи эфе воскрешались и омолаживались милостью своего демиурга Мури-Мури, который для этого специально спускался с небес. Как их оживлял Мури-Мури — каждого в отдельности или оптом, дожидаясь, пока соберется достаточная партия, — миф не сообщает. Думается, что бывало и так, и этак, но чаще применялся второй вариант, поскольку иначе демиургу только и пришлось бы, что сновать туда-сюда, с неба на землю и обратно.

Но даже в этом случае челночные перемещения были для Мури-Мури весьма обременительны и мешали исполнению других, не менее важных дел. Поэтому он привлекал себе на помощь разных существ — тех, что случались поблизости. Однажды померла старуха, и демиург попросил о содействии лягушку: надо было перевернуть тело, дабы ритуал оживления прошел без сучка и задоринки, и при этом ни в коем случае не ступить в могилу, ибо после этого люди начали бы умирать навсегда.

Но лягушка замешкалась. Тут на авансцену выпрыгнула жаба и предложила свои услуги. Мури-Мури против жабы ничего не имел и махнул рукой: давай перескакивай через могилу и берись за дело! Однако случился конфуз: жаба оступилась и свалилась в могилу. В результате старуху оживить не удалось, и пигмеи эфе стали умирать пачками.

Казалось бы, на этом в истории потери пигмеями эфе бессмертия можно поставить точку. Однако существует еще один миф, из коего следует, что смерть — вероятно, уже после происшедшего в первом мифе — была заключена Мури-Мури в сосуд, и, таким образом, бессмертие вернулось к пигмеям эфе.

Этот сосуд Мури-Мури доверил на хранение жабе — видимо, из тех соображений, что дважды снаряд в одну воронку не падает. Но жаба дала поддержать его лягушке, а лягушка, еще та игрунья, поскакала с ним по дорожке. Сосуд вывалился из ее слабых лапок и разбился.

Так смерть пигмеев эфе снова вырвалась на свободу.

У тораджи, которым обессмертиться мешало то «короткое дыхание» ветра, то грохот, производимый при дроблении кукурузы, была еще, как выясняется, одна возможность, но в дело вмешалась жаба. Она заметила, что тораджи если и умирают, то в значительно меньшем количестве, чем положено. Детальное изучение ситуации показало: что-то не то происходит с западными тораджи, а именно с их ветвью под названием пипи-коро. В то время как прочие тораджи смертны, пипи-коро поголовно пребывают живехоньки и продолжают увеличиваться численно.

Жаба в опасении, что люди так расплодятся, что перетопчут всех жаб, обратилась к местному demiургу с просьбой кардинально уменьшить их число. Но demiург, который, как нам уже ясно, питал к тораджи симпатию, предложил ограничиться для людей временной смертью. Жаба на это не согласилась, возникла дискуссия, и demiург вынужден был признать справедливость ее требований.

С аналогичным прошением обратились к божеству рогатые жабы на северо-западе Мексики. Их беспокоило, что племя бессмертных индейцев тараумара скоро так увели-

чится, что жабам не останется места. Сократить людское поголовье жабы предлагали с помощью болезней, которых до этого тараумара не знали. И божество вняло просьбе: болезни начали выкашивать племя, и ныне число тараумара неуклонно сокращается. А жабий народец продолжает пребывать в полном здравии...

Прекрасно чувствуют себя и лягушки, которые, обратившись по инстанции, добились регулирования численности индейцев чироки, чьи мертвцы до этого, проведя в потустороннем мире после смерти семь дней, полные сил и здоровья возвращались в лоно племени. Но стоило лягушкам вмешаться, неконтрольному размножению чироки был положен конец, и отжившие положенный срок члены племени стали бессрочно ссылаться в поля вечной охоты, или, попросту говоря, умирать...

«Поджаривающий покойников»

Неоднозначно складывались и отношения людей с насекомыми. Мы уже упоминали навозников, тысячеожек и вшей, вступавших в противостояние с людьми. Пора теперь перечислить и других насекомых — противников бессмертия человеческого рода. Особенную активность они проявляли на американском континенте, в местах проживания индейских племен.

Прежде всего это разнообразные жуки. Обитающий на территории штата Орегон маленький, чуть больше сантиметра, жучок даже заслужил у индейцев такелма название, которое переводится на русский как «поджаривающий покойников». Хочется надеяться, что «поджаривал» он мертвые тела все-таки не в прямом, а в переносном смысле. Но как бы то ни было, считается, что когда-то именно это мешало мертвым такелма возрождаться, а уж затем смерть, подобно инфекции, начала поражать одного такелма за другим.

В местах проживания индейцев жуки довольно часто выступали в качестве союзников каких-либо других живых существ. Параллельно с кротами, хотя вроде и самостоя-

тельно, они боролись против бессмертия кламатов. Та же картина наблюдается при внимательном рассмотрении мифической истории индейцев чироки, в которой наряду с лягушками сыграли весьма значимую роль личинки жуков, изобретшие несколько смертельных людских хворей. Да и «поджаривающий покойников» действовал не сам по себе, а в тесном союзе с койотами.

Не самые лучшие отношения сложились у индейцев с кузнечиками. Прямокрылые насекомые подотряда длинноусых (это, если кто не знает, официальное, так сказать, по паспорту название кузнечиков) отличаются, согласно мифам, способностью постоять за свои интересы. Вот, к примеру, что они сделали с семинолами, известными широкой общественности по роману Майна Рида «Оцеола, вождь семинолов».

Семинолы в стародавние времена имели обыкновение на третий день после смерти воскресать. Их стало так много, что они, прохаживаясь в массовом порядке по лесам и лугам, давили кузнечиков и ничуть тому не огорчались. Наконец прямокрылым длинноусым это надоело, и они решили утапывать могилы, дабы умершие семинолы не могли вернуться к жизни. Сказано — сделано! С тех пор семинолы если уж умирают, так умирают, а кузнечики живут припеваючи.

Водомерки, тараканы и муравьи

Племя кус, остатки которого нынче проживают на тихоокеанском побережье США, понесло невосполнимый урон от водомерки. Это насекомое из подотряда клопов проявило удивительное непостоянство в решениях, сначала предложив сделать людей племени кус бессмертными, а затем, подумав, что размножившиеся люди начнут наступать водомеркам на длинные ноги, вдруг переменяло мнение на противоположное, которое в конечном счете и утвердили на небесах.

На дальнем юге, в Патагонии, нехорошо по отношению к людям проявили себя тараканы, которые пришли к выводу, что жизнь их станет значительно комфортнее, если

южные теуэльче не будут жить вечно. И надо же, желание тараканов попало на рассмотрение к местному демиургу и было им проштамповано.

Люди, в общем-то, с симпатией относятся к муравьям. Свидетельством тому хотя бы многочисленные мультфильмы, где муравьи представлены в самом выгодном свете: они и трудяги, и храбрецы, и просто хорошие товарищи. Но знай те, кто восхваляет муравьев, о судьбе племени джукун из Западной Африки, они бы в одно мгновение переменили свое мнение об этих, с позволения сказать, существах.

Едва западноафриканская небесная канцелярия дала добро на возникновение племени джукун и появление соответствующего первочеловека, как чуть ли не из воздуха материализовалась смерть, принявшая обличье мужчины по имени Аки.

Первочеловек знал, что это смерть, но не очень-то ее боялся. И даже когда Аки предложил побороться с условием, что если первочеловек победит, то люди будут жить вечно, а если проиграет, то будут умирать, джукун с легкостью согласился на поединок, поскольку был уверен, что положит смерть на обе лопатки.

Тем бы, наверное, все и закончилось, но в дело вмешался муравей. Он отговорил смерть ввязываться в драку с неясным исходом и посоветовал ей действовать тихой сапой — как муравьи, незаметно. Смерть приняла этот совет как руководство к действию: она сделалась бесплотной и невидимой, проникла в человека и победила его изнутри.

Так начали умирать люди племени джукун.

Простить можно многое, но такое прощать нельзя. И поэтому племя джукун находится с муравьями в состоянии перманентной войны.

Пауки

Как-то в Западной Африке случился страшный голод. Не было еды ни у людей, ни у животных, ни у насекомых, и среди прочих страшно страдал народ эве. Страдал, но не умирал, потому что эве были бессмертны.

А у Смерти вдоволь было муки, и она пекла себе лепешки или же заваривала муку в крутом кипятке. Об этом узнал паук и начал муку у Смерти воровать, причем некоторое время делал это так ловко, что Смерть ничего не замечала. Но вот однажды она едва не схватила паука за руку — в самом прямом смысле, ибо это был паук с руками. Паук вырвался и помчался в направлении поселения эве, Смерть пошла за ним и впервые увидела людей.

Ей понадобилось немного времени, чтобы сообразить, что они годятся в пищу и даже, скорее всего, окажутся вкуснее надоевших лепешек и мучного варева. С тех пор Смерть убивает эве.

Племя тенетехара вело тихое бессмертное существование в родной Восточной Амазонии, но потом начали происходить странные события. Сведения мифа на этот счет бессвязны. Некая девушка стала любовницей змея и родила сына — сразу взрослого. Тот очень удобно устроился: ночь проводил в утробе матери, а днем болтался по лесу. Это выглядело вызывающе и понемногу всем начало надоедать. У девушки был брат, и вот он насоветовал ей спрятаться, когда сын в очередной раз уйдет на прогулку. Так она и поступила. Сын, не найдя материнской утробы, от огорчения поднялся на небо, поломал там свой лук и стрелы, и свидетелем всему этому был паук.

Каким-то необъяснимым образом именно этот факт послужил причиной того, что люди и животные перестали жить вечно, а пауки, как утверждает миф, наоборот, обрели бессмертие — во всяком случае, некоторые... Не иначе как пауку просто заплатили за молчание, но что он увидел такое-этакое, о чем должен молчать, — большой вопрос...

Справедливости ради заметим, что, согласно другому мифу, тенетехара потеряли бессмертие из-за нарушенного ими табу на половые сношения. И в это как-то больше верится.

Паук, который предложил двуполому демиургу Маву-Лизе сделать смертными людей бенинского племени фон, тоже, пока не припекло, не думал о ценности вечной жизни. Он

даже использовал в качестве наглядного пособия камень, бросив его в водоем со словами: «Как камень пошел на дно, так и люди будут умирать навсегда». И это подействовало: Маву-Лиза пошел на поводу у паука. Но тут скончалась паучья мамаша, и паук прибежал к Маву-Лизе с просьбой оживить ее, а заодно дать бессмертие племени фон. Но — поздно! Маву-Лиза послал его куда подальше.

Если верить другой легенде, поначалу живые и мертвые люди племени фон могли видеть друг друга и, следовательно, общаться — если не словами, то хотя бы знаками. Чтобы увидеть родного покойника, живому фону достаточно было свистнуть, однако рассказывать об этих встречах запрещалось. К сожалению, одна женщина нарушила табу, и после этого коммуникации между мирами живых и мертвых прекратились.

Шершень и дохлая собака

При участии шершня перестали быть бессмертными мидзи, живущие на северо-востоке Индии.

История тут весьма запутанная. Так уж сложилось в местах проживания мидзи, что дети, рожденные Солнцем от Месяца, умирали, а люди нет. Однажды Солнце — в этих краях, как мы уже поняли, это была женщина, и весьма плодовитая, — попросила Месяца с каждым днем все больше закрывать лицо, чтобы все подумали, будто он умирает. Сама она при этом притворилась расстроенной и так вошла в роль, что крупные слезы полились из ее глаз. Делалось все это, вероятно, для того, чтобы спровоцировать людей на какой-нибудь неправильный поступок и подвести их под монастырь.

Человек, как нередко бывало с ним в подобных случаях, повел себя при виде плачущего Солнца не вполне адекватно. Он зачем-то завернул в саван дохлую собаку и стал оплакивать ее, как близкого родственника. В общем, передразнил Солнце. Хотя остается вопрос: сделал он это, потому что раскусил притворство Солнца, или просто собезьянничал, проявив свойственные людям глупость и бессердечие.

Горевал человек настолько натурально, что Солнце почти поверила ему. Однако, действуя по принципу «доверяй, но проверяй», послала для выяснения всех обстоятельств последовательно птичку, курицу, свинью и пчелу, но все без толку — никто из ее эмиссаров не сумел достоверно определить, притворяется человек или нет. Тогда Солнце отправила на разведку шершня. Тот проколол острым жалом саван и обнаружил под ним собачий труп.

Это развязало Солнцу руки. Когда умер очередной их с Месяцем ребенок, она сбросила его тело на землю, и оно, пока летело, превратилось в оленью тушу. Мидзи ничуть не удивились свалившемуся с неба дармовому мясу, уплели его с удовольствием и... сделались смертными. А дети Солнца и Месяца заняли освободившееся место и стали жить вечно.

Лакун в этом мифе тьма, но они-то, как представляется, и свидетельствуют о достоверности описываемых событий. Ведь пожелай мидзи что-либо выдумать, они наверняка избежали бы нестыковок.

И примкнувшие к ним черви

И в заключение разговора о вредоносности живых существ нельзя не сказать хотя бы несколько слов о червях.

Чуть ли не самыми полезными из них считаются пиявки. Но именно пиявки, а точнее, одна пиявка посодествовала тому, что начали умирать люди народа сорá, живущего в Индии.

В стародавние времена в Южной Азии случился потоп, после которого уцелело совсем немного сорá. Но зато эти люди оказались под броневой защитой двух божественных братьев — Бхимо, жившего на небе и брызгавшего сверху в озера и реки воду бессмертия, и Рамо, поселившегося на земле. В какой-то момент Бхимо сказал, что ему надоело управлять водными ресурсами, и попросил брата заняться распределением воды бессмертия. Рамо, однако, делегировал все полученные от Бхимо полномочия пиявке. Та отправилась к Бхимо за заветным сосудом, но вместо того,

чтобы опрыскать окрестности, употребила все его содержимое внутрь.

Представ перед Рамо, эта представительница кровососущих кольчатых паразитов заявила, что Бхимо отказал ей в воде бессмертия. Правда, однако, вышла наружу, и разгневанный Бхимо испепелил мошенницу.

Это не значит, что справедливость восторжествовала. Какие-то капли воды бессмертия в животе пиявки не испарились, она ожила и здравствует поныне в каком-то индийском болоте. А народ сорá стал умирать, поскольку на его долю чудесной влаги не осталось.

По просьбе червей, тип которых миф не указывает, Старший Брат сделал смертными индейцев папаго, живущих в жаркой пустыне Сонора в американском штате Аризона. Кстати, сами эти индейцы называют себя не папаго, а тохоно-оодхам, что в буквальном переводе как раз и означает «люди пустыни»...

Причины, по которым черви взъелись на тохоно-оодхам, не называются, но благодаря аллюзии, вызываемой предыдущим сюжетом, сам собой напрашивается вопрос: а не имела ли и здесь место борьба за водные ресурсы?

Наказание за уголовщину

Многие народы наказывались лишением бессмертия за совершенные преступления. Причем спектр совершенных уголовных деяний весьма широк — здесь и убийства, и изнасилования, и нанесение увечий, и грабеж, и мелкое воровство, и лжесвидетельства...

Полный Рагнарёк...

Жил-поживал в небесном городе Асгарде среди других германо-скандинавских высших богов-асов чистый душой и прекрасный телом Бальдр, сын верховного бога Одина и верховной богини Фригг и сам бог света и весны. Он был так хорош собой, что от него исходило сияние. Но вот незадача: вдруг, как сообщает «Младшая Эдда», «Бальдру Доброму стали сниться дурные сны, предвещавшие опасность для его жизни». Один отнесся к ним весьма серьезно и отправился за разъяснениями в царство мертвых Нифльхель к провидице-вельве, которая сообщила ему, что Бальдр неминуемо погибнет от руки другого сына Одина и Фригг — слепого бога Хёда.

Несмотря на обещанную неизбежность трагедии, Фригг предприняла активные действия, чтобы ее предотвратить:

она «взяла клятву с огня и воды, железа и разных металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда и змей, что они не тронут Бальдра». Прочие боги после этого пришли к выводу, что более опасности для их соседа по Асгарду не существует, и сделали из него мишень, начавши прямо на заседании тинга, местного парламента, швырять в беднягу камни, стрелять по нему из луков, а некоторые доходили до того, что, войдя в раж, рубили его мечами. Миф утверждает, что все это было Бальдру, что слону дробина или ежу щекотка.

Столь благополучная развязка сюжета, обещавшего поначалу печальный конец, не понравилась богу хитрости и обмана Локи, который, хотя и ценился жителями Асгарда за изворотливый ум, богом считался второстепенным, поскольку происходил не из асов, а из рода великанов-ётунов. Эта второстепенность, похоже, сильно угнетала Локи, и он только и делал, что творил разные гадости. Причем очень часто делал это не ради собственной выгоды, а из любви к искусству.

Вот и в случае с Бальдром он превратился в женщину и, явившись к Фригг, выведал, что та не взяла клятву с одного побега омелы, который показался ей еще слишком молодым, чтобы отвечать за свои действия. Локи поспешил к юному побегу, выдрал его с корнем и сделал из него стрелу. Затем он явился на тинг, подошел к Хёду и поинтересовался, почему бы ему не поучаствовать в общем веселье и не метнуть чего-нибудь этакое, смертоносное, в младшего брата. Хёд отвечал, что, во-первых, он не видит, где стоит Бальдр, а во-вторых, у него нет оружия.

Этого Локи только было и надо. Он вложил Хёду в руки стрелу из незаговоренной омелы и указал направление выстрела. Стрела пронзила Бальдра насквозь, он упал, как подкошенный, и как ни старались впоследствии асы воскресить его, ничего у них не вышло. Хотя чего только не делалось — асам даже удалось умиловить богиню царства мертвых Хель (кстати сказать, дочь Локи, отличавшуюся удивительным цветом кожи — она была полусиняя-полукрасная), которая согласилась вернуть Бальдра назад при условии, что весь мир будет плакать о нем. Но Локи успел

и тут: он превратился в великаншу Токк и заявил ее устами, что не будет оплакивать погибшего бога ни при каких обстоятельствах.

Таким образом, гибель Бальдра стала необратимой, и это был первый такой случай в Асгарде — прежде все как-то ограничивалось временными смертями. По утверждению мифа, это событие, как бы оно ни было ужасно само по себе, есть предвестие еще более страшных событий, которые, правда, пока еще не произошли, но обязательно произойдут, и тогда случится Рагнарёк — гибель богов и всего мира. Ну а пока по тропе, протоптанной Бальдром, в небытие уходят скандинавы, чьи перволюди Аск и Эмбла сделаны из деревянных чурок, найденных богами-асами на морском берегу.

Что же до виновника происшедшего Локи, то он жив и в наши дни, хотя участь его незавидна. Асы связали бога хитрости и обмана кишками его сына Вали (!) и для верности приковали к скале, где ему на голову капает змеиный яд. Когда яд особенно донимает Локи, он начинается биться в конвульсиях, и от этого в Скандинавии и ее окрестностях случаются землетрясения.

Но, откровенно говоря, что-то давно не слышно о серьезных колебаниях почвы на севере Европы, из чего можно заключить, что в режиме содержания нехорошего бога произошли послабления...

Дети за отцов отвечают...

Тане, божество, он же первомужчина, народа маори, едва созрев физически, проявил скверные наклонности. Начал он с того, что сделал недвусмысленное предложение собственной мамаше, но, естественно, получил от ворот поворот. Не в оправдание Тане скажем, что выбирать ему было не из чего: иные женщины в Новой Зеландии тогда отсутствовали и он даже не подозревал о существовании таковых.

Поэтому когда мать отказалась от инцеста, он — гормоны в молодом организме так и бурлили — принялся вступать

в неразборчивые связи, от которых чего только не народилось, и среди прочего камни, реки, травы и змеи. Посмотрев на мучения сына, мать посоветовала ему сделать женщину из подручного материала, и так явилась на свет Хине-Хауоне — Дева, вылепленная из земли. Маорийский Пигмалион женился на ней, и вскоре у них родилась дочь, нареченная Хине-Титама — Дева рассвета.

На этом, казалось бы, Тане стоило угомониться и зажить бессмертной семейной жизнью, так нет же: не успела дочь толком подрасти, как он взял в жены и ее, совершив, таким образом, инцест не мытьем, так катаньем. При этом Тане удалось скрыть от Хине-Титамы, что они состоят в родстве. Где была при этом Хине-Хауоне и почему она промолчала, миф умалчивает: не исключено, что преступный сластолюбец целиком подавил ее волю.

Хине-Титама исправно рожала детей от собственного родителя, но, похоже, что-то все-таки подозревала, потому что в один не самый приятный для Тане момент стала допытываться, кто ее отец. Тане не нашел ничего лучшего, как переадресовать вопрос жены-дочери столбам дыма, и это превратило подозрение в прозрение: Хине-Титама поняла, в какую мерзкую историю попала. На счастье, ей как раз подвернулся некто Хаваики, и они вместе бежали в нижний мир, называемый По, спустившись туда по длинной веревке. Развратный Тане преследовал беглецов, но Хине-Титама обрезала веревку, и мужу-отцу не оставалось ничего более, как вернуться назад. В наказание за содеянное все его потомки, то есть маори, теперь умирают и попадают в По, где в вечной тьме и проживает Хине-Титама. Даже страшно представить, как она отыгрывается на несчастных, которые, между прочим, все, как один, приходится ей внучатыми в разных коленах племянниками...

Да что говорить о людях, если даже полубог — могущественный богатырь Мауи, принесший людям огонь, уничтоживший чудовищ и людоедов, приподнявший небо и зааркавивший солнце, — тоже стал жертвой Хине-Титамы. Подобно богам Мауи обладал особой силой мана и считал себя неуязвимым. Наделав для людей массу благодеяний, он надумал завершить свою филантропическую деятель-

ность уничтожением богини смерти, каковой и стала Хине-Титама в мире По. Для этого надо было улучшить момент, когда Хине-Титама заснет, и проползти сквозь ее тело.

Поначалу все шло по плану. Мауи засунул голову в спящую Хине-Титаму — варианты мифа тут расходятся — то ли в рот, то ли во влагалище, огляделся и пополз дальше. Но тут расхохоталась трясогузка — уж очень смешно, по ее мнению, болтались снаружи ноги героя. Каким образом майорийская трясогузка разглядела это в кромешном мраке По, объяснить невозможно.

Хине-Титама пробудилась и, согласно одному варианту, сомкнула на талии Мауи зубы, а согласно другому, задушила его вагиной. В общем, ничего хорошего ни для Мауи, ни для маори из всего этого не вышло...

Было дело на Гебридах

Дикая история произошла на Новых Гебридах, а точнее, на острове Пентекост, куда с неба по кокосовой пальме спустились три первочеловека — братья Баркулкул, Марерул и Сермопр. Первым делом братья напились кокосового молока, которое, судя по дальнейшим событиям, успешно прямо внутри орехов нагулять изрядный градус. Молоко ударило в головы братьям, и, в общем-то, наверное, нет ничего необычного в том, что им захотелось, как писал поэт, спрятать звон свой в мягкое, женское...

Женщин в то время на Пентекосте не наблюдалось — Творец еще не успел их создать, но это не остановило братьев, во всяком случае двоих из них, Баркулкула и Марерула. Они схватили бедного третьего брата и «горячим каштаном» (так сообщает миф) кастрировали его, создав, таким образом, какую-никакую первую пентекостскую женщину. Затем, однако, между ними возник спор, кому этой женщиной владеть, и победил старший брат Баркулкул, который и сочетался с Сермопром законным браком. Так Сермопр стал(-а) невесткой самому(-ой) себе.

Но Марерул не смирился с одиночеством, стал подбивать к Сермопру клинья и склонил-таки его (ее) к адюльтеру.

И вот тут случилось то, ради чего, собственно, и рассказывается эта поучительная история. Баркулкул, узнав, что братья наставили ему рога, убил Марерула — и так на Пентекосте появилась смерть. Убив брата, Баркулкул и себе, и всем своим потомкам подписал приговор. Что же до мертвого тела Марерула, то оно было использовано как саженец, и из него вырос на пользу людям ямс, который и поныне является одной из важнейших продовольственных культур во всей Меланезии, куда Новые Гебриды входят составной частью.

Дальнейшая жизнь Баркулкула и Сермопра протекала в счастливой гармонии. Операция по перемене пола прошла настолько успешно, что Сермопр даже оказался(-ась) способным(-ой) рожать. Они произвели на свет кучу детей и, таким образом, положили начало ни-вануату — коренному населению Пентекоста и близлежащих островов.

Не рой яму другому...

Люди африканского народа аруша на протяжении долгого времени умирали и снова возрождались. После смерти их хоронили со словами: «Человек умри и возродись, луна умри и останься мертвой». Эта магическая фраза приводила к тому, что утром следующего дня умерший вставал из могилы и возвращался в счастливую семью.

Но как-то у одной женщины — «маленькой» женщины, уточняет миф, — умер ребенок, и она отдала его тело «большой» женщине для похорон и произнесения соответствующих слов. Почему «маленькая» женщина не сделала это сама, миф не объясняет. Кто знает, может быть, воскресение из мертвых было для аруша столь рутинным делом, что уступало в их предпочтениях, к примеру, приготовлению обеда для мужа, вернувшегося с охоты, или походу по грибы?

«Большая» женщина, однако, когда дошло до чудесной фразы, намеренно ее переврала, и получилось: «Человек умри и останься мертвым, луна умри и возродись». Это не лучшим образом сказалось на процессе воскресения, но полностью его не прекратило, и утром земля над свежей могилой начала подниматься. Увидев это, преступница

принялась утаптывать могилу и снова повторила: «Человек умри и останься мертвым, луна умри и возродись». На этот раз заклинание подействовало, и несчастный ребенок из могилы не вышел.

Мотив этого чудовищного преступления миф не указывает. Возможно, во всем виноват конфликт на бытовой почве, но не исключено, что не обошлось без родовой тайны, уходящей корнями в глубь веков. Кто знает, кто знает... Не будем спекулировать на сей счет. Сообщим лишь, что детоубийца была жестоко наказана.

Через некоторое время умер ее собственный ребенок. «Большая» женщина закопала его, произнесла формулу «Человек умри и возродись, луна умри и останься мертвой» и стала ждать результата. Но тщетно: наутро земля над могилкой даже не всколыхнулась — ребенок «большой» женщины не воскрес.

А вскоре выяснилось, что перестали воскресать и все прочие аруша.

Первопредки уже упоминавшегося племени аранда, как мы помним, между жизненными циклами переживали короткую смерть. Согласно ритуалу, они на время ложились в могилу и вставали из нее обновленными. Но однажды между первопредками пробежала кошка, что-то там они между собой не поделили, и в тот ответственный момент, когда один из них стал подниматься из могилы, его соплеменник, то ли еще не сошедший в могилу, то ли уже вылезший из нее, пригвоздил беднягу копьём к земле. Так тот и остался лежать не в силах подняться и, таким образом, стал первым окончательно умершим. Ну а далее сработал закон, весьма популярный в древнем мире: если смерть бесповоротно завладевала хотя бы одним телом, то она уже навсегда поселялась в округе.

Первопредкам индейского племени кора не повезло. Если над некоторыми племенами сияло по два, три, а то и четыре солнца, то над ними — ни одного. Кора жили в кромешной тьме, сталкивались лбами, ударялись об углы мебели и постоянно попадали в дурацкие ситуации. Вся их бес-

смертная жизнь была сплошной комедией ошибок. Не говоря уж о том, что, несмотря на относительно теплый климат в Мексике, где жили и живут кора поныне, им случилось без солнечного тепла стучать зубами от холода.

Что-то надо было делать. Первопредки собрались на совет и, попостившись в течение пяти дней, решили, что солнце следует сделать из какого-нибудь мальчика. Слов на ветер они не бросали: сказано — сделано. Подходящий во всех отношениях мальчик был брошен в огонь и превратился в солнце — так кора наконец увидели первый рассвет. Но заплатили они за это своим бессмертием.

Индейские шалости

Почему-то первопредки индейцев проявляли невоздержанность и творили разные нехорошие (и хорошие, но наказуемые) деяния в половой сфере чаще первопредков других народов. Как следствие этого, именно индейцы чаще других несут ответ за сексуальные прегрешения своих первопредков.

Ну кто заставлял вступать в интимные отношения брата и сестру из семейки первопредков макиритаре? То, что других макиритаре в те мифические времена не существовало, — божество за аргумент не посчитало, и юноша как инициатор инцеста скончался на месте, положив начало смертям в племени (и даже чудодей Ванادي, как мы уже знаем, не сумел вернуть макиритаре бессмертие). Та же судьба постигла согрешившего с сестрой молодого человека из племени кубео. А вот история, произошедшая с индейцами брибри, вносит некоторое разнообразие: брат-греховодник остался жив, но зато умерла от укуса змеи забеременевшая сестра.

И чтобы покончить с инцестом, расскажем о том, как лунное божество Порэ-Перимбу, живущее в виде красного удава в кровавом озере, лишило бессмертия племя яномама. Поначалу Порэ-Перимбу относилось к яномама благосклонно и даровало им способность омолаживаться, меняя кожу подобно змеям. Все переменялось после того,

как один юноша изнасиловал собственную омолодившуюся мать. Порэ-Перимбу приложило к его телу сброшенную обесчещенной женщиной кожу, и насильник мгновенно постарел, причем превратился не в старика, а в старуху. Вдобавок лунное божество решило, что отныне яномама будут умирать, и даже отвело места на луне для раздельного обитания мужских и женских душ яномама, где они и пребывают после наступления смерти их тел.

В Перу живет племя агуаруна, когда-то упустившее возможность заполнить собой всю землю. В том, что этого не случилось, виновата первоженщина агуаруна. Началось все с временной смерти ее мужа, который, как уже читатель понял, был местным первомужчиной. Но то, что он умер не навсегда, божество — вероятно, желая испытать первоженщину — сообщило не сразу.

Первоженщина же не стала изображать из себя безутешную вдову и спустя недолгий срок сошлась с опоссумом. Причина такого ее поведения, возможно, кроется в том, что агуаруна, как утверждает миф, были сделаны из ствола гнилого дерева, которое демиургу подсунул сверчок. В общем, когда временно усопший воскрес и вернулся домой, его ожидал неприятный сюрприз.

Пусть читатель в меру своего воображения сам нарисует сцену, которая предстала глазам бедолаги. Нет, конечно, все в жизни бывает, но чтобы с опоссумом?! Первомуж порешил опоссума на месте преступления, развернулся и солдатским шагом отправился назад, в мир мертвых, — там, может быть, и не так уютно, как в мире живых, но, по крайней мере, никто не наставляет рога с представителями семейства сумчатых. И с тех пор по протоптанной им дороге рано или поздно отправляются все агуаруна.

Индейцы трумаи из Южной Амазонии имели обыкновение омолаживаться, прыгая в кипяток. Поварившись немного, они сбрасывали прежнюю кожу и продолжали жить долго и счастливо до следующего омоложения. Кипятились они не абы как и не абы когда, а в организованном порядке, на общем празднике, главными действующими лицами кото-

рого были антропоморфные Солнце и Месяц. Надо сказать, что дневное и ночное светила были настроены по отношению к трумаи весьма доброжелательно, и никто не видел причин, по которым что-то могло измениться. Но причины такие нашлись...

Все трумаи были люди как люди, но один — история не сохранила его имени — желал жить по-особому и все мечтал выделиться на фоне скромных и довольных своей бессмертной участью соплеменников. И вот однажды, во время очередного праздника омоложения, когда всюду царила суета, этот индеец умудрился последовательно соблазнить сначала жену Солнца, а потом и жену Месяца. Он не стал скрывать этого, а, наоборот, раззвонил о происшедшем по округе, а доброхоты, разумеется, донесли все в подробностях до мужей-рогоносцев. И в тот же момент светила погасили огонь под большим праздничным котлом, в котором бурлил омолаживающий кипяток. На этом бессмертие трумаи и закончилось.

Однажды в джунглях случился страшный пожар, и в какой-то момент индейцы харакмбет заметили, что находятся на острове среди моря огня. И хотя были они бессмертными, сердца у многих ёкнули...

Тут, однако, прилетел попугай с увесистым плодом (что это был за плод, история не сохранила) и метко бросил его прямоком во влагалище первой попавшейся девственницы. Из плода тут же поперла новая жизнь, и вскоре наружу проросло дерево, получившее собственное имя Ванамеи, которое начало бурно расти и достигло огромных размеров, вознесшись над всеми джунглями. Последнее было очень кстати, потому что в его кроне можно было пересидеть пожар. Какова была дальнейшая судьба девственницы, зачавшей непорочным способом и произведшей на свет столь странным путем этого великана растительного мира, миф не сообщает.

Первым на дерево вскарабкался некий юноша. Он успел затащить на безопасную высоту свою сестру и уж было ухватил за руку еще одну девушку, но бедняжку пожрал огонь. Этот факт говорит о том, что бессмертность харакмбет была,

если можно так выразиться, однобока и на гибель во время стихийных бедствий не распространялась.

Брату и сестре не осталось ничего как залезть повыше и смотреть на буйство огненной стихии. Так они просидели до темноты, еще не зная, что ночь продлится целых три месяца. Делать в эти три месяца им было решительно нечего, и как-то само собой вышло, что, посчитав себя последними представителями человечества, брат и сестра вступили в кровосмесительную связь, на что имелось категорическое табу, наложенное местным божеством.

Когда же рассвело, они обнаружили на дереве множество других людей и поняли, что бессмысленно объяснять инцест желанием не дать угаснуть человеческому роду. Впрочем, божество никаких оправданий слушать не собиралось — оно без лишних разговоров покарало их лишением бессмертия, и даже то, что позже все люди, кроме согрешивших брата и сестры и их потомков, провалились под землю, не смягчило назначенного наказания.

Провалилось в недра и дерево Ванамеи. Но оно, как утверждает миф, снова вырастет в конце времен — главное, чтобы нашлась подходящая девственница и попугай не промахнулся...

Нарушители табу

Но все-таки стоит сказать, что супружеская измена не опоссумом и соращение жен небесных светил не были типичными в ряду индейских сексуальных прегрешений. Куда чаще первопродки индейцев и произошедшие от них племена наказывались за нарушения разнообразных табу.

Первочеловека хикаке укусила змея, и сверху ему спустило указание вплоть до исчезновения следов укуса ни в коем случае не спать с женой. А ему приспичило... Как возлег он с женой, так и умер. С тех пор смерть настигает хикаке, причем это находится в прямой зависимости от желания водного чудовища Нен. Если Нен вздумается напасть на солнце, то умирает мужчина, а если на луну — то женщина.

Первочеловек нивакле получил от божества новую кожу с условием, что в течение некоторого срока также воздержится от совокупления с женой. Как бы не так! Первый нивакле дождался ночи и в надежде, что божество ничего в темноте не разглядит, приступил к исполнению супружеского долга. Результат тот же.

Первочеловеку десана, который приходился внуком местному солнцу, было велено не думать о женщинах, а он думал (и даже очень много думал). Поэтому и умер.

Первочеловеку сетебо, с которого началась новая, после потопа, история племени, божество наказало ни в коем случае не смотреть, как рожает его жена. А первочеловек стал подглядывать. Ребенок умер.

Первочеловек чиригуано стал просить божество, чтобы оно вернуло ему жену из мира мертвых. Божество, согласившись, выдвинуло одно-единственное условие: не обнимать воскресшую двадцать дней. Первочеловек дал торжественное обещание, но, едва увидев супругу, тут же завалил ее на траву. Женщина... нет, нет, не умерла — она превратилась в муху и улетела... А все последующие чиригуано стали умирать.

Но индейские племена страдали не только из-за первочеловеков. Их потомки тоже, случалось, вынуждали демиургов принимать жесткие решения.

Камаюра умирали и вскоре воскресали. Так продолжалось до тех пор, пока один из них всю ночь занимался любовью, а наутро принял участие в ритуале воскресения. А такая последовательность была под запретом. После этого камаюра стали умирать необратимо.

Мужчина тубатулабаль похоронил любимую жену и так громко плакал на ее могиле, что жена явилась к нему и повела за собой в страну мертвых. Тамошний вождь согласился воскресить женщину, но с условием, что они воздержатся от любовных ласк трое суток. Но выдержать этот срок мужчине оказалось не по силам, и он нарушил табу. Женщина умерла прямо в его объятиях.

Хозяин мертвых уважил просьбу безутешного мужчины из племени павиоцо и дозволил его умершей жене вернуть-

ся к жизни, но попросил, чтобы по возвращении они для начала поплясали, а уж потом занялись сексом. Изголодавшиеся супруги, видимо, решили, что ничего плохого не случится, если они переставят местами пункты программы: сначала совокупятся, а затем попляшут. Но плясать мужу пришлось уже одному — на повторных похоронах...

Индеец габриэлино три дня сидел на могиле жены, пока наконец из могилы не поднялся смерч, который подхватил его и перенес через море, в страну мертвых. Пройдя через испытания, он получил разрешение забрать жену, но тоже не удержался и вступил с нею в связь до истечения трех обещанных дней воздержания. Жена превратилась в гнилую колоду.

Мужчине из племени уичита тоже возвратили умершую жену, но запретили интим, пока он по меньше мере четыре раза не вернется домой со скальпами врагов. Однако уичита решил, что скальпы подождут, и полез к супруге под платье. Но рука его схватила пустоту, поскольку жена моментально перенеслась обратно в страну мертвых.

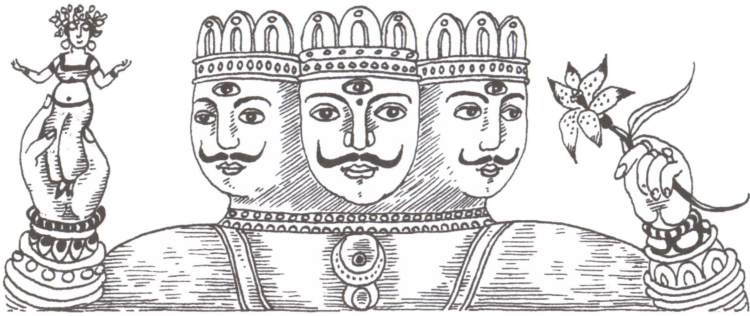
Двое юношей летуама вернулись из мира мертвых (что для летуама было делом обыкновенным) и вместо предписанного божеством воздержания отметили свое воскресенье веселой вечеринкой, на которую пригласили девчонок. Оба умерли.

Шаман кадувео, когда-то лишенных бессмертия волею каракары, время от времени приносил из мира мертвых лекарство от старости. Но однажды ему захотелось посмотреть на дочь местного демиурга — а на это было наложено строжайшее табу. Запрет не был случаен, и шаман, конечно, мог об этом догадаться, но вряд ли ему приходило в голову, что от одного только его взгляда дочь демиурга забеременеет. Больше шамана никто не видел, а у кадувео исчезла последняя надежда избежать старости и смерти.

У шипая, как мы помним, был неважный слух, из-за чего они лишились бессмертия. Но поистине неизмеримой оказалась милость небесного руководителя этого племени Джибиджибизы, который постановил, что если шипая будут честно исполнять сексуальные запреты, то жить им вечно. И всё — ну почти всё... — племя неукоснительно следова-

ло правилам, установленным Джибиджибизой. Лишь один шипая посчитал себя шибко умным и решил, что никто не прознает, чем там они с женой занимаются в своем шалаше. Но Джибиджибиза видел сквозь стены. Неудивительно, что у него на этого индейца вырос огромный зуб. Нарушитель табу был пронзен тростниковой стрелой, а перед всеми шипая на пути к бессмертию возник шлагбаум.

Мужчины племени журуна омолаживались и становились красавцами после сеансов, которые устраивал на небе местный демиург. При этом демиург смотрел сквозь пальцы на сексуальные оргии, которые устраивали его старшие дочери с теми, кто прибывал с земли. Более того, внимательное прочтение мифа позволяет сделать вывод, что эти оргии были важной составной частью процедуры омоложения. Единственное пожелание демиурга сводилось к тому, чтобы непосредственно перед тем, как лезть на небо, журуна не спали со своими женами. Ну что тут, казалось бы, сложного? Тем не менее нашелся в племени человек, который не уважил эту просьбу. Демиург разнервничался и в сердцах обрезал лестницу, по которой лазали к нему индейцы. На этом бессмертие журуна закончилось. Но миф, отвечая на один вопрос, оставляет множество других. Вот хотя бы такой: в нем говорится исключительно о мужчинах, а как омолаживались женщины? Или если они не омолаживались, но и не умирали, то почему ни один миф журуна не рассказывает о старухах, заплонивших окрестности? И т. д.

Бывало и так, что люди лишались бессмертия не потому, что совершали противоправные действия, а как раз наоборот — из-за того, что вели праведную жизнь и попадали в жернова борьбы между демиургами и их противниками. Апологеты зла всех мастей были не в силах в открытую и на равных бороться с высшими существами, стоящими на стороне света и добра, но на то, чтобы как-нибудь насолить, нагадить исподтишка, их вполне хватало. И человек стал любимым объектом их поползновений. Преступные антагонисты демиургов с удовольствием отыгрывались на праведных представителях рода человеческого и изощрялись при этом как могли.

Взять хотя бы историю Адама и Евы. Человечество со времени сотворения мира винит Еву в том, что она подбила Адама отведать плод дерева познания добра и зла, — и винит справедливо. Но при этом самый главный виновник — Самаэль, которого каббала называет ангелом смерти, остается как бы и ни при чем. В крайнем случае гнев человеческий обрушивается на змея. А ведь это Самаэль принял облик ни в чем не повинного пресмыкающегося и соблазнил Еву сладкими речами. Кто не верит — пусть раскроет Талмуд...

Да что люди, если даже сами творцы порой становились жертвами мерзких происков противников рода чело-

веческого?! Демиург Матунда умаялся, создавая небо, землю и бантуязычное племя ньямвези, и прикорнул — как он думал, ненадолго. Но сон этот оказался вечным, поскольку, пока Матунда спал, к нему подкралась Смерть. Ясное дело, что если Смерть не побоялась расправиться с демиургом, то с самими ньямвези она и вовсе церемониться не стала.

Яйца даяков, часть третья

Выше уже излагались два мифа о том, как смерть внедрилась в племя даяков. Но есть еще и третий, который мы здесь кратко изложим.

Все началось с яйца, которое, в отличие от первых двух случаев, было одно-единственное. Породили это яйцо два дерева неизвестного современной науке вида. Миф не сообщает про тычинки и пестики, а также о том, дозрело яйцо само или деревьям пришлось его высиживать, но результат получился ошеломляющий: когда скорлупа пошла трещинами, на свет просочилась и заколыхалась над опушкой призрачная девушка, которой в будущем предстояло стать праматерью даяков. Но пока ее при всем желании нельзя было назвать в полном смысле человеком: вместо плоти у девушки имелись только кое-какие очертания, в которых угадывались женские формы.

На небесах вылупления девушки, судя по всему, ждали, поскольку оттуда тотчас спустился бог. Он изучил ситуацию, оглядел призрака и, оставив его колыхаться дальше, отправился обратно на небо за снадобьем, которое должно было девушку не только материализовать, но и сделать вместе с ее потомством бессмертной.

Только он отбыл, как явился антагонист сил добра Ангой, который только и ждал момента, чтобы подстроить местным демиургам какую-нибудь каверзу. Увидев призрака, Ангой, не мудрствуя лукаво, изваял ему тело из земли, добавил крови, сделанной из дождевых струй, и запустил работу легких с помощью ветра.

Все это, конечно, больше напоминало карикатуру на божественные деяния, но откуда новорожденному, едва

вылупившемуся призраку знать, каким должно быть настоящее тело? Он и такой плоти оказался рад. Не успел, однако, призрак освоиться в теле, сделанном Ангоем, как чуть ли не на голову антагонисту-пакостнику свалился бог с сосудом, в котором плескался эликсир жизни.

Поняв, что случилось, бог в ярости грохнул сосуд о ближайший ствол — может быть, даже о ствол, снесший чудесное яйцо. Эликсир брызнул во все стороны, и растения, на которые он попал, с тех пор ежегодно дают новые побеги. Телу же, сделанному Ангоем, не досталось ни капли, и поэтому люди, произошедшие от девушки-призрака, умирают.

Что же до самого антагониста, то с ним бог обошелся без снисхождения. Он разрубил Ангоя на куски разной величины, и из них образовались змеи, тигры и прочие существа, которые, разбежавшись по джунглям, теперь, в силу генетических особенностей, только и делают, что вредят людям.

Сакральный инцест

Иранский первочеловек Гайомарт честно заслужил репутацию праведника. Он совершил множество благочестивых поступков и внес немалый вклад в борьбу пребывающего в бесконечном свете создателя всех вещей, подателя всего благого и устроителя мира Ахурамазды против предводителя объединенных сил зла, князя тьмы Ангро-Манью, или, как его еще часто называют, Ахримана. Среди прочего он убил сына Ахримана — Арзура, чье имя носит расположенная у входа в зороастрийский ад гора, на которой любят собираться местные демоны — дэвы. Если же и приходилось Гайомарту делать вещи, которые с точки зрения современной нам морали выглядят, мягко говоря, сомнительно, то происходило это исключительно из сакральных соображений, ради пользы иранских народов и — берите выше! — всего человечества.

Праведность Гайомарта тем важнее, что происхождение он имел достаточно темное. Первые сведения о нем не содержат подробностей, сообщая лишь, что он родил-

ся в результате союза Неба и Земли, но появившиеся позже зороастрийские священные книги несколько прояснили ситуацию. Согласно «Большому Бундахишну», уже упоминавшийся Ахурамазда слепил Гайомарта из земли и вложил в него семя, созданное из влаги и света неба.

Устроитель мира подошел к делу весьма основательно, не пожалев ни сил, ни времени — процесс ваяния первочеловека занял целых семьдесят дней. И первочеловек получился на загляденье: четырех локтей ростом и такой же в плечах; при этом он сиял так, что соперничал с солнцем. Конечно, мы можем удивляться тому, что, имея неограниченные возможности, Ахурамазда придал своему творению форму, близкую к шарообразной, однако надо понимать, что понятия о красоте и мужественности с мифических времен сильно изменились.

Чтобы отвести сомнения в происшедшем, «Авеста» даже указывает точный адрес места, где состоялось творение первочеловека: в самой середине Земли, на берегу реки Дайтья. Но вот как раз эта точность и смущает. Она словно специально уводит нас от еще одной версии появления на свет Гайомарта, которая и представляется наиболее реальной. Согласно ей, Гайомарт родился в результате «сакрального инцеста» — такой оксюморонный термин выдумали ученые, дабы отделить «правильный» инцест от «неправильного». И родителями его были — кто бы вы думали? — все тот же Ахурамазда и его дочь Спандармат, исполнявшая у древних жителей Ирана обязанности богини земли.

Едва родившись, Гайомарт сразу же включился в битву на стороне отца, и битва эта, разделенная на четыре равных по времени этапа, еще не закончена — сейчас самый ее разгар. Всего же иранская мифология отводит на вселенские разборки двенадцать тысяч лет. В конце концов Ахурамазда обязательно одержит викторию, и Ахриман, если верить «Шахнаме», будет унижен до того, что иранский царь Тахмурас покатается на нем верхом. Но прежде чем это произойдет, князь тьмы успеет натворить множество злых дел, а кое-что он уже успел к настоящему моменту — например, придумал старость и смерть.

Но для того чтобы смерть утвердилась среди иранцев, Ахриману следовало с чего-то начать и кого-нибудь убить, и лучшей кандидатуры на роль жертвы, чем сын всеблагого устроителя мира и первочеловек Гайомарт, сыскать было невозможно. Едва смерть была создана, Ахриман приступил к осуществлению своего плана. Он разбил небесную сферу и через образовавшуюся дыру отправил для уничтожения Гайомарта своеобразный спецназ — тысячу отборных дэвов во главе с дэвом смерти Аствихадом. Тридцать лет ушло у Аствихада, чтобы поразить Гайомарта «смертельной хворью», причем все эти годы мир содрогался от рева дэвов, которые бились со звездами, дабы поставить их в благоприятное для смерти первочеловека сочетание. Наконец планета Кеван оказалась в Весах, а планета Ормазд в Козероге, и Гайомарт умер.

Перед кончиной он испустил семя, часть которого попала на землю-Спандармат и спустя сорок лет проросла кустом ревеня, превратившимся еще через пятнадцать лет во вполне антропоморфных, в отличие от Гайомарта, и уже смертных Мартъя и Мартъянаг (они же, в ином написании, Машъя и Машьяна). Эта парочка дала начало всем арийским народам. Книга «Денкард» прямо называет их детьми Гайомарта и Спандармат, и, таким образом, мы имеем инцест номер два. Выходит, что Гайомарт приходится Мартъя и Мартъянаг отцом, сводным братом и дядей, а Спандармат — и матерью, и бабушкой, и тетей. Кроме того, она сама себе стала свекровью и одновременно невесткой, а Ахурамазда, бывший Спандармат отцом и мужем, приобрел вдобавок к этому сомнительному сочетанию еще и статус свекра собственной жены и дочери. Веселая, однако, семейка...

Все это, однако, не имеет никакого отношения к тому, что часто именно Мартъя и Мартъянаг считаются иранскими перволюдьми, а Гайомарту отводится примерно та же роль, что скандинавскому Имиру или индийскому Пуруше. В пользу этого суждения говорит и то, что после смерти, кроме куста ревеня, Гайомарт, как сообщает «Большой Бундахишн», породил еще и семь металлов, а такое вряд ли подвластно обычному первочеловеку.

Оскверненные и вывернутые наизнанку

Методы, к которым в самых разных концах земли прибегали враги человечества, были весьма разнообразны — в иные разы они проявляли чудеса изобретательности и изворотливости только бы помешать созидательной деятельности демиургов, а бывало и так, что вели себя, как уличная шпана, которой, на беду свою, попался в темном переулке одинокий прохожий.

Вот, к примеру, что они сделали с русскими, — по версии «Сказания како Бог сотворил Адама». Правда, в «Сказании...» русским Адама никто не называет, но, коль скоро сочинено оно русскими и на русской земле, логично предположить, что речь в нем идет все-таки о русских. Хотя, разумеется, автор никому свое мнение не навязывает.

Итак, Господь создал русского человека Адама «из восьми частей» и пошел отдохнуть. Тут как тут явился «окаянный сатана» и измазал Адама гадостной смесью, ингредиенты которой даже перечислять неловко. Вернувшись, Господь отмыл свое создание, но, к сожалению, опять отлучился — правда, оставив в качестве сторожа собаку, но пользы от нее оказалось немного. Сатана повторил свой набег и истыкал Адама «древом», от чего сотворились «семьдесят недугов». Увидев все это, русский Бог не стал уничтожить испорченного человека, чтобы взамен соорудить нового, улучшенной конструкции, как, кстати, сделали бы многие другие демиурги, а просто вывернул его наизнанку, и таким образом все хвори оказались внутри тела. Вот они и лезут теперь наружу, что рано или поздно становится причиной смерти русских людей.

К этой истории примыкает множество других, записанных фольклористами и этнографами в самых разных частях России. Повсюду Сатана действовал примерно одинаково: являлся в отсутствие Бога и изгаживал созданного им человека, используя слюни, сопли, кал и прочую дрянь, но плевать все-таки, как показывает статистика, предпочитал. А Бог во всех регионах применял уже про-

веренный способ — просто выворачивал человека, как перчатку.

Но если кто подумал, что такое происходило только с русскими, тот глубоко ошибается. То же самое, один в один, случилось с первоукраинцами — может быть, и не со всеми, но с некоторыми точно.

Или вот, скажем, коми, которым в чем-то не повезло, поскольку у них два равноправных брата-демиурга — один хороший, со знаком плюс, а другой плохой, соответственно со знаком минус. Хороший брат Ен вылепил человека и покрыл его прочной роговой оболочкой, сделав практически вечным, но плохой брат Омэль оплевал творение Ена и для верности полил его содержимым выгребной ямы. Ену ничего не оставалось, как вывернуть первокоми, из-за чего все коми сделались чрезвычайно уязвимыми: внутри они с тех пор роговые, но, увы, покрытые нечистотами, и это не лучшим образом сказывается на их самочувствии. Кроме того, как гласит мифология коми, при посещении туалета они вынуждены отдавать Омэлю дань. Существует, кстати, версия мифа, согласно которой Омэль никакой не брат Ену и вообще произошел из его плевка, и в это — в свете деяний Омэля — как-то больше верится.

Судьбу коми отчасти повторили еще четыре народа, проживающие на территории России, — удмурты, марийцы, мордва и чуваша. Ими заведовал один и тот же демиург Инмар, он же Юмо, он же Чам Пас, он же Турá. Вывод, что это один и тот же персонаж, позволяет сделать повторяемость почерка: он оставлял недоделанного человека на попечение бесшерстной собаки. Стоило демиургу удалиться, как незамедлительно являлся его антагонист Шайтан, который известен и под другими именами — например, Удей и Керемет. Шайтан напускал стужу и начинал помахивать перед замерзающей голой собакой пышной шубой. Собака в конце концов не выдерживала и соглашалась в обмен на шубу допустить Шайтана к полуфабрикату человека. И Шайтан отводил свою шайтанскую душу: он оплевывал полуфабрикат так, что демиургу ничего не оставалось, как применить «метод перчатки».

Чтобы не утомлять читателя повторами, далее мы прибегнем к простому перечислению. Вышеупомянутый метод сыграл решающую роль в сотворении казахов, кумандинцев, тубаларов и уже упоминавшихся тофаларов. А вот оплеванных первопредков хакасов, бурят, ненцев, эвенков и эвенов их верховные боги выворачивать не стали, но что толку? Слюна антагониста демиурга оказалась столь ядовита, что выворачивай этих первопредков, не выворачивай... Все они начали жизнь полуинвалидами, и из их семени в принципе не мог вырасти бессмертный народ.

Некоторое разнообразие в эту картину человеческого несчастья вносит происшедшее с монголами. Бог вылепил первомонгола и первомонголку, как и многих, из глины, покрыл еще безжизненные фигуры густой шерстью и отправился на небеса за священной водой, которая одна лишь и могла оживить их по всем правилам. Охранять свои изделия Бог оставил собаку и кошку.

Стоило Богу отбыть, как появился Дьявол, без затей подкупил кошку и собаку — первую молоком, а вторую мясом, — после чего не стал плевать по примеру своих коллег-антагонистов, а от души помочился на глиняных людей, оставив сухими только головы. И о чудо: первомонголы ожили, словно их окропили не мочой, а священной водой, но вскоре выяснилось, что бессмертными им уже не быть. Уж такое оказалось у дьявольской мочи неприятное свойство.

Демиург, вернувшись, наказал кошку тем, что заставил ее вылизать оскверненные фигуры, отчего вонючая шерсть с них сошла клочьями и тут же приросла к собаке, которая, таким образом, тоже получила по заслугам.

Впрочем, глиняный генезис — не основная версия происхождения монголов. Если таковой и удастся обнаружить, то у считанных представителей этого замечательного народа. Большинство же монголов происходит от супругов Борте-Чино («сивый волк») и Хо Марал («кауря лань»), прибывших в Монголию то ли из-за «моря Тенгиз», то ли — прежде всего это касается Борте-Чино — прямиком с неба.

Злой дух о двух головах

Калмыки поначалу были бессмертными. Родившись, калмык обыкновенно доживал до пятнадцати лет и навсегда оставался в этом возрасте. Не знали калмыки ни болезней, ни каких-либо существенных забот, их жизнь текла размеренно и казалась столь же вечной, как само время. Некоторым калмыкам это показалось чересчур скучным, и они стали смущать соплеменников речами, что, мол-де, в преклонных годах тоже есть своя прелесть. У этой идеи появлялось все больше сторонников; наконец общественное мнение возобладало, и калмыки стали просить богов, чтобы они позволили им попробовать, что же это такое — старость.

Пожелание было исполнено. Калмыки начали стареть, но по-прежнему не умирали, и по прошествии сотен и даже тысяч лет некоторые из них так одряхлели, что жизнь перестала их радовать. Тут опять нашлись агитаторы, которые объявили, что и в смерти нет ничего плохого, и подбили стариков обратиться к богам за разрешением умирать. Боги на эту экстравагантную просьбу тоже ответили согласием, и калмыки стали умирать, а затем возрождаться.

Но видимо, в этом имелось какое-то неудобство для высших сил — может быть, даже возникали трудности с учетом народонаселения, которое то живо, то мертво, — и боги вновь решили ввести обязательное для всех калмыков бессмертие, для чего создали соответствующий напиток аршан. Выпивший его становился бессмертным, оставаясь молодым. Таким образом, круг замкнулся, и калмыки, в сущности, должны были возвратиться к тому, с чего начали. Но не возвратились.

Постоянные изменения генеральной линии в вопросах бессмертия создало лазейку для вмешательства врагов божественных сил, и на авансцене показался злой дух Араха о двух головах. Он мигом выпил предназначенный для людей аршан, а затем помочился в опустошенный сосуд и был таков. Но далеко убежать или, точнее, улететь Арахе не удалось. В погоню за ним отправился бог войны Очир-

Вани-гегян. У него для этого имелось серьезное основание, ибо именно Очир-Вани-гегян первым глотнул из оскверненного сосуда.

Луна и солнце показали ему, где прячется Араха. Очир-Вани-гегян злого духа изловил и рассек пополам, причем нижняя часть шмякнулась на землю и из нее вывалились болезни, насекомые и пресмыкающиеся, а верхняя была прикована богами к луне. И теперь Араха мстит небесным светилам за свою поимку, периодически заглатывая их, — так происходят затмения. К счастью, за отсутствием у нехорошего духа нижней половины луна и солнце, совершив путешествие по его пищеводу, без проблем выходят на волю.

Что же касается бессмертия калмыков, то этот вопрос в связи с описанными катаклизмами был отложен в сторону как несущественный и более, увы, не поднимался.

Близким родственником Арахи является индийский дракон Раху, о чьем богопротивном поведении сообщают «Махабхарата» и «Рамаяна». Этот самый Раху вознамерился захватить напиток бессмертия амриту, полученный посредством пахтанья моря. Он преобразился в бога, подобрался с разными отвлекающими маневрами к чаше с амритой и основательно приложился. Однако небесные светила его разоблачили, и верховный бог индусов Вишну молниеносным ударом отсек ему голову.

Спешил Вишну потому, что не хотел дать амрите обесмертить Раху всего целиком, а так, благодаря его быстрой руке, напиток дальше горла не попал, и бессмертной сделалась только отсеченная голова отвратительного дракона. Вознесшись на небо, она теперь всю свою оставшуюся энергию употребляет на то, чтобы ухватить зубами солнце и луну, и порой ей это почти удается...

В отличие от калмыков, кеты, происшедшие, согласно кетской мифологии, от гагары, особыми капризами своему демиургу Есю, пребывающему в небесном мире, не доучали. Они вели несуетное существование на севере Сибири и смиренно принимали все, что Есь спускал им сверху. Даже когда он низверг вниз за послушание свою жену Хоседэм, которая в пику мужу стала в Среднем мире людей носи-

тельницей зла и принялась насыпать на кетов всякие гадо-сти, смиренный народ не возроптал, а принял эти несчастья как должное.

Но тут стараниями Хоседэм случилось удивительное событие — умер первый кет. Прежде кеты смерти не знали и поэтому не поняли, что это такое. Однако по прошествии некоторого времени, увидев, что человек лежит бревном и не думает вставать, они обратились к Есю за разъяснениями, а кое-кто из женщин сделал это в весьма эмоциональной форме — с жестикуляцией и обильными слезами.

Демиург, услышав с земли плач, послал одного из своих сыновей узнать, что там происходит, а когда получил доклад, велел сыну передать людям, чтобы они положили покойника на лавку, и тогда на седьмой день он оживет. Однако сын — видимо, поддавшись влиянию матери — переврал указание отца и сказал, чтобы люди зарыли тело в землю. В результате смерть стала необратимой.

Есь, узнав об этом, превратил сына в собаку, и так появилась первособака. Следовательно, все собаки, живущие при кетах, — это потомки самого демиурга.

Невероятная получилась загогулина...

В появлении смерти в Ирландии, если верить легенде, распространенной в бытующем в США ирландском фольклоре, повинен французский король, чья злокозненность, с точки зрения ирландцев, даже, пожалуй, будет больше, чем у калмыцкого двухголового духа.

Этот монарх обманом заманил Смерть в ящик и выбросил в море. Ящик долго мотало по волнам и в конце концов прибило к острову Ирландия, где местные жители, полагая чем-нибудь поживиться, его открыли. Тетка с косою выскочила наружу и давай убивать направо и налево. Собственно, только из-за этого ирландцам пришлось сесть на корабли и отправиться в Америку — так они и спаслись, но родину потеряли...

С американскими ирландцами все понятно. Непонятно другое: почему при такой активности Смерти на зеленом острове Ирландия еще сохранились живые люди.

Корень жизни

Люди, принадлежащие к этнографической группе инта, считаются частью народа Мьянмы, однако их образ жизни имеет очень мало общего с тем, как живет остальное население этой страны. Так уж вышло, что инта приспособились жить в свайных поселках на озере Инле и даже развели плавучие огороды.

Особенность инта проявилась еще и в том, что они обладали, хотя и недолго, собственным средством бессмертия. Народ мьянма, как мы помним, пользовался оживляющим пестом — до тех пока его не сташил вороватый Месяц, а у инта имелся корень с аналогичными свойствами.

Обретение этого чудо-корня состоялось на удивление просто. Один юноша как-то прихватил точило и отправился искать себе жену. Трудно сказать, как могло ему помочь в этом деле точило и что он там собирался точить, коль скоро не имел при себе никаких колющих и режущих предметов, но это и не важно. Кто знает, может быть, в мифические времена инта вообще не выходили без точила из дому или использовали его каким-нибудь не вполне традиционным способом...

В данном случае, кстати, так и произошло. Юноша увлекся поисками суженой, зашел глубоко в лес, где и заночевал. Конечно, хочется спросить, почему он искал будущую супругу в лесной чаще, а не, скажем, по берегам озера, где расположены людские поселения? — но мы его задавать не будем, поскольку ответа от мифа наверняка не получим. Опасаясь попасть на ужин диким зверям, юноша забрался на высокое дерево и попытался заснуть, но сон не шел.

Тем временем под дерево явилась дикая свинья со своим беспокойным выводком, который отчаянно возился и чавкал, и юноша понял, что заснуть уж точно не удастся. В сердцах он метнул вниз точило и — надо же! — убил молочного поросенка. Не успел он порадоваться такой удаче, как свинья вырыла какой-то корень, потеряла им поросенка и тот, живехонек, с недовольным хрюканьем убежал в лес.

Несмотря на темноту, юноша видел все это, как на ладони, и сразу понял, что корень не простой, а волшебный. Он спрыгнул на землю, положил корень в сумку и продолжил свой путь. Вскоре он нашел ту, что искал, но она, к несчастью, оказалась мертвой. Это был хороший повод проверить чудодейственность корня — и корень сработал!

Гуляния народа инта продолжались, надо думать, не один день. Праздник был двойной: с одной стороны, свадьба, с другой — обретение корня вечной жизни. Но толком попользоваться корнем инта не удалось. Причем утратили они его столь же легко, как и обрели. Прознавший про корень один из местных духов-натов превратился в коршуна, слетел с небес, схватил корень и...

Остались о бессмертии, которое инта так и не попробовали на вкус, одни только неясные воспоминания.

Гамбит мертвецов

Первосемья индейцев серрано, чьи потомки и поныне в малом количестве проживают в Калифорнии, не нарушала, в отличие от первосемей других индейских племен, никаких сексуальных запретов. Точнее, муж и жена, о которых пойдет речь, не знали, что являются нарушителями. Они выполнили все условия табу, но были самым отвратительным образом обмануты.

Сразу скажем, что подавать эту первосемью в розовом свете мы не собираемся. Все в ней было, как у людей, в том числе и весьма непростые отношения свекрови и невестки. Собственно, если бы не эти отношения, то не случилась бы промеж серрано первая смерть. Эти две во всем, кроме совместного проживания, достойные женщины о чем-то поспорили, и ссора завершилась тем, что старшая подложила младшей на скамью что-то острое — то ли кинжал, то наконецник стрелы, то ли просто очень большую колючку. Невестка села со всего маху и вмиг умерла, получив ранение, несовместимое с жизнью.

Согласно местным обычаям несчастную кремировали. Когда погребальный костер запылал как следует и пова-

лили клубы дыма, в самом большом из них муж разглядел силуэт жены и поспешил за ним следом. Идти своим ходом ему пришлось недолго, потому что жена материализовалась, посадила его к себе спину и перенесла через реку в царство мертвых.

Жизнь там оказалась не такой уж плохой: индеец получал особую еду, а покойники ему не сильно докучали, поскольку появлялись только по ночам. Однако и с женой он мог общаться только в темноте. Это ему не нравилось — хотя многие мужья такому позавидовали бы, — и индеец стал просить мертвецов отпустить его вместе с женой в мир живых. А тут как раз состоялась охота на оленей, в которой ему довелось отличиться: он раздавил двух черных жуков, а они обернулись оленями — в стране мертвых и не такие чудеса возможны. Мертвецы добыче обрадовались и в знак благодарности отпустили супругов восвояси, наказав напоследок воздерживаться в течение трех суток от интима.

Муж с женой честно выдержали этот срок. Но когда пошли четвертые сутки, муж, будучи в своем праве, выдохнул: «Ну, давай!..» Ничего, однако, у них не вышло: только интим начался, как жена исчезла, словно сквозь постель провалилась... Позже уже выяснилось, что срок воздержания был не три дня, а три года, но только мертвецы — чтобы заполучить обратно бедную женщину, а с нею и всех прочих серрано, которые есть и народятся в будущем, — ничего об этом супругам не сказали.

Интересно, не свекровь ли коварно подговорила покойников на этот некрасивый гамбит?

Бессмертный Смерть

На острове посреди африканского озера Виктория жили-были в своих деревнях представители народа кереве, которые отличались от своих соплеменников, живущих вокруг озера, тем, что были бессмертны. Размеренное существование островитян нарушалось только криками младенцев, которых здоровые телом и всегда молодые кереве производили в большом количестве. В некоторых семьях

вместе — в тесноте, но не в обиде — жили бок о бок десятки поколений, и вся эта прорва должна была как-то кормиться. Толпы в поисках пропитания бродили по острову из конца в конец, и мало-помалу назревал голодный бунт.

Местный демиург Намуханга взирал на перенаселенный остров в некотором недоумении. Местные жители были созданы им бессмертными и, следовательно, умереть от голода не могли в принципе, однако люди (в том числе и бессмертные) устроены так, что им необходима пища. Неразрешимый парадокс, одним словом. Кто-то скажет, что кереве могли бы мигрировать с острова или, скажем, применять контрацептивы, но ни то ни другое, похоже, островитян не устраивало.

Любопытно, чем все это могло бы закончиться. Ведь даже гражданская война с применением всех доступных племенни видов оружия никоим образом не решила бы проблему: пищи не стало бы больше, а кереве не стало бы меньше (опять же по причине бессмертности, а значит, и неубиваемости). Но Намуханга решил не доводить сомнительный эксперимент до непредсказуемого итога и взял управление ситуацией на себя.

Он явился к одной женщине, которая уже успела произвести на свет двадцать детей, забрал последыша, маленького мальчика, и поселил его в одиночестве на вершине горы. Мальчик получил имя Смерть и право забирать жизни кереве, когда посчитает нужным. Несмотря на юный возраст, он тут же взялся за дело и молниеносно улучшил демографическую ситуацию на острове.

С тех мифических времен у кереве сменилось много поколений. Смерть вырос и из мальчика превратился в особу неопределенного пола. Он добросовестно регулирует численность островного населения и находится у Намуханги на хорошем счету. И вот еще что важно: Смерть, судя по всему, единственный из кереве, кому удалось остаться бессмертным...

В потере бессмертия племенем дханваров из индийского штата Мадхья-Прадеш косвенно виновата змея. До поры до времени дханвары, когда требовалось, меняли кожу, благо-

даря чему не старели и не умирали. Старую кожу тут же уносил посланец Хозяина Мертвых, и что дальше с нею происходило, не сообщается, — может быть, ее просто пускали на производство обуви, дамских сумочек или портмоне.

Но надо же было случиться такому, чтобы посланец Хозяина Мертвых влюбился в дочь одной местной змеи и, уступая нажиму дяди своей возлюбленной, начал интриговать в пользу змей. В конце концов он попросил Хозяина Мертвых поменять людей и змей местами — сделать так, чтобы змеи меняли кожу и жили сколь угодно долго, а дханвары умирали, как и все остальные живые существа. Хозяин Мертвых ответил на эту просьбу согласием, и дханвары были брошены в качестве жертв на алтарь чужой любви.

Вероятно, Хозяину Мертвых было все равно, чью кожу будут поставлять в его хозяйство — человеческую или змеиную. Змеиная, если иметь в виду фактуру, даже лучше. А дханвары, попадающие к нему после этой рокировки, так сказать, в цельном виде, используются, скорее всего, в качестве рабочей силы — шьют, к примеру, те же сумочки или босоножки...

Люди, принадлежащие к африканскому народу коно, являются, если верить мифу, прямыми потомками божества смерти Са.

Са поначалу пребывал в пустом и темном мире, где не было ровным счетом ничего, если не считать пребывающей в абсолютной пустоте семьи самого Са. Так продолжалось довольно долго, но затем на территории нынешнего проживания коно Са создал равнину с поверхностью из жидкой грязи. Зачем ему это понадобилось, совершенно не понятно.

Аккурат в этот момент в гости к Са прибыло божество Аталанга и — видимо, несколько удивившись, зачем для принятия грязевых ванн нужна целая равнина, — превратило вязкую жижу в твердую землю, а заодно создало растения и животных. Возможно, все это было лишь маневрами, отвлекающими Са от намерения Аталанги умыкнуть у него младшую дочь, поскольку сватовство Аталанги Са высокомерно отверг. Если это так, то надо признать, что задум-

ка Аталанги удалась: пока Са решал, как быть с неожиданно возникшим хозяйством, он с юной красавицей убежал в недосыгаемые дали.

По прибытии в указанные дали у них родились дети: семь мальчиков и семь девочек, причем четыре мальчика и четыре девочки были белые, а три мальчика и три девочки — черные, и все они говорили на разных языках. Голова у Аталанги пошла кругом, он не знал, как воспитывать столь странных детей и — что говорит о некоторой инфантильности этого божества — пошел просить совета у Са.

Отдадим должное Са. Он не стал поминать Аталанге, мягко говоря, неучливое поведение и продемонстрировал возможности, которые ставят его на один уровень с прочими африканскими демиургами. Он передал своим внукам — и белым, и черным — множество полезных вещей и предписал белым жениться на белых, а черным на черных, а кроме того, специально для них организовал появление на небе днем солнца, а ночью — луны и звезд.

Под конец, однако, Са вспомнил, что он божество смерти, и в качестве компенсации за уведенную обманом из-под отцовского крова дочь потребовал от Аталанги выдачи, когда только пожелает, любого его потомка. И Аталанге не оставалось ничего иного, как ответить согласием. Поэтому коно умирают.

Остается без ответа вопрос, который не может не возникнуть: что стало с белыми сыновьями и дочерьми Аталанги? Сами коно, отсчитывающие свою генеалогию от черных детей, утверждают, что от них произошли все европейцы. Но думается, что это преувеличение. Некоторые, может быть, но чтобы все — вряд ли...

Шанс от Шивы

Гонды, проживающие в немалом количестве в Центральной Индии, стали жертвами происков страшной девочки по имени Чамарин.

Уже сама необычность рождения Чамарин указывала на то, что с нею произойдет нечто особенное, ибо чудесная

девочка возникла в Нижнем мире в результате попадания тени коршуна на коровью шкуру, на которой скопилась менструальная кровь йогини. Явившись на свет, Чамарин первым делом поинтересовалась у столпившихся вокруг йогинь, что ей следует употреблять в пищу, и те направили ее в Средний мир, где живут люди, которые, дескать, и есть наилучшая еда. Чамарин, не мешкая, приняла облик гигантского коршуна, преодолела границу между мирами и отправилась на охоту.

Славная вышла охота: девочка-коршун глотала гондов целиком, целыми семьями и даже деревнями! Но вот беда: насыщения она не испытывала. Оказывается, люди, проходя через ее пищеварительную систему, выходили с другого конца и тут же оживали, поскольку владели водой бессмертия. Чамарин пожаловалась йогиням, те передали ее жалобу богу Махадео, и он воду бессмертия у гондов отобрал, на чем, собственно, вся история их бессмертия заканчивается.

С тех пор Чамарин трапезничает с полным удовольствием, а души съеденных ею людей попадают в тыквенный сосуд, который хранится в Нижнем мире...

Согласно индуистской мифологии, в эпоху критаяги, длившуюся один миллион семьсот двадцать восемь тысяч лет, люди, равные между собой во всем, были бессмертны и обладали всевозможными достоинствами, а на земле царил «золотой век», выразившийся во всеобщем довольстве. Дхарма, то бишь добродетель, тогдашнего населения Индостана опиралась на правдивость, доброту, преданность и милосердие. Но, как выясняется, когда все слишком хорошо — это не всегда хорошо и порой даже приводит к катастрофе.

От приятной жизни бессмертные люди так расплодились, что, как сообщает древнеиндийский эпос «Махабхарата», негде яблоку было упасть, и уже упоминавшийся краснокожий демиург Брахма, несмотря на абсолютную праведность древних индийцев, решил их истребить на корню с помощью огня. Вообще-то он имел на это некоторое право, поскольку когда-то создал прародителей людей, как, собственно, и всю вселенную, и вполне мог произнести все-

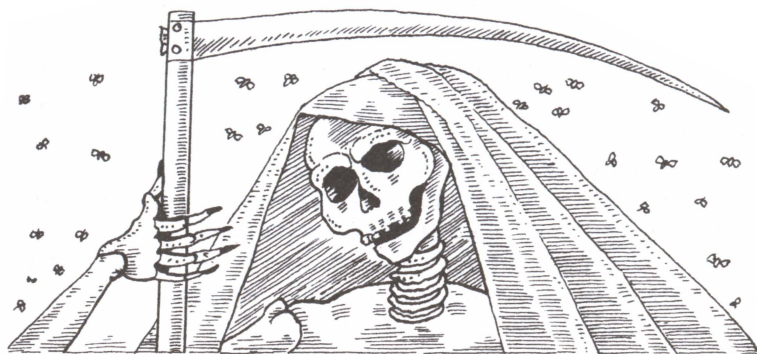
гда актуальное: «Я вас породил, я вас и убью!», — но, с другой стороны, ясно, что демиург малость погорячился.

Об этом и сказал ему Шива, чье имя в переводе с санскрита означает «благой» и «милостивый». Заступничество Шивы тем симптоматичнее, что этот трехглазый бог был и остается у индусов олицетворением разрушительно-го начала вселенной. «Благой» и «милостивый» предложил Брахме создать смерть, чтобы она избирательно прореживала человеческое племя.

Брахма совету последовал, и из его тела вышла женщина по имени Мритью в венке из лотосов и платье темно-красного цвета. Что важно, она не хотела никого убивать, но Брахма возложил на нее эту обязанность и велел идти к людям. Мритью заплакала, однако послушаться не посмела и пошла «в народ», а чтобы слезы ее не пропали зря, Брахма сотворил из них людские болезни.

После этого индийцы начали умирать, но смерть для них означает не абсолютный конец, а всего лишь прерыв в физическом существовании. Боги проявили не всегда свойственное высшим существам милосердие и оставили шанс наиболее праведным представителям подопечного народа, пройдя по цепочке реинкарнаций, достичь высшего — и вечного! — блаженства.

Верните смерть — мы все простим!

Внимательное изучение любой мифологии показывает: смерть можно победить — если не трусить, не подличать, не делать глупостей, не надеяться на помощь высших сил, а просто жить — храбро, честно, умно, с неизбывной верой в себя и свою победу.

Последнее дается особенно сложно, поскольку смерть нельзя одолеть раз и навсегда, ее необходимо побеждать снова и снова, во всех сражениях, которые она одно за другим упрямо навязывает человеку. И никакая, даже самая значительная, победа не даст гарантию, что в следующий раз тоже удастся одержать верх. Тут и зарыта собака: война со смертью не имеет конца и многие просто устают бороться.

Если жизнь не в радость

Эстонцы жили себе, поживали и умирали в положенный силами небесными срок, а потом вдруг умирать перестали. Им бы радоваться (и многие, конечно, радовались), но тут обнаружилась одна неприятная подробность: среди эстонцев становилось все больше немощных стариков, которые прямо-таки взывали к Богу с просьбой о смерти. Наконец Господь предпринял решительные меры, а имен-

но: создал зверей и птиц и велел им искать Смерть, которая эстонцам являлась в традиционном для европейцев облике — в виде женщины постбальзаковского возраста с косой в руках.

Что характерно: хотя Бог послал на поиски Смерти зверей и птиц и не делал никаких обращений к насекомым, нашла ее муха, которая, несмотря на наличие крыльев, все-таки вряд ли заслуживает того, чтобы быть причисленной к птицам. Оказывается, все время, пока эстонцы мучились, не зная, что делать со свалившимися на них долголетием и дряхлостью, Смерть дрыхла под мостом, положив под голову косу, которая от влаги уже изрядно заржавела. Муха принялась надоедливо жужжать над ней, и в конце концов Смерть проснулась. Она сладко потянулась, огляделась, схватила за косу и давай наверху упущенное — размахивать ею налево и направо. Мало эстонцам не показалось.

А муха в награду за службу получила от Бога право обедать за любым столом — хоть царским, хоть королевским, хоть каким — и почему-то не только эстонским...

Марийцы, как мы помним, пострадали от зловредного Шайтана, который подкупил шубой сторожа-собаку и оплевал сделанную демиургом Юмо заготовку человека, после чего бессмертие марийцам уже не грозило. Однако не все так просто в мифологии этого народа. Другие мифы — похожие один на другой и, значит, имеющие общий корень — сообщают, что Юмо все-таки сотворил марийцев бессмертными (следовательно, попавшая на марийцев слюна Шайтана оказалась не такой уж и ядовитой), но они сами отказались жить вечно. Мы приведем одну из версий.

Дух смерти Азырен, посланец владыки загробного мира марийцев Киямата, в мифические времена имел обыкновение являться к человеку, сообщать о своем намерении предать его смерти и лишь затем убивать ударом кинжала в сердце. Нельзя не признать, что в этом заблаговременном оповещении было что-то рыцарственное — сродни знаменитому «иду на вы» русского князя Святослава. После этого Азырен возвращался к Киямату (или в Киямат — загроб-

ный мир и его властитель у марийцев одноименны), не забыв прихватить с собой душу убиенного. Перед людьми он предстал в облике мужчины, что называется, корпулентного, и поэтому мало кто из них пробовал ему перечить, а если кто пробовал, то все равно без толку.

Однако и на духа бывает прорука — пусть даже он дух смерти. Пришло время помирать одному плотнику, а тот попросил Азырена прежде, чем забирать его душу, продемонстрировать, как это — в гробу лежать. О дальнейшем умудренный чтением этой книги читатель уже догадался: наивный Азырен улегся в гроб, а плотник быстренько гроб заколотил, отволоч куда подальше и ничего никому не сказал. В данном случае «куда подальше» находилось в глубоком омуте.

С того дня марийцы перестали умирать, и поначалу вечная жизнь была для них синонимом вечного праздника. Но прошла тысяча лет, и выяснилось, что бессмертие имеет свои издержки. Беда пришла, откуда не ждали. Марийцы, родившиеся до того, как плотник упаковал Азырена, давно уже преодолели мафусаилов рубеж и от старости — из мифа слов не выкинешь, в буквальном смысле! — поросли мохом. Старческие и нестарческие хвори, все разом, ели их поедом, и никакого спасения, пусть даже в виде смерти, впереди не намечалось. Глядя на старшее поколение и ощущая недобрую свою перспективу, возроптали и те, что помоложе. Страх и уныние поселились на марийской земле, поскольку оказалось, что есть нечто похуже смерти, и это «похуже» теперь грозит марийцам.

Старики воззвали к согражданам, и в итоге был собран совет с участием всех людей и зверей, на котором было решено отыскать пропавшего Азырена. Из этого следует вывод, что плотник по-прежнему держал рот на замке: возможно, опасался народного гнева, а возможно — и это даже вероятнее, учитывая его почтенный возраст, — подружился с Альцгеймером и ничего не помнил.

Поиски привели марийцев к богу луны Тылзе юмо, который и сообщил, что видел, как однажды ночью плотник бросил в омут дубовый гроб. Марийцы бросились к реке, выловили сетями гроб и выпустили Азырена на волю. Гнев

духа смерти, и прежде не отличавшегося добротой, а тут уж окончательно озверевшего в тысячелетнем заточении, был страшен. Первым делом он разобрался с плотником — убил несчастного, а душу его бросил в тамык, марийский ад, прямиком в котел с кипящей серой, где она и пребывает поныне. Затем прибрал скопом всех поросших мохом долгожителей, больных и страждущих и для ровного счета кое-кого из здоровых.

Понемногу, однако, чрезмерный пыл в нем угас, и все пошло тем же порядком, что и до казуса с плотником, — не считая того, что Азырен оставил привычку заранее сообщать жертве о своем намерении забрать ее грешную душу. Теперь он является к марийцам невидимым, без всякого предупреждения, и лишь изредка кто-то случайно может увидеть его, едущего в черной повозке, запряженной черными лошадьми, за очередной человеческой душой...

Невидимые метки

У чувашей с марийцами схожая судьба. Точно так же был в ней Шайтан, собака-предательница, оплевывание и потеря бессмертия еще на стадии неодоушевленного зародыша, но затем демиург Турá — видимо, найдя противоядие против шайтановой слюны — вернул чувашам способность жить вечно.

Однако он не подумал о том, чтобы наградить их вечной молодостью, и спустя какое-то время — малое с точки зрения Турá и значительное, если принять во внимание ресурсы организма среднестатистического чуваша, — одряхлевшие старики отправили к демиургу депутацию с просьбой даровать им смерть. Турá отреагировал мгновенно, и Смерть тут же явилась на свет в образе антропоморфного существа женского пола. Впрочем, зная, что люди любят рассуждать о смерти именно тогда, когда меньше всего хотят умирать, Турá позволил ей убивать чувашей только с их согласия. Правда, способ умерщвления, избранный демиургом, выглядел не очень привлекательно: предполагалось, что Смерть будет втыкать желающим что-нибудь острое в затылок.

Именно это, возможно, привело к тому, что один старик вместо того, чтобы подставить Смерти голову, обманул ее — точь-в-точь как это сделал хитрый марийский плотник. Причем остальные чувашские старики, похоже, ничего не имели против такого исхода — создается впечатление, что по сравнению с дырой в затылке дряхлость показалась им совсем не страшной. И жить бы чувашам вечно, хотя с возрастом и не очень здорово, но Турá держал этот вопрос под контролем и однажды поинтересовался, куда подевалась Смерть и почему чувашаи не умирают. Чувашаи развели руками и сделали вид, что ищут, но, понятное дело, ничего не нашли.

Но Турá не успокоился и, созвав всех наземных и водных тварей, выяснил, что Смерть заперта в железном гробу, утопленном посреди озера. Причем решающий вклад в нахождение Смерти внес еж — мудрейший из чувашских зверей. За это Турá наградил его особой — колючей — шубой; выходит, что до этого еж ходил голяком.

Гроб извлекли на сушу — и успели в самый последний момент: Смерть едва не задохнулась. Демиург дал ей отдышаться, пожурил за глупость, с которой она так легко позволила себя обмануть, и впредь велел убивать не только чувашских стариков, но и всех чувашей подряд, и совсем не обязательно дырявя им затылки.

Чтобы как-то упорядочить этот процесс, Турá с тех пор лично пишет на лбу у каждого новорожденного чуваша дату его смерти. Людям эти метки невидимы, но кто знает, что ждет нас в будущем? Наука идет вперед, и не исключено, настанет день, когда невидимое станет видимым и чувашаи расшифруют таинственные знаки Турá. А затем в массовом порядке их переписут...

Праздник великодушия

У грузин речь о всенародной победе над смертью не заходила, но отдельные успехи случались.

Удивительная история приключилась с одним разбойником, который бандитствовал в свое удовольствие и в чер-

ный ус не дул, но конченным человеком не был и нередко проявлял благородство. Однажды он вступился за девушку, которую по своей личной надобности волок куда-то старик весьма неприятного вида.

Но старик этот оказался не простой старик, а персонифицированная Смерть. Девушку Смерть отпустила и сказала, что взамен возьмет разбойничью душу. Но и Смерти тоже не было чуждо великодушие, поскольку вместо того, чтобы лишить разбойника жизни прямо на месте, она дала ему неделю отсрочки.

Что, казалось бы, должен был делать разбойник в эти семь дней? Молиться, молиться и еще раз молиться... Так нет же: он решил выстроить неприступный дом, засесть в нем и просто не допустить Смерть до себя любимого. Первая часть плана удалась на славу: дом возвели ударными темпами (видимо, награбил разбойник достаточно и деньжата для оплаты сверхурочных работ у него водились), но вот со второй вышла промашка. Разбойник не учел способности Смерти проходить сквозь стены и, проснувшись наутро после новоселья, увидел ее рядом с собой — уже не в персонифицированном, а в истинном обличье.

Надо, однако, отдать должное его находчивости и способности извлекать пользу даже из собственных недостатков. В последнюю секунду разбойник вспомнил, что так и не помолился, и упросил Смерть поклясться, что она не заберет его, пока молитва не будет дочитана до конца. Простоватая Смерть, полагая, что жертва у нее в руках, продолжала аттракцион великодушия — дала соответствующий обет — и жестоко просчиталась, поскольку разбойник молитву до конца намеренно не дочитал, а забрать его душу при таком раскладе значило нарушить собственную клятву.

Пойти на клятвopреступление куртуазная грузинская Смерть не могла позволить себе ни при каких условиях. Но это не означало, что она потеряла надежду заманить разбойника в свои тенета. Богатый опыт ей подсказывал: стоит проявить терпение и человек рано или поздно утратит бдительность. Так оно и случилось.

Спустя некоторое время чуть ли не на глазах разбойника в реке захлебнулся мальчик, и разбойник — в нем вне-

запно проснулась религиозность — прочитал над утопленным молитву. Как только он произнес последнее слово, мальчик — а был это, собственно, не утонувший мальчик, а Смерть, принявшая облик утонувшего мальчика, — вскочил на ноги и потребовал у разбойника вернуть должок.

Но и теперь джентльмен удачи не растерялся и попросил, прежде чем он отправится на тот свет, дать ему возможность попрощаться с отцом. И Смерть... ну да, ну да... в очередной раз продемонстрировала гуманный подход. Но чтобы разбойник не сбежал, она отправилась вместе с ним и... снова попала впросак. Откуда ей было знать, что накануне отца разбойника посетил сам Иисус и, когда старик пожаловался на мальчишек, ворующих груши, пообещал, что отныне никто, залезший на грушевое дерево, не сойдет вниз, пока старик того не пожелает.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что предпринял старик отец, когда увидел приближающихся к дому сына и Смерть. Разумеется, он попросил Смерть слазить на дерево за сочной грушей. И Смерть... нет, это просто невозможно излагать без слез умиления... Смерть, конечно же, полезла и грушу сорвала, а вниз спуститься не смогла, и соответственно речь о том, чтобы прибрать душу разбойника, с повестки дня была снята...

Так и рисуется картина: сидят хитроумные папаша и сын-разбойник за накрытым столом, пьют вино, боржоми и воды Лагидзе, закусывая лобио, хачапури и жареным поросенком, а доверчивая Смерть кукует на ветке. При этом надо помнить, что разбойник был для нее хотя и принципиальным, но все-таки частным случаем и кроме него в ее картотеке имелись еще тысячи и тысячи грузин и грузинок — весь грузинский народ поименно, — которые в момент, когда Смерть застряла на груше, неожиданно стали потенциально бессмертными.

(В скобках заметим, что очень похожие мотивы есть в фольклоре других народов: у французов, например, роль ловушки для Смерти исполняет слива, а у болгар — яблоня. В обоих случаях традиционная европейская Смерть, трогательная в своей наивности старушка с косой в руках, застря-

ла на дереве — на болгарской яблоне она провела аж целых двести лет...)

Но возможность бессмертия была грузинами упущена — и опять-таки по причине благородства, великодушия и гуманизма, присущих грузинскому народу в целом и грузинским разбойникам в частности. Эти качества проявились и взяли свое даже в такой неординарной ситуации. Размякнув от вина (автор придерживается версии, что без кутежа не обошлось — тем более что повод имелся), отец и сын смилоствились над Смертью, и в обмен на обещание, что она оставит в покое сына-разбойника, пока тот сам ее не призовет, старик отец разрешил бедолаге слезть с дерева. Вполне вероятно, что и эта сделка завершилась возлияниями и песнями до утра...

Тут и сказке конец. Смерть и разбойник разошлись по своим делам и встречались лишь изредка по роду занятий — если благородному разбойнику случалось прирезать на большой дороге какого-нибудь крестьянина, едущего с барышом из города. Когда же разбойник состарился, одряхлел и уже не мог заниматься любимым делом, он призвал Смерть к себе, и она забрала его жизнь с превеликим удовольствием.

Морали в сей истории никакой, но ее с избытком в другой грузинской легенде. Как-то Смерть усадила одного грузина на своего белого коня, который вознес его к самому небу, откуда он увидел землю такой маленькой, что и описать невозможно. Мораль: сколько веревочке ни виться, а конец найдется — никуда на таком малом пространстве от Смерти не спрятаться...

Вождь Хвемпетла, персонаж мифа африканского народа бата, а точнее — входящей в него этнической группы капсики, вряд ли был знаком с этой грузинской мудростью, а если и был, то этим своим знанием пренебрег и клятвенно пообещал капсики найти способ спасения от смерти.

Однако, перебрав пришедшие в голову идеи, Хвемпетла ничего оригинального не обнаружил и решил забраться в какое-нибудь укромное место, где смерть его не сможет отыскать. Начал он с того, что укрылся в пещере, но смерть

мгновенно персонифицировалась, обретя плоть и кровь, и тут же его нашла. Но она не стала убивать незадачливого вождя и принялась играть с ним, как кошка с мышью, дав ему право еще на несколько попыток. Хвемпетла последовательно прятался в колючем кустарнике, зарывался в солому на крыше хижины, заползал в термитник, сидел, скрючившись, в дупле баобаба и даже изловчился влезть внутрь стебля папоротника. В последнем случае он, похоже, впечатлил даже Смерть, и она в сомнениях, не отпустить ли Хвемпетлу с миром, сделала вид, что не может его найти. Но потом верность предназначению взяла свое, и Смерть выудила вождя из папоротникового стебля за торчащую наружу грязную пятку.

Хвемпетле ничего не оставалось, как признать тщетность своих попыток. Он отправился к капсики и принялся учить свой народ не методам сбережения от смерти, а похоронным обрядам.

И тут, думается, самое время поставить в этой книге точку...

«Тут, думается, самое время поставить в этой книге точку», — сказано в конце предыдущей главки. Ведь все, кто занимался или занимается поисками бессмертия — и простодушные первобытные философы, и бородатые алхимики Средневековья, и современные шарлатаны от науки, — все они уже давно стали или станут в обозримом будущем главными действующими лицами похоронных ритуалов.

Однако не дело заканчивать на минорной ноте, и поэтому (хотя и не только поэтому) следует упомянуть тех, кому все-таки удалось одержать не временную, а окончательную победу над смертью и удостоиться вечной жизни. Перечисление таких персонажей с указанием их деяний займет немало места, и делать я этого не буду — еще и потому, что в каждой истории есть место для домыслов. Это не отменяет того, что среди легендарных победителей смерти есть личности весьма симпатичные вроде австрийского винодела Хойсля, обменявшего вино из своего подвала на бессмертие и напоившего Смерть до того, что она превратилась в скелет (знать бы только, где сейчас болтается этот самый Хойсль). Или вот, скажем, белорусский крестьянин, засунувший смерть в бутылку и так напугавший ее, что она уже которую сотню лет обходит его стороной. Или же безвестный чех, отыгравший свою смерть в кости у самого Сатаны и ныне служащий референ-

том при апостоле Петре. Или же венгерская старуха, спрятавшаяся сначала в бочке с медом, а затем залезшая в перину и так испугавшая Смерть своим видом, что та драпала хуже шведа под Полтавой. И прочая, прочая, прочая. Не говоря уж о божествах — умирающих и воскресающих, без которых не обходится ни одна уважающая себя мифология...

Но все-таки о восьми героях вечного противостояния жизни и смерти я не могу не сказать. Речь идет о популярнейших героях китайской даосской мифологии — «Восьми бессмертных». И дело не в том, что ныне в моде находится и, похоже, еще долгое время, достаточное для того, чтобы эта книжка превратилась в труху, будет находиться все китайское, а в том, что «Восемь бессмертных» заслужили, ничуть сами не стремясь к тому, право быть примером для подражания. И не только у китайцев — что само собой, — а у самых настоящих европейцев и у нас, у русских. Кстати, автор настаивает на том, что мы, русские, вовсе не европейцы (но и не азиаты). Мы — просто русские. Как китайцы — китайцы. И не дай Бог нам стать кем-то другими — не самими собой.

Но при этом не грех поучиться хорошему у соседей. И у китайцев, возможно, в первую очередь. Ведь чем замечательны «Восемь бессмертных»? Они жили и живут в мифах как порядочные люди, но при этом отнюдь не метят в святоши — посещают кабаки и даже участвуют в потасовках. Главное их достижение — познание особого пути дао. Это понятие включает множество значений, и среди них — мораль, просветление, благодать, абсолют... Дао — это мудрость, осознанная и превращенная человеком в орудие разгадывания смысла жизни. И эта мудрость столь велика, что простирается за границы, где нет разницы между жизнью и смертью, ибо абсолютное постижение дао исчерпывает смысл человеческого существования.

Чжунли Цюань

Главным среди «Восьми бессмертных» считается Чжунли Цюань, которого, как правило, изображают высоким и толстым, с обнаженным животом и без обуви. Чжунли

Цюань лыс, и лишь на висках растут густые волосы. У него большая курчавая борода и тело в сплошных татуировках. На изображениях он обыкновенно держит в одной руке персик, а в другой — веер.

Его еще называют Чжэньян Цзуши («Первый мастер Истинного Ян»), Юнь Фан («Облачный дом») и Ханьский Чжунли, поскольку, по основной версии, он родился, когда в Китае правила династия Хань (206 до н. э. — 220). Впрочем, другие источники относят его появление на свет и к эпохе Чжоу (1122—249 до н. э.), и к эпохе Тан (618—907), и к эпохе Сун (960—1279).

По-видимому, это личность историческая, однако реальная жизнь Чжунли Цюаня скрыта за наслоениями легенд — отделить правду от вымысла в его биографии, как и когда дело касается других «Восьми бессмертных», непросто. Наверняка можно утверждать лишь то, что при монгольской династии Юань (1271—1368) Чжунли Цюань был канонизирован и началось его особое почитание.

Предание сообщает, что рождение Чжунли Цюаня сопровождалось знамением: в момент, когда он вышел из материнского чрева, комната озарилась сиянием, а сам младенец поразил тех, кто при этом присутствовал, большой головой, крупными чертами лица, на котором выделялись густые брови и красный нос, и длинными, как у трехлетки, руками. Семь дней новорожденный ничего не ел и не плакал. Все эти необычные свойства сами по себе ничего не значили и, скорее всего, забылись бы, если бы не выдающиеся способности Чжунли Цюаня, которые он продемонстрировал на государственной службе и впоследствии в качестве даоса.

Будущий предводитель «Восьми бессмертных» дослужился до высоких постов в императорской армии, и, когда однажды тибетское племя туфань совершило набег на пограничные китайские земли, Чжунли Цюань был отправлен во главе пятитысячной армии покарать виновных. Он одолел противника в нескольких небольших сражениях, но в решающей битве потерпел бесславное поражение, потерял всех своих солдат и сам едва остался жив. Пережитый позор в корне переменял его жизнь: Чжунли Цюань удалил-

ся в деревенскую глушь и занялся изучением философии. Впрочем, несмотря на неудачный финал полководческой карьеры, он, согласно китайской мифологии, считается покровителем солдат.

Чжунли Цюань и помыслить не мог тогда, что гибель его войска предопределил бессмертный Ли Тегуай, учеником и соратником которого ему предстояло стать в будущем. Все дело в том, что Ли Тегуай, а точнее — его дух пролетал над полем, где сошлись в сече китайская и тибетская армии, и, увидев, что китайцы вот-вот победят, тотчас принял материальный облик, явился к военачальнику тибетцев и дал совет, как одержать победу. Все это было сделано единственно ради того, чтобы отвратить Чжунли Цюаня от императорских почестей и наград, не дать ему погрязнуть в тщеславии и направить к постижению дао. Но Чжунли Цюань, обосновавшись в деревне, приобщение к дао совместил с женитьбой на молодой красавице и, похоже, этим предопределил еще одну свою неудачу — теперь уже на личном фронте.

Неизвестно, направлял ли его и в этом случае Ли Тегуай, но Чжунли Цюань однажды зачем-то отправился на кладбище, где увидел женщину, которая обмахивала веером могильный холмик. Оказывается, покойный муж просил ее не выходить вторично замуж хотя бы до того момента, когда высохнет земля на могиле. Чжунли Цюань помог страждущей высушить землю, и она, забыв веер у него в руках, понеслась к пребывающему в нетерпении жениху.

Придя домой, он рассказал эту историю своей жене. Та пришла в возмущение поведением вдовы — столь неистовое, что невольно заронила в душу Чжунли Цюаня подозрения в своей искренности. Он решил проверить чувства супруги, притворился мертвым, и его опасения оправдались: жена тут же закрутила роман с молодым человеком и даже согласилась на его просьбу сделать снадобье из мозга покойного мужа. Это был вполне подходящий момент, чтобы предстать перед супругой.

Трудно сказать, на какой эффект рассчитывал Чжунли Цюань, но несчастная женщина, увидев мужа живехоньким, тут же покончила с собой. А сам Чжунли Цюань поджег

дом и пошел куда глаза глядят, прихватив с собой лишь две вещи — веер, уже начинающий обретать волшебные свойства, и священную книгу «Даоцзин». Написанная основоположником даосизма Лао Цзы на бамбуке, она занимала три телеги, и уже тот факт, что из всего своего имущества Чжунли Цюань взял в путь именно ее, говорит о многом. Теперь уже ничто, в том числе и удовольствия супружества, не могло помешать ему вступить на путь самосовершенствования.

И тут — разумеется, не случайно — ему встретился Ли Тегуай и сопроводил до места, где жил Владыка Восточного Китая старец Ван Сюанпу. Чжунли Цюань был очарован оказанным гостеприимством и попросился к старцу в ученики, дабы наконец-то постичь дао. Таким образом, Ли Тегуай, взявший на себя труд наставить Чжунли Цюаня на правильный путь, передал его, можно сказать, по назначению, из рук в руки. Чжунли Цюань обосновался на Горе Трех Вершин и начал новую — во всех отношениях — жизнь.

Под руководством Ван Сюанпу вчерашний полководец овладел алхимией и вскоре продемонстрировал свои познания на практике. Во время сильного голода он в больших количествах превращал медь и олово в золото и серебро и раздавал благородные металлы людям, чтобы они могли купить себе пищу.

Кроме того, Чжунли Цюань изучал врачевание, боевые искусства и каллиграфию — что характерно, первое упоминание о нем в источнике, относящемся к X веку, связано именно с искусством письма. Соединение познаний в медицине и алхимии дало плоды: Чжунли Цюань сумел изготовить эликсир жизни и порошок перевоплощения, а заодно — что называется, до кучи — научился левитировать и порой запросто совершал вечерний моцион по воздуху. Но больше всего усилий он направлял на размышления о смысле бытия.

И вот однажды, когда он сидел в пещере, задумчиво уставясь в стену, скала вдруг с треском разошлась в стороны, и в образовавшемся проломе Чжунли Цюань увидел нефритовую шкатулку. В ней он нашел предписания,

как сделаться бессмертным, исходящие от самого Нефритового императора — верховного божества даосского пантеона. Чжунли Цюань все предписания исполнил, и тут же послышалась чудесная музыка, и комната наполнилась разноцветными облаками, на одном из которых, в сопровождении слетевшего с небес аиста, он отправился в страну бессмертия.

Временами он является оттуда в мир людей и оживляет умерших с помощью замечательного веера — или, если угодно, опахала — из перьев или пальмовых листьев.

Ли Тегуай

Большинство преданий говорит о том, что Ли Тегуай («Железная клюка») был учеником самого великого Лао Цзы, чье обожествление началось еще при его жизни. Если поверить этому, то, следовательно, Ли Тегуай жил в VI—V веках до н. э., и это вполне соответствует утверждению, что он самый старый из «Восьми бессмертных». Более того, все говорит за то, что первоначально именно он главенствовал в великолепной «восьмерке» и лишь затем Чжунли Цюань и Люй Дунбинь, о котором речь впереди, оттеснили его на второй план. Впрочем, уважения к Ли Тегуаю это не убавило, и популярность его в народе осталась весьма велика.

Другая версия относит рождение Ли Тегуая к VIII веку н.э.

Основным занятием Ли Тегуая считается медицина; сравнительно недавно его изображения в обязательном порядке висели над входами в лавки, где продавались лекарства. Причем свое снадобье, способное в числе прочего отделить душу от тела, он носит в тыкве-горлянке, с которой никогда не растает. Вероятно, по той причине, что хороший врач подобен кудеснику, Ли Тегуай считается покровителем астрологов и чародеев.

В ранней юности Ли Тегуай спрятался от мирских соблазнов в далеком ущелье, где вел полную сложностей жизнь аскета, пытаясь познать смысл жизни и тайну бессмертия. Так прошло сорок лет, и наконец великий день настал: он

понял, что нашел разгадку. Сам Нефритовый император подтвердил это, даровав ему вечную жизнь и повелев время от времени являться на небо, дабы постигать наивысшую магию уже в тамошних пределах. Таким образом, Ли Тегуай стал жить на два дома, причем в небесные чертоги он отправлялся в образе духа, оставляя свое опустевшее тело под присмотром ученика.

Этим — надо признать, очень удобным — способом передвижения он пользовался довольно часто, и не всегда по небесным надобностям. И вот однажды, вернувшись после долгого отсутствия с гор Тяньшоушань, то есть Долголетия, Ли Тегуай не обнаружил своего тела. По основной версии, виной тому стал ученик, который решил, что учитель умер взаправду, и сжег бранные останки. Реакция Ли Тегуая на происшедшее многое о нем говорит — он не призвал, пользуясь своими связями, страшные кары на голову глупого воспитанника, а, наоборот, устроил ему протекцию в небесных сферах, где теперь тот и пребывает на полном довольствии. Другая версия говорит о том, что тело Ли Тегуая, пока его дух летал по делам к Лао Цзы, растерзал случайно проходивший мимо тигр.

В любом случае пришлось духу Ли Тегуая заняться поисками подходящего тела, но самое лучшее, что ему удалось найти, принадлежало только-только умершему хромому попрошайке. Дух впорхнул в неодушевленное тело, и поэтому Ли Тегуай с тех пор является китайцам и изображается ими в облике хромоножки с всклокоченной бородой и кучерявыми волосами, перехваченными обручем. Под мышкой у него неизменная тыква, а в руке клюка, полученная, между прочим, в подарок от самого Лао Цзы, чем, видимо, и объясняются ее чудесные свойства. Например, как-то «Восемь бессмертных» все вместе, погостив у властительницы китайского Запада Си-ван-му, отправились напрямик через Восточное море к повелителю китайского Востока Дун-ван-гуну, и Ли Тегуай использовал — и очень даже успешно — в качестве плавсредства железную клюку. Еще у него есть замечательная сумка, в которой он при надобности, уменьшаясь в размерах, ночует.

История с потерей собственного тела ничуть не испортила веселый характер Ли Тегуая: несмотря на хромоту, он традиционный заводила и распорядитель всех празднеств, в которых принимают участие «Восемь бессмертных». А кроме того, именно ему обязаны своим посвящением в бессмертные члены «восьмерки» — Чжунли Цюань, Чжан Голао и Хэ Сяньгу.

Люй Дунбинь

Если кто и спорит нынче с Чжунли Цюанем за право первенства среди «Восьми бессмертных» — так это основатель многих китайских сект и мастер даосской алхимии Люй Дунбинь («Гость из пещеры»), и на это имеются немалые основания: Люй Дунбинь — самый популярный бессмертный в китайской мифологии. Некоторые легенды именно его называют предводителем великолепной «восьмерки». Люй Дунбинь, как правило, изображается с магическим мечом, с которым он странствовал по земле целых четыреста лет, поражая демонов, драконов, тигров и вообще все проявления зла.

В борьбе с вредоносными сущностями он проявлял выдающуюся решительность: например, когда однажды другого члена бессмертной «восьмерки» Лань Цайхэ драконы утащили в подводный дворец, Люй Дунбинь поджег море, а затем убил сына царя драконов, и только вмешательство Нефритового императора предотвратило окончательное уничтожение драконьего племени.

Такая жизнь требовала постоянной готовности к подвигу, однако Люй Дунбинь успевал нести еще и общественную нагрузку, являясь покровителем литературы и парикмахеров. Впрочем, в настоящее время воинственность Люй Дунбиня значительно поубавилась и он все больше посвящает себя гуманитарным занятиям, но меч тем не менее постоянно висит у него за спиной.

Другой атрибут, сопутствующий Люй Дунбиню на изображениях, — мухогонка, которая символизирует его беспечность. Этот brutальный бессмертный всегда отличался изрядной рассеянностью.

Люй Дунбинь — личность историческая, однако о реальной его жизни ничего не известно. Есть сведения, что родился он в провинции Хунань в конце VIII века, когда в Китае правила династия Тан, в 1111 году был канонизирован и в его честь в Юнчжоу был построен храм, но все остальное из биографии Люй Дунбиня вытеснили предания. Вот их краткое изложение.

Зачатие Люй Дунбиня сопровождалось сладчайшей музыкой, которая возможна только на небесах, комната наполнилась удивительным неземным ароматом, а к постели матери будущего бессмертного спустился белый журавль. Как воспринял все это присутствующий, надо полагать, при зачатии отец Люй Дунбиня, мифы не сообщают. Они единодушно обходят тему отца, и поневоле закрадывается подозрение: не сыграл ли китайский журавль ту же роль, что и иудейский голубь за несколько веков до того и совсем в иных краях?

Необычный облик младенца соответствовал обстоятельствам его рождения: у него была шея журавля, спина обезьяны, туловище тигра, ланиты дракона, светло-желтая кожа, глаза феникса под густыми бровями и все это дополняла черная родинка над левой бровью. Признаться, наличие родинки при такой наружности даже как-то умиляет. Едва явившись на свет, Люй Дунбинь (впрочем, поначалу его звали Люй Янем) принялся удивлять окружающих своими способностями, — к примеру, он ежедневно запоминал по десять тысяч иероглифов и, таким образом, стал одним из образованнейших людей своего (да и не только своего) времени.

Тем не менее он дважды провалился, сдавая экзамен на императорского чиновника. Вероятно, судьба специально ставила ему подножку, поскольку готовила к иной, более значительной стезе. О том, как именно Люй Дунбинь нашел свое предназначение, существует множество версий, но все они так или иначе сводятся к его встрече с Чжунли Цюанем, которая состоялась в горах Лушань.

Дабы обратить его в даосизм, Чжунли Цюань прибег к хитрому приему: он подарил предполагаемому ученику особенную подушку, которая навеяла на Люй Дунбиня сон, будто бы он выдержал экзамен, дослужился до министра,

женился на дочери богача и у него родились дети. Но вслед за этим появилось много завистников, и их козни сделали свое дело: он лишился должности, потерял все состояние, его оставила жена, а вскоре разбойники убили детей. Люй Дунбинь проснулся в момент, когда был на волоске от голодной смерти... Чжунли Цюань растолковал ему, что этот сон означает бессмысленность земной суеты.

Взяв Люй Дунбиня под свое крыло, Чжунли Цюань обучил его искусству делаться невидимым, передал рецепты изготовления золота и эликсира бессмертия. Попутно Люй Дунбинь в совершенстве овладел фехтованием, что ему очень пригодилось, когда дело дошло до схваток с демонами и драконами. Чжунли Цюань называл его Чуньян-цзы («Сын чистой силы Ян»). К пятидесяти годам Люй Дунбинь постиг все тайны дао и был посвящен в бессмертные. Своему учителю он обещал отдавать все силы распространению дао и сдержал свое слово. Он приложил руку к обращению в даосизм Хань Сянцзы, Цао Гоцзю и Хэ Сяньгу, которые позже вошли в число «Восьми бессмертных».

Хань Сянцзы

Если в отношении историчности кое-кого из «Восьми бессмертных» и есть сомнения, то они никак не касаются Хань Сянцзы. Он был племянником выдающегося китайского поэта и философа Хань Юя (768—824), который сделал удачную карьеру при императорском дворе. Одна из его должностей — виночерпий школы для сыновей и младших братьев высших сановников; при дворе, где искусство отравления достигло высочайшего уровня, абы кому доверить такое место не могли.

Хань Юй сыграл весьма серьезную роль в жизни своего племянника, но, если можно так выразиться, от обратного — он был ярким противником даосизма и делал все, чтобы отвратить Хань Сянцзы от поисков истины в дао. Поскольку Хань Сянцзы жил в доме дяди, дискуссии их продолжались часами: Хань Юй уговаривал племянника сделать государственную карьеру и обещал в этом посодействовать. Одна-

ко тот оказался крепким орешком: отвечал весьма язвительно и уговорам не поддавался. А как-то даже сыграл на поле дяди-виночерпия, демонстративно выпив громадное количество вина и оставшись при этом — разумеется, призвав на помощь силу дао — трезвым, как стеклышко. Когда же дядино занудство Хань Сянцзы надоело, он покинул дом знаменитого и во всех отношениях благополучного родственника и отправился куда глаза глядят.

Далее сведения о Хань Сянцзы обретают мифическую окраску. В своих путешествиях он встретился с Люй Дунбинем, вдвоем они исходили множество дорог, и все это время Хань Сянцзы постигал исходившую от старшего товарища мудрость. Особенно он преуспел в освоении магии: превращал воду в вино (опять вино!) и играл на волшебной флейте, от которой все вокруг расцветало даже зимой. Поэтому Хань Сянцзы считается покровителем как флейтистов, так и садовников и изображается с флейтой или корзиной цветов в руках. Иногда флейту или цветы заменяет «персик бессмертия».

Эти удивительные плоды росли в месте, куда после долгих странствий Люй Дунбинь привел своего ученика. Произошло это тогда, когда Хань Сянцзы уже почти сравнялся мудростью с учителем и созрел для того, чтобы войти в число бессмертных. Люй Дунбинь, понятное дело, привел ученика к чудесному дереву не случайно: он, конечно же, знал, чем все это закончится. Хань Сянцзы полез на дерево за персиками, но, когда забрался на самую верхотуру, ветка под ним подломилась — он упал на землю и умер. Впрочем, в ту же секунду его дух оказался на небе — получив в обмен на оставленное на земле тело бессмертие и способность в случае необходимости принимать вполне материальный вид.

Эту способность Хань Сянцзы постоянно применяет на деле. Однажды он, приняв облик даосского монаха, явился к своему дяде, который к тому времени попал в опалу и был отправлен в ссылку. Встретив Хань Юя на заснеженном перевале, бессмертный племянник всю ночь убеждал его в превосходстве дао, но, похоже, без особого успеха. Напоследок он подарил Хань Юю сосуд из тыквы-горлянки с пилюлями от малярии и растворился в воздухе.

Чжан Голао

«Совершенный мастер» Чжан Голао, так же как и Хань Сянцзы, ассоциируется с человеком, действительно жившим и прожившим большую жизнь, при которой сменилось по меньшей мере пять правителей из династии Тан, из коих следует прежде всего упомянуть императрицу У Хоу (690–705 годы) и императора Ли Лунцзи (храмовое имя Сюань-цзун), занимавшего престол в 712–756 годах. Жизнеописание реального Чжан Голао сохранилось в официальных хрониках династии Тан. Например, известно, что, не желая появляться при дворе У Хоу, он симитировал свою смерть, а затем, уже при Ли Лунцзи, отказался стать министром и зятем императора.

Но все эти поступки выглядят сущими мелочами на фоне биографии легендарного Чжан Голао, который считается человеческим воплощением летучей мыши, возникшей в момент, когда первочеловек Пань-гу разделил мир на небо и землю. Таким образом, она была ровесницей мироздания. Воплотившись в человеке, летучая мышь достигла больших высот в китайской государственной иерархии и стала — то есть, конечно, не летучая мышь, а человек по имени Чжан Голао — министром при легендарном императоре Яо (2353–2234 до н. э.).

Таким образом, к моменту, когда на престол вступила У Хоу, мифический Чжан Голао находился в столь почтенном возрасте, что уже по факту был самым что ни есть настоящим бессмертным. В то же время традиция утверждает, что бессмертие Чжан Голао пожаловал Ли Тегуай, напоив его травяной настойкой, рецепт которой был известен только ему одному. После этого дух Чжан Голао освободился от тела и получил возможность принимать человеческий облик по необходимости.

Изображается Чжан Голао чаще всего белобородым старцем с бамбуковыми трешотками, иногда с «персиками бессмертия» и почти всегда верхом на белом муле, причем сидит на нем задом наперед. Этот мул отличается поразительной быстроходностью: в день он способен пробежать 10 тысяч ли, что составляет около 5 тысяч километров.

И резвость не единственное его достоинство — этот мул... складной. Когда в скакуне отпадает надобность, Чжан Голао складывает его, как бумажного, и засовывает в футляр из бамбука, а возвращает в боевое состояние, взбрызнув водой.

Исчисляя срок жизни Чжан Голао со времен творения, его считают самым старым среди бессмертных. Часть его имени «лао», собственно, означает «старый» и «почтенный». И нет ничего удивительного в том, что в китайском пантеоне он покровительствует старикам. Однако этим его занятия не ограничиваются: Чжан Голао отвечает также за семейную жизнь и деторождение китайцев и, судя по тому, что число их перевалило далеко за миллиард, выполняет свои обязанности с повышенным рвением.

Лань Цайхэ

Первым из «восьмерки» в даосской литературе — в начале X века — упоминается Лань Цайхэ, но это никак не помогает узнать его поближе. Это единственный бессмертный, который не ассоциируется всерьез ни с кем из реальных людей, да и в его легендарном образе очень много неясностей. Не известен точно даже пол Лань Цайхэ, и поэтому его часто изображают женоподобным юношей или девушкой, а некоторые считают его гермафродитом. Изображают Лань Цайхэ, как правило, с плетеной из бамбука корзиной, полной цветов или реже фруктов. Иногда к корзине добавляется флейта.

Никаких особенных подвигов — особенно на фоне деяний других бессмертных — Лань Цайхэ не совершил, однако прославился жизнелюбием. Основные его занятия, если исходить из преданий, сводились к беззаботному времяпрепровождению: Лань Цайхэ в одном сапоге (другая нога у него всегда была босая) таскался по базарам и кабакам, пил вино и пел песни собственного сочинения. Одет он был круглый год в один тот же рваный ватный халат синего цвета с широким поясом с деревянными бляшками — в этом халате Лань Цайхэ обильно потел летом, но зато мог позволить себе заснуть пьяным на снегу. Жил он попрошайниче-

ством, причем монеты с отверстием посередине, полученные в качестве подаяния, нанизывал на веревку, которую волочил за собой. Если деньги терялись, это Лань Цайхэ не очень огорчало. А если не терялись, он с удовольствием угощал всех желающих.

Это самый веселый из «Восьми бессмертных» — настолько веселый, что его влиянию трудно не поддаться. Однажды, уже будучи на небе, он умудрился напоить всех остальных бессмертных, чем, кстати сказать, принес им неоценимую пользу: оторвавшись в нетрезвом состоянии от своего «я», они смогли перейти от алхимического бессмертия к бессмертию, основанном на внутренней силе, которая заключена в человеческой личности.

Русскому читателю, далекому от дао, трудно понять, за какие такие заслуги Лань Цайхэ был причислен к сонму бессмертных. Пьянство, полный отказ от вещественных благ и наплеватьство на все и вся присущи и немало числу наших соотечественников, но вряд ли их ждет за это поощрение с небес. Почему у китайцев все по-другому, автор объяснить не в силах. Видимо, тут замешано иррациональное: что китайцу хорошо — то русскому смерть. Нам приходится принять на веру, что, регулярно доводя себя неумеренными возлияниями до состояния, по терминологии даосов, «необработанного дерева» или «младенца», Лань Цайхэ уверенно шел по пути святости.

И в один прекрасный момент, когда пьяный Лань Цайхэ прямо в винной лавке пел, плясал и размахивал бамбуковой трещоткой, вдруг под аккомпанемент флейты раздалось пение святых даосов, с неба спустилось облако, подхватило его и в сопровождении журавля отбыло на небо. Спустя несколько мгновений на головы обалдевшим присутствующим свалились сверху дырявый халат, сапог и трещотка...

Хэ Сяньгу

Единственная в «восьмерке» женщина Хэ Сяньгу («Бессмертная дева Хэ») приобщилась к бессмертию в довольно раннем возрасте. У нее было по меньшей мере два прото-

типа — девицы по имени Хэ. Одна барышня жила в Юнчжоу, а вторая происходила из богатой семьи, жившей в окрестностях Гуанчжоу, и подвергалась притеснениям со стороны мачехи, что имеет значение для дальнейшего развития сюжета. Похоже, что в мифическом образе Хэ Сяньгу слились биографии обеих девушек.

Хэ Сяньгу отличалась удивительной красотой. Она рано научилась предсказывать будущее и вообще демонстрировала замечательные способности. Это не укрылось от пребывающих в небесных сферах бессмертных, которые были озабочены тем, чтобы довести свой круг до восьми членов, ибо «восемь» — это число благоденствия и удачи, и искали подходящих кандидатов. К Хэ (которая еще не была «сяньгу») явился Люй Дунбинь и дал отведать «персик бессмертия», но она съела только половину чудесного фрукта и поэтому бессмертной не стала, но зато обрела способность обходиться почти без еды и снискала у местных жителей репутацию святой.

Когда девушке исполнилось четырнадцать лет, Люй Дунбинь явился ей снова, на этот раз во сне, и предложил, если она хочет стать бессмертной, принять порошок из жемчуга. Проснувшись, Хэ растолкла жемчужину, проглотила порошок, и тут же ее тело обрело необыкновенную легкость и сделалось вечным. После этого она получила способность легко передвигаться по воздуху, в буквальном смысле с одной горной вершины на другую. Весь светлый день она посвящала сбору лекарственных трав для своей больной матери и домой возвращалась только с наступлением темноты. Кроме того, на ней лежала обязанность сметать цветы возле Небесных врат, где росло персиковое дерево, засыпающее окрестности лепестками.

Окончательное посвящение Хэ Сяньгу в тайны дао осуществили Ли Тегуай и Лань Цайхэ. А вскоре по ходатайству Люй Дунбиня Нефритовый император включил Хэ Сяньгу в число бессмертных, и она поднялась на небеса. При этом она так торопилась вознестись, что забыла оставить на земле кухонный черпак из бамбука, который держала в руках, — так уж вышло, что после смерти матери вдовый отец Хэ Сяньгу снова женился и мачеха всячески тиранила

девушку, заставляя часами трудиться на кухне. С этим черпаком Хэ Сяньгу частенько и изображают — ведь она считается покровительницей домашнего хозяйства. Другие ее атрибуты — плетеная корзина с цветами или цветок лотоса, который у китайцев служит символом чистоты.

Цао Гоцзю

Самое высокое происхождение из «Восьми бессмертных» — у Цао Гоцзю. Согласно источнику XIV века, он был сыном первого министра и младшим братом одной из жен императора Жэнь-цзуна, который правил в 1022–1063 годах. Гоцзю — это, в сущности, не имя, а титул, буквально его можно перевести как «Дядя государства».

Существует несколько преданий о приобщении Цао Гоцзю к дао, которые дополняют одно другое. Если отбросить несущественные подробности, то картина вырисовывается такая. Цао Гоцзю с юности отличался скромностью и чистотой помыслов и чувствовал себя не очень уютно при помпезном императорском дворе. Особенно это было заметно в сравнении с его младшим братом Цао Цзинчжи, который вел себя в высшей степени заносчиво, распутничал и даже убил ни в чем не повинного человека — но все это благодаря близости к императору сходило ему с рук. Цао Гоцзю пытался наставить брата на путь истинный, но тщетно. Более того, брат настроился против него и стал вредить ему при каждом удобном случае. Цао Гоцзю испытывал сложные чувства: с одной стороны, он стыдился поведения брата, а с другой — не мог выступить против него. Наконец он решил оставить службу при дворе и податься в монахи.

А в небесных сферах происходили свои события. Бессмертных в ту пору было семь. И вот однажды, когда все семеро собрались на пиру в небесной Стране блаженных, Ли Тегуай заметил, что одно место среди них остается вакантным и хорошо бы заполнить его, чтобы навсегда замкнуть избранный круг. И добавил, что лучшей канди-

датуры, чем Цао Гоцзю, для этого не сыскать. Посовещавшись, бессмертные решили подвергнуть Цао Гоцзю испытаниям.

Тем временем будущий бессмертный уже шествовал в направлении гор, где намеревался жить отшельником. Накануне он распрощался с родными и императорской семьей. Жэнь-цзун предложил ему взять с собой столько золота, сколько потребуется, но Цао Гоцзю отказался, и тогда император велел выдать ему золотую пластину с печатью, которая приравнивала его в праве перемещаться по стране к самому государю. Владел, однако, Цао Гоцзю этой пластиной недолго. Когда лодочник попросил заплатить за переправу через Хуанхэ, он, не задумываясь, достал ее из сумки, чем вызвал жуткий переполох: люди, увидевшие императорскую печать, упали ниц — все, кроме спокойно сидящего нищего даоса. Тот взглянул на Цао Гоцзю, сказал, что нечего пугать простых людей, и посоветовал выбросить в воду императорскую пластину — для монаха абсолютно лишнюю. Цао Гоцзю тут же последовал совету и, таким образом, прошел первое испытание.

Как уже можно догадаться, облик нищего даоса принял один из бессмертных — Люй Дунбинь. Вместе они отправились дальше. Люй Дунбинь в качестве непререкаемого наставника, Цао Гоцзю как почтительный слушатель и ученик. Праведность Цао Гоцзю не подвергалась сомнению, а вскоре к ней добавилась мудрость, которой поделился с ним учитель.

С таким багажом Цао Гоцзю удалился в пещеру и начал жизнь отшельника, помогая всем страждущим. Однажды его посетили под видом таких же, как и он, отшельников Чжунли Цюань и Люй Дунбинь. «Где находится дао?» — спросили они Цао Гоцзю, и он указал на небо. «А где находится небо?» Цао Гоцзю указал на сердце. Это были абсолютно правильные ответы. Гости открыли Цао Гоцзю свои истинные лица, и Чжунли Цюань тут же произвел его в бессмертные.

Цао Гоцзю занял последнее вакантное место, и «восьмерка» сформировалась окончательно. Свежеиспеченный бессмертный получил в свое ведение артистов. Изображают

Цао Гоцзю, как правило, в красной одежде императорского чиновника высокого ранга; в руках он держит бамбуковые трещотки и нефритовую пластину, которая уничтожает любую скверну.

Китайцы приложили немало усилий, чтобы обнаружить земные обитатели бессмертных, но без особого успеха. Хотя, если исходить из даосских верований, таковых имеется аж целых семьдесят две. Самые знаменитые из них — Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу, которые представляют собой острова в бездне Гуйсюй, куда сливаются все воды земных сторон света и Млечного Пути. Деревья на этих островах плодоносят жемчугом и драгоценными камнями священного белого цвета, под ногами стелется трава бессмертных сянь-цао, из нефритовых скал бьет вода долголетия, вкусом напоминающая вино, а в качестве строительного материала используются исключительно золото и нефрит.

Прежде островов было пять, но два, Дайсюй и Юаньцзяо, унесло на север, где они пропали безвозвратно. Зато три оставшиеся теперь прочно покоятся на головах у гигантских черепах. Окружность каждого из них составляет ни много ни мало 30 тысяч ли (15 тысяч километров), тем не менее они, с одной стороны, без проблем располагаются на морских просторах, а с другой — остаются недоступны и даже невидимы для тех, кто пытается их достичь. Одна из экспедиций, посланная императором Шихуанди, основателем династии Цинь и Китайской империи, добралась, казалось, до цели, но увы: за Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу посланцы императора приняли Японские острова... Многие другие экспедиции, отправленные во все концы света, тоже успеха не принесли, хотя и создали китайцам славу великих мореходов.

Острова бессмертных остаются недостижимы по сей день — как и бессмертие для обычных жителей Поднебесной.

И в заключение...

Вот теперь и в самом деле пора поставить точку. Но напоследок цитата — как слабое утешение тем, кто алчет эликсира бессмертия и не желает смириться с необходимостью рано или поздно присоединиться к большинству, которое уже переступило черту и никогда не вернется обратно.

Эти слова приписывают Платону: «Смерть — это не самое худшее, что может произойти с человеком». И то, что Платон этих слов — во всяком случае, в указанном порядке — не писал и не произносил, ничего не меняет и не отменяет.

Смерть — это еще не самое худшее, что может произойти с человеком.

Указатель народов, народностей, племен, этнических групп

- Абхазы*, коренное население Абхазии; численность св. 100 тыс. 121
- Австралийские аборигены, австралийцы*, коренное население Австралии. Численность ок. 160 тыс., в т. ч. ок. 120 тыс. метисы от браков с англоавстралийцами 12—14, 103—105, 122
- Австрийцы*, основное население Австрии; численность ок. 7,5 млн. 178
- Агуаруна*, индейская народность в Западной Амазонии, на территории Перу; численность ок. 40 тыс. 144
- Айны*, древнейшее население Японских островов; численность ок. 30 тыс. 90
- Айорео*, малочисленное индейское племя на границе Парагвая и Боливии 41, 93, 94
- Акпосо, кпосо*, племя в Того, входит в группу близкородственных племен того общей численностью ок. 250 тыс. 117
- Алтайцы*, коренное население Алтая; численность ок. 65 тыс. 19,20
- Амауака*, индейская народность, живущая в верховьях реки Пурус (правый приток Амазонки), на территории Перу и Бразилии; численность ок. 4 тыс. 39
- Амбо*, народ группы банту в Намибии и Анголе; численность немногим более 1 млн. 103, 105
- Арабы палестинские*, часть арабского народа, проживающая в Палестине, Израиле, Иор-

- дании, Ливане; общая численность ок. 9 млн. 16
- Арабы*, группа народов в Азии и Африке; общая численность ок. 170 млн. 16, 123
- Аранда, арунта*, племя аборигенов в Центральной Австралии; численность ок. 2 тыс. 12, 142
- Арекуна*, индейское племя в Гвиане; численность ок. 5 тыс. 75, 76
- Арийские народы, арии*, исторические народы Древнего Ирана и Древней Индии (II—I тыс. до н. э.) 154
- Арикена, кашуяна, варикьяна*, индейское племя в Венесуэле; численность 2—3 тыс. 51, 52
- Аруша*, народ в Кении и Танзании; численность до 100 тыс. 141, 142
- Атаял*, один из коренных народов Тайваня; численность ок. 100 тыс. 48
- Ацтеки*, крупнейшая индейская народность Мексики; численность ок. 800 тыс. 111—113
- Ачилла*, малочисленное племя аборигенов в Центральной Австралии 15
- Ашанти, асанте*, народ в Гане; численность ок. 4 млн. 81—83
- Байнинг*, народ меланезийской группы на острове Новая Британия; численность ок. 20 тыс. 39
- Бамум, банум, мум, мом, шупамен*, народ в Камеруне; численность ок. 150 тыс. 21, 22
- Банабана*, коренное население острова Банабана (Микронезия); численность ок. 300 72—75
- Банар, бана*, народ группы горных кхмеров во Вьетнаме; численность ок. 170 тыс. 125
- Барасана*, малочисленное индейское племя в Колумбийской Амазонии; входит в группу тукано 52
- Бата*, народ в Нигерии и Камеруне, объединяющий этнические группы муби, капсики, хиги, холма и др.; общая численность ок. 300 тыс. 176
- Бачама*, народ в Нигерии; численность до 30 тыс. 78, 79
- Белорусы*, восточнославянский народ, живущий в основном в Белоруссии; общая численность ок. 9,5 млн. 178
- Бецимисарака*, этническая группа малагасийцев, основного населения Мадагаскара; численность ок. 1,4 млн. 124
- Болгары*, основное население Болгарии; общая численность ок. 7,5 млн. 175, 176
- Бонго*, народ, в основном живущий в Судане; численность ок. 170 тыс. 117, 118

- Бондо*, народность на востоке Индии; численность ок. 5 тыс. 76, 77
- Бороро*, индейское племя в Боливии и Бразилии; численность ок. 3 тыс. 98
- Брибри, таламанка*, индейская народность в Коста-Рике, Панаме и Гондурасе; общая численность ок. 6 тыс. 143
- Бугун, кхова*, народность на востоке Индии; численность до 1 тыс. 64, 65
- Буилса*, этническая группа народа груси в Гане и Буркина-Фасо; численность до 50 тыс. 117
- Буряты*, народ в России, Монголии и Китае; общая численность более 600 тыс. 157
- Бушмены*, собирательное название нескольких коренных народов Южной Африки; общая численность ок. 100 тыс. 101—104
- Вавилоняне*, основное население Вавилонии, древнего царства на территории Междуречья во II-I тыс. до н.э. 11
- Ванчо*, народ на востоке Индии; численность ок. 50 тыс. 123
- Варрау*, индейская народность в Венесуэле, Суринаме и Гайане; численность ок. 20 тыс. 64
- Вашо*, индейская народность в США; численность ок. 1,5 тыс. 115
- Венгры*, основное население Венгрии, живут также в Румынии и др. странах; общая численность ок. 11 млн. 179
- Вураджерри*, малочисленное племя аборигенов на юго-востоке Австралии 122
- Вьеты*, основной народ Вьетнама; общая численность ок. 74 млн. 126
- Габриэлино, тонгва*, малочисленная индейская народность в Калифорнии; находится на грани вымирания 148
- Гагу*, народность в Кот-д'Ивуаре; численность ок. 50 тыс. 47
- Галла, оромо*, один из двух основных народов Эфиопии; численность ок. 19 млн. 125—126
- Ганда*, народ группы банту в Уганде; численность ок. 3,3 млн. 68
- Германо-скандинавские народы*, группа родственных народов, занимавших в начале нашей эры территорию между Рейном и Вислой от запада к востоку, Дунаем на юге и Балтийским и Северным морями на севере, а также

- Южную Скандинавию 9, 136, 138, 154
- Гого, вагого*, народ группы банту в Танзании; численность ок. 1,1 млн. 119
- Гонды*, народ в Индии; численность ок. 3,8 млн. 166, 167
- Готтентоты*, народ в Южной Африке; численность ок. 40 тыс. 103, 104
- Греки*, основное население Греции; численность ок. 12,4 млн. 66, 67, 122
- Грузины*, основное население Грузии; общая численность ок. 4 млн. 173—176
- Дагомба, нгвана*, народ на севере Ганы; численность ок. 600 тыс. 117
- Дан, якуба, дьо, гио, нгере, ге, гемма*, народ в Кот-д'Ивуаре и Либерии; численность ок. 650 тыс. 39, 40
- Даяки*, коренное население острова Борнео (Калимантан); численность ок. 3,7 млн. 25, 37, 38, 151
- Десана*, малочисленное индейское племя группы тукано в Колумбийской Амазонии 147
- Джуанг*, народ группы мунда в Индии; численность св. 20 тыс. 29, 30
- Джукун, кланзо, ндама, квана, коророфа, кварарафа*, народ в Нигерии и Камеруне; численность св. 270 тыс. 131
- Динка*, народ группы нилотов на юге Судана; численность ок. 3 млн. 58
- Дханвары*, малочисленное племя в Центральной Индии 164, 165
- Журуна*, малочисленное индейское племя в Восточной Амазонии 149
- Зуньи*, индейская народность в США; численность ок. 7 тыс. 17
- И, лоло*, народ в Китае и Вьетнаме; общая численность ок. 8 млн. 44, 45
- Игбо*, народ в Нигерии и Камеруне; численность ок. 22 млн. 117
- Индийцы*, население Индии; численность св. 1,2 млрд.; 80 процентов индийцев исповедуют индуизм 9—11, 154, 159, 167, 168
- Инта*, этническая группа в Мьянме, живет в свайных поселках на озере Инле; численность ок. 20 тыс. 161, 162
- Иранские народы*, группа народов общего происхождения, живут в Иране, Афганистане, Таджикистане, Пакистане, Турции, Ираке, др. странах; иранцы в современном значении — основное население Ирана 152—154

- Ирландцы*, коренное население Ирландии; численность 3,6 млн.; в США живет 36 млн. потомков выходцев из Ирландии 160
- Исанзу*, народ группы банту в Танзании и Кении; численность ок. 1 млн. 24
- Йомбе*, народ группы банту в Конго; численность ок. 100 тыс. 22, 23
- Кадувео*, малочисленное индейское племя на территории Бразилии и Парагвая 122, 148
- Казахи*, основное население Казахстана; общая численность св. 14 млн. 157
- Калапало*, малочисленное индейское племя в Южной Амазонии 60
- Калмыки*, основное население Калмыкии; общая численность ок. 170 тыс. 158—160
- Камаюра*, малочисленное индейское племя в Южной Амазонии 147
- Камба*, народ группы банту в Кении; численность ок. 3,3 млн. 94, 95
- Капсики*, этническая группа, входящая в народ бата, живущий на территории Камеруна; численность до 50 тыс. 176, 177
- Карадъери, караджерери*, малочисленное племя в Западной Австралии 13, 14
- Каража*, индейская народность в Бразилии; численность ок. 2,4 тыс. 42, 43
- Карелы*, народ в России; общая численность ок. 130 тыс. 49, 50
- Карибы*, группа индейских племен в Южной Америке; общая численность св. 100 тыс. 12
- Кашибо*, малочисленное индейское племя, живущее в верховьях реки Пурус (правый приток Амазонки), на территории Перу и Бразилии 12, 38
- Каяби*, индейское племя в Южной Амазонии; численность ок. 1 тыс. 52
- Каяпо*, индейское племя группы же в Бразилии; численность ок. 6 тыс. 46
- Кенья*, этническая группа даяков; численность ок. 100 тыс. 119
- Кереве*, народ в Танзании; численность ок. 100 тыс. 163, 164
- Кеты, остяки* — малочисленный коренной народ Сибири 159, 160
- Кикуйю, гикуйю, агикуйю*, народ группы банту в Кении; численность вместе с близкородственными народами ок. 6 млн. 85, 86
- Килба*, народ в Нигерии; численность ок. 30 тыс. 77, 78

- Кимберли племена*, малочисленные племена австралийских аборигенов унгариньин, гвини и др., обитающие на плато Кимберли 104
- Китайцы*, основное население Китая; общая численность св. 1,25 млрд. 8, 10, 11, 45, 54, 179—195
- Кламат*, малочисленная индейская народность в США 119, 129
- Коми*, группа народов в России; общая численность ок. 400 тыс. 156
- Коно*, народ в Сьерра-Леоне; численность ок. 130 тыс. 165, 166
- Кора, хора, хота*, индейская народность группы пима в Мексике; численность св. 15 тыс. 142, 143
- Крачи*, народ в Гане; численность ок. 100 тыс. 31—33
- Кубео*, индейская народность в Колумбии и Бразилии; общая численность ок. 2,5 тыс. 143
- Кулин*, малочисленное племя аборигенов на юго-востоке Австралии 122
- Кумандинцы*, народ в России; численность св. 3 тыс. 157
- Кус*, малочисленная индейская народность в США 130
- Кхму*, народ в Лаосе, Таиланде и Вьетнаме; численность ок. 450 тыс. 106
- Лакандоны, масеваль*, народность группы майя в Мексике и Гватемале; численность ок. 0,5 тыс. 59
- Лакхеры*, народность группы куки-чин в Индии и Мьянме; общая численность ок. 50 тыс. 48, 49
- Летуама*, малочисленное индейское племя на северо-западе Амазонии 148
- Литовцы*, основное население Литвы; общая численность ок. 4,2 млн. 96, 123
- Луба*, народ группы банту в Демократической Республике Конго; численность ок. 10 млн. 45, 46, 117
- Луйя*, народ группы банту в Кении; численность ок. 8 млн. 125
- Лунда*, народ группы банту в Демократической Республике Конго, Анголе и Замбии; численность св. 1 млн. 51
- Макиритаре, декуана, сото*, индейская народность группы карибов в Венесуэле и Бразилии; общая численность ок. 4 тыс. 126, 127, 143
- Мальгаши, малагасийцы*, основное население острова Мадагаскар; численность ок. 12,8 млн. 74
- Манжа*, народ в Центрально-Африканской Республике, Камеруне и Демократической Республике

- Конго; общая численность ок. 260 тыс. 94
- Манси*, народ в России; численность ок. 11,5 тыс. 26
- Маньчжуры*, народ в Китае; численность ок. 10,7 млн. 86
- Маори*, коренной народ Новой Зеландии; численность св. 500 тыс. 138—140
- Марги*, народ в Нигерии; численность ок. 60 тыс. 77, 78
- Марийцы*, народ в России, живущий в основном в Республике Марий Эл; общая численность ок. 600 тыс. 156, 170—173
- Матумби*, народ группы банту в Танзании; численность ок. 300 тыс. 68
- Меланезийцы*, группа народов, коренное население островов Меланезии; общая численность 1,7 млн. 12, 38, 39, 55, 95, 96, 141
- Мидзи*, малочисленный народ на северо-востоке Индии, в Гималаях 133, 134
- Мизо, лушеи*, народ группы куки-чин в Индии, Бангладеш и Мьянме; численность ок. 1 млн. 27, 28
- Монго, монго-нкундо, нкундо*, народ в Демократической Республике Конго, объединяющий множество племенных групп; численность св. 5 млн. 79—81
- Монголы*, группа родственных народностей в Монголии и Китае; общая численность ок. 7,3 млн. 157, 180
- Монтанье*, индейский народ группы алгонкинов в Канаде; численность ок. 18 тыс. 61
- Мордва*, народ в России, коренное население Мордовии; общая численность св. 1,1 млн. 156
- Мофу*, народ группы банту в Камеруне; данных о численности нет 60
- Мохаве*, малочисленная индейская народность в США 125
- Мунда*, народ в Центральной и Восточной Индии; общая численность ок. 2 млн. 13, 60
- Мьянма, бирманцы*, основное население Мьянмы (Бирмы); численность ок. 33,5 млн. 103, 106, 161
- Нанайцы*, коренной народ в России и Китае; общая численность ок. 16 тыс. 86, 87
- Нанди*, народ группы календжин в Кении; данных о численности нет 116
- Науатль*, малочисленная группа родственных по языку индейских племен 125
- Негидальцы*, малочисленный народ в Приамурье 86
- Нейо*, народ в Кот-д'Ивуаре; численность ок. 30 тыс. 120, 121
- Ненцы*, народ, населяющий евразийское побережье

- Северного Ледовитого океана; численность св. 40 тыс. 20, 21, 157
- Нзакара*, народ группы банту в Центрально-Африканской Республике; численность ок. 30 тыс. 33
- Ниасцы*, *ниасы*, *ниха*, основное население острова Ниас (Индонезия); численность ок. 600 тыс. 25
- Нивакле*, *чулупи*, *ашлусли*, индейская народность в Парагвае; численность 6 тыс. 147
- Ни-вануату*, собирательное название коренного населения архипелага Новые Гебриды; общая численность ок. 150 тыс. 141
- Нисенан*, исчезающее индейское племя в США; данных о численности нет 114, 115
- Нунгабурра*, малочисленное племя аборигенов на юго-востоке Австралии 105
- Ньоро*, народ группы банту в Уганде; численность св. 500 тыс. 69, 70
- Ньямвези*, народ группы банту в Танзании; численность ок. 4 млн. 151
- Оканаган*, малочисленная индейская народность в США 115, 116
- Она*, исчезнувшая в XX в. индейская народность, обитавшая на крайнем юге Патагонии 12
- Ороки*, малочисленный народ в России, живущий в основном на Сахалине 86
- Орочи*, народ в России; численность ок. 1 тыс. 86
- Офайе*, практически исчезнувшая индейская народность на юге Бразилии 16, 17
- Павиоцо*, малочисленная индейская народность в США 147
- Пайван*, один из коренных народов Тайваня; численность св. 70 тыс. 64
- Палаванцы*, население острова Палаван (Филиппины), в основном австронезийского происхождения; численность св. 750 тыс. 47
- Палау*, основное население островного государства Палау в Тихом океане; численность ок. 15 тыс. 120
- Папаго*, индейская народность в США и Мексике; численность ок. 15 тыс. 135
- Папуасы*, группа народов, древнейшее население острова Новая Гвинея, некоторых районов Индонезии и ряда островов Меланезии; общая численность ок. 5 млн. 38
- Паси*, малочисленный народ на северо-востоке Индии, в Гималаях 16, 107

- Пасхальцы*, население острова Пасхи; численность ок. 3,7 тыс. 56
- Пауни*, индейская народность в США; численность ок. 3,2 тыс. 118
- Пигмеи*, группа народов, обитающих в экваториальных лесах Африки; численность оценивается в диапазоне от 40 до 250 тыс. 127, 128
- Пипи-коро*, народ группы тораджи; численность ок. 120 тыс. 128
- Полинезийцы*, группа родственных народов, населяющих острова Полинезии; общая численность ок. 1,1 млн. 12, 99
- Помо*, индейская народность в США; численность ок. 5 тыс. 107
- Рамкокамекра*, индейское племя группы же в Бразилии; численность ок. 2 тыс. 105
- Рикбакца*, малочисленное индейское племя в Южной Амазонии 59, 60
- Ронга*, народ группы банту в Мозамбике; данных о численности нет 94, 95
- Руанда, баньяруанда*, народ в Руанде, Демократической Республике Конго и Уганде; численность ок. 12,3 млн. 24, 25, 56—58
- Рунди*, народ группы банту, основное население Бурунди; живут также в Демократической Республике Конго, Уганде и Руанде; общая численность св. 8 млн. 42, 56, 58
- Русские*, крупнейший народ России, живут также на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Латвии, др. странах; общая численность ок. 150 млн. 88, 107, 155, 156, 170, 179, 191
- Саката, басаката, дзинг*, группа народов банту в Демократической Республике Конго; численность ок. 250 тыс. 83—85
- Самоанцы*, полинезийский народ, коренное население островов Самоа; общая численность ок. 350 тыс. 23
- Санема*, малочисленное индейское племя в Венесуэле 39
- Секоя*, малочисленное индейское племя в Колумбии 51
- Селькупы*, народ в Западной Сибири; численность ок. 3,6 тыс. 118
- Семанги*, группа племен в Малайзии и Таиланде; численность ок. 8 тыс. 22
- Семинолы*, индейская народность в США; численность ок. 10 тыс. 130

- Сери*, индейская народность в Мексике; численность ок. 0,6 тыс. 115
- Серрано*, малочисленная индейская народность в США 162, 163
- Сетебо*, малочисленная индейская народность в Перу 147
- Сикуюани*, малочисленное индейское племя в Колумбийской Амазонии 35—37
- Сонге*, народ группы банту; данных о численности нет 46
- Сора*, *савара*, *сахра*, народ группы мунда в Индии; численность ок. 500 тыс. 134, 135
- Суруи*, индейское племя в Боливии и Бразилии; численность до 1 тыс. 23, 24
- Суту*, народ в ЮАР, Ботсване и Лесото; численность св. 4 млн. 16
- Тагины*, народ на северо-востоке Индии; численность ок. 30 тыс. 107, 108
- Такелма*, индейская народность в США; исчезла в XX в. 129
- Таманаки*, индейская народность в Гвиане; данных о численности нет 12
- Тараумара*, *таракумара*, индейская народность группы пима в Мексике; численность ок. 60 тыс. 128, 129
- Тболи*, народность на Филиппинах; численность ок. 20 тыс. 98
- Тенетехара*, *гуажажара*, индейская народность на северо-востоке Бразилии; численность ок. 15 тыс. 132
- Тепеуа*, *тепехуа*, индейская народность в Центральной Мексике; численность ок. 6 тыс. 125
- Теуэльче*, собирательное название коренных народов Патагонии; численность ок. 6 тыс. 131
- Тиви*, малочисленное племя аборигенов на севере Австралии 104, 105
- Толаи*, народ меланезийской группы на острове Новая Британия; численность ок. 60 тыс. 39
- Тораджи*, группа родственных народов в горных районах центральной части острова Сулавеси; численность ок. 1,5 млн. 24, 62, 128
- Тофалары*, народ в Восточной Сибири; численность ок. 0,8 тыс. 62, 63, 157
- Трук*, коренное население Каролинских островов в Микронезии; численность ок. 50 тыс. 120
- Трумаи*, малочисленное индейское племя в Южной Амазонии 144, 145
- Тсонга*, народ группы банту в Мозамбике, ЮАР и Зимбабве; численность ок. 3,2 млн. 94, 95

- Тубалары*, народ на Алтае; численность ок. 1,5 тыс. 157
- Тукано*, группа индейских племен в Колумбии, Бразилии, Перу и Эквадоре общей численностью ок. 55 тыс. 52
- Тунгусо-маньчжурские народы*, группа народов на Крайнем Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке в России, а также в Китае и Монголии. Общая численность ок. 100 тыс. 86, 87
- Тюбатулабаль*, малочисленная индейская народность в США 147
- Тямы*, народ во Вьетнаме, Камбодже и Таиланде; общая численность ок. 500 тыс. 12, 53, 54
- Удмурты*, народ в России; общая численность св. 600 тыс. 156
- Удэгейцы*, один из коренных народов Дальнего Востока; общая численность ок. 1,5 тыс. 86, 87
- Уичита, вичита*, малочисленная индейская народность в США, находится на грани вымирания 148
- Уичоли, хуичоли, биррарикас*, индейская народность в Мексике; численность ок. 16 тыс. 110, 111
- Украинцы*, основное население Украины, живут также в России, США, Канаде, др. странах; общая численность ок. 45 млн. 156
- Ульчи*, собирательное название ряда народов Приамурья; общая численность ок. 2,7 тыс. 86
- Умотина*, малочисленное индейское племя в Южной Амазонии 70, 71
- Упото*, народ группы банту в Демократической Республике Конго; данных о численности нет 50
- Фиджийцы*, коренное население Фиджи; численность ок. 350 тыс. 120
- Фипа*, народ группы банту в Танзании, Замбии и Малави; численность вместе с родственными народами ок. 750 тыс. 51
- Фон*, основное население Бенина; численность 3,3 млн. 132, 133
- Французы*, основное население Франции; общая численность ок. 61 млн. 160, 175
- Хайда*, индейская народность в Канаде и США; численность ок. 3 тыс. 124
- Хакасы*, народ в России; численность св. 75 тыс. 157
- Ханты*, народ в России; численность св. 28 тыс. 116, 117
- Харакмбет, машко*, малочисленная индейская народность в Перу 145, 146

- Хикаке*, индейская народность в Гондурасе; численность ок. 1 тыс.; в колониальный период — собирательное название индейских племен на севере Центральной Америки 146
- Хопи*, индейская народность группы пуэбло в США; численность ок. 7 тыс. 108—110
- Цимшиан*, группа индейских народов в Канаде и США; общая численность ок. 11 тыс. 99, 100
- Чагга, джагга*, народ группы банту в Танзании и Кении; численность ок. 2 млн. 15
- Чакобо*, индейская народность в Боливии; численность ок. 0,5 тыс. 61, 62
- Черноногие, сиксика, блэкфут*, индейский народ группы алгонкинов в США и Канаде; численность св. 32 тыс. 99
- Чехи*, основное население Чехии; общая численность ок. 12 млн. 178
- Чиригуано*, индейский народ группы тупи-гуарани в Боливии, Аргентине и Парагвае; численность ок. 15 тыс. 147
- Чироки*, крупнейший индейский народ США; общая численность св. 300 тыс. 129, 130
- Чокто*, индейский народ группы мускогов в США; численность св. 80 тыс. 39
- Чуваши*, народ в России, основное население Чувашии; общая численность ок. 1,6 млн. 156, 172, 173
- Чугач*, малочисленное племя эскимосов на Аляске 26, 27
- Чумаш*, малочисленная индейская народность в США 96, 97
- Шипая*, индейская народность в Восточной Амазонии; данных о численности нет 39, 148, 149
- Шуара, хибара*, группа индейских народов в Эквадоре и Перу; общая численность ок. 75 тыс. 49
- Эве*, народ в Гане, Того и Нигерии; численность ок. 3,1 млн. 131, 132
- Эвенки*, народ в России; численность ок. 35 тыс. 119, 124, 157
- Эвены*, народ в России; численность ок. 20 тыс. 157
- Экои*, народ в Нигерии; численность св. 800 тыс. 96
- Эмбера*, индейская народность в Панаме; численность ок. 15 тыс. 33—35
- Эмбу*, народ в Кении; численность ок. 620 тыс. 119
- Эскимосы*, группа народов в США, Канаде, Гренлан-

- дии и России; общая численность ок. 120 тыс. *26, 40, 41*
- Эстонцы*, основное население Эстонии; общая численность ок. 1,1 млн. *169, 170*
- Юленгоры*, малочисленное племя аборигенов на севере Австралии *12*
- Юма*, индейская народность в США; численность ок. 7 тыс. *25*
- Ягуа*, индейская народность в Перу и Колумбии; численность ок. 3,8 тыс. *52*
- Яка*, народ из группы мака в Конго и Анголе; численность ок. 50 тыс. *97, 98*
- Яномама*, группа индейских народов в Бразилии и Венесуэле; численность ок. 27 тыс. *143, 144*
- Японцы*, основное население Японии; численность ок. 130 млн. *11, 88—91*
- Яуйо*, исчезнувшее индейское племя, жившее на территории современного Перу *12, 38*

Библиография

- Абхазские народные сказки. — М., 1974.
- Авеста. Избранные гимны. — М., 1993.
- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Орочские сказки и мифы. — Новосибирск, 1966.
- Азбелев С. Н., Мещерский Н. А.* Фольклор Русского Устья. — Л., 1986.
- Акаба Л. Х.* У истоков религии абхазов. — Сухуми, 1979.
- Алексеев А. А.* Забытый мир предков. — Якутск, 1993.
- Алексеев Е. А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. — Л., 1967.
- Аннеткова-Шарова Г. Г.* Сказки мамприси. — М., 1966.
- Арутюнов С. А., Светлов Г. Е.* Старые и новые боги Японии. — М., 1968.
- Баглай В. Е.* Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй (доколониальный период). — М., 1998.
- Бакшеев Е. С.* Небесные девы, пернатые одежды. — М., 2004.
- Березкин Ю. Е.* До или после Завета? «Оплеванное творение» и сопутствующие мифологические мотивы в Евразии. Интернет-публикация: [http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin18.htm#_ftnref³](http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin18.htm#_ftnref3)
- Березкин Ю. Е.* Мочика. Цивилизация индейцев северного побережья Перу в I–VII вв. — Л., 1983.

Березкин Ю. Е. Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. № 2. — СПб., 2005.

Березницкий С. В. Мифология и верования орочей. — СПб., 1999.

Бразильские сказки и легенды. — М., 1962.

Вахтин Б. Б., Итс Р. Ф. Эпические сказания народов Южного Китая. — М. — Л., 1956.

Ващенко А. В. Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев. Типология и поэтика. — М., 1989.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск, 1994.

Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии. — М., 1972.

Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. — М., 1958.

Гань Бао. Записки о поисках духов. — СПб., 2004.

Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург, 1995.

Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. — Екатеринбург, 2004.

Грачева Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976.

Грузинские народные новеллы. — Тбилиси, 1974.

Грузинские народные предания и легенды. — М., 1973.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. — М., 1977.

Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. — М., 2004.

Девяткина Т. П. Мифология мордвы. — Саранск, 1998.

Демчинова М. А. Алтайская волшебная сказка. — Горно-Алтайск, 2003.

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. — Л., 1975.

Емельянов В. В. Древний Шумер. — СПб., 2001.

Ермакова Л. М. Ритуальные и космологические значения в ранней японской поэзии. — М., 1988.

Живой в царстве мертвых. Сказки народов Непала. — М., 1971.

- Индонезийские сказки и легенды. — М., 1970.
- Историческая этнография стран Индокитая. — М., 1976.
- История и семиотика индейских культур Америки. — М., 2002.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. — М., 1986.
- Казакова Е. А.* Фольклор манси. — М., 1994.
- Как храбрый Мокеле добыл для людей солнце. Сказки с реки Конго. — М., 1973.
- Калыгин В. П.* Кельтская космология. — М., 2002.
- Карельское народное поэтическое творчество. — Л., 1981.
- Каталог гор и морей (Шань хай цзин). — М., 1977.
- Кербелите Б.* Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. — СПб., 2001.
- Когда улыбается удача. Индийские сказки, легенды и народные рассказы. — М., 1995.
- Кодзики. Записки о деяниях древности. — СПб., 1994.
- Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. — М., 1983.
- Кхмерские мифы и легенды. — М., 1981.
- Лар Л. А.* Мифы и предания ненцев Ямала. — Тюмень, 2001.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. — М., 1994.
- Легенды Австрии. — СПб., 1999.
- Легенды и мифы Севера. — М., 1985.
- Легенды и сказки Древней Японии. — СПб., 2000.
- Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. — Л., 1972.
- Ло Гуаньчжун. Троецарствие. — М., 1984.
- Лукина Н. В.* Мифы, предания, сказки хантов и манси. — М., 1990.
- Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. — М., 1977.
- Маретина С. А.* Змея в индуистской мифологии. — СПб., 2005.
- Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания. — Йошкар-Ола, 1991.
- Медноволосяя девушка. Калмыцкие народные сказки. — М., 1964.
- Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. — М., 1958.

- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. — М., 1995.
- Миф и сказка Африки. — М., 1975.
- Мифологический словарь. — М., 1991.
- Мифы древней Волги. — Саратов, 1996.
- Мифы и предания Вьетнама. — СПб., 2000.
- Мифы и предания папуасов маринд-аним. — М., 1981.
- Мифы и сказки бушменов. — М., 1983.
- Мифы, предания и легенды острова Пасхи. — М., 1978.
- Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. — М., 1986.
- Мифы, предания и сказки фиджийцев. — М., 1989.
- Мифы, сказки и легенды индейцев Северо-западное побережье Северной Америки. — М., 1997.
- Младшая Эдда. — Л., 1970.
- Народные русские сказки, собранные А. Н. Афанасьевым. Т. 1–3. — М., 1958.
- Невский Н. А.* Айнский фольклор. М., 1972.
- Нихон рёйки. Японские легенды о чудесах. — М., 1995.
- Нихон Сёки. Анналы Японии. — СПб., 1997.
- Первый бумеранг. Мифы и легенды Австралии. — М., 1980.
- Пинегина М., Коненкин Г. и др.* Эвенкийские сказки. — Чита, 1952.
- Погребенные царства Китая. — М., 1998.
- Пропи В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1946.
- Пу Сунлин.* Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных. — М., 1988.
- Рак И. В.* Мифы Древнего Ирана. — Екатеринбург, 2006.
- Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980.
- Рассадин В. И.* Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор. — Иркутск, 1996.
- Рассказы у светильника. Китайская новелла XI–XVI веков. — М., 1988.
- Редько-Добровольская Т. И.* Япония: боги и герои. — М., 1995.
- Ригведа. — М., 1972.

- Рочев Ю. Г.* Коми предания и легенды. — Сыктывкар, 1984.
- Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология: символ и архетип. — Новосибирск, 1991.
- Седова П. А.* Легенды и предания мордвы. — Саранск, 1982.
- Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания. — Элиста, 2004.
- Сингальские сказки. — М., 1985.
- Сказание о Лионго Фумо. Сказки народов Африки. — М., 1962.
- Сказания древней Чехии. — М., 2000.
- Сказки и мифы народов Филиппин. — М., 1975.
- Сказки и мифы Океании. — М., 1970.
- Сказки народов Анголы. — М., 1975.
- Сказки народов Бирмы. — М., 1976.
- Сказки народов Европы. — М., 1994.
- Сказки народов Индии. — Л., 1976.
- Сказки народов Судана. — М., 1968.
- Старшая Элда. — М. — Л., 1963.
- Сыма Цянь.* Исторические записки. В 9 т. — М., 1972–2010.
- Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. — М., 1989.
- Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы древней Индии. — М., 1982.
- Токарев С. А.* Религии в истории народов мира. — М., 1986.
- Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. — М., 1983.
- Фольклор островов Мьянма. — М., 1978.
- Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. — М., 1984.
- Фрэзер Д. Д.* Фольклор в Ветхом Завете. — М., 1985.
- Хисматулин А. А., Крюкова В. Ю.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. — СПб., 1997.
- Хомич Л. В.* Ненцы. — М. — Л., 1966.
- Циркин Ю. Б.* Мифы Финикии и Угарита. — М., 2000.
- Чунакова О. М.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. — М., 2004.

Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. — М., 1964.

Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. — М., 2002.

Элиаде М. Религии Австралии. — СПб., 1998.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. — М.: Наука, 1987.

Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. — М., 1981.

Японские народные сказки. — М., 1991.

Интернет-ресурсы

Авторская иллюстрированная мифологическая энциклопедия.
<http://mifolog.ru>

Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>

Мифологическая энциклопедия. <http://www.mifenc.ru>

Мифы и легенды народов мира. <http://www.legendami.ru>

Мифы народов мира. <http://www.mifinarodov.com>

Народы мира. <http://www.etnolog.ru>

Энциклопедия мифологии. <http://godsbay.ru>

Энциклопедия мифологических существ. <http://www.avataram.ru/mythology/mythology.html>

Содержание

От автора 5

Начиналось все хорошо...

Что было раньше: жизнь или смерть? 7

Смерть как фундамент мироздания. 9

Обновление через умирание и оживление. 12

Сестры Ваувалук и братья Багадьимбири 12

Утрата пути на небо 13

Смерть по прецеденту. 15

За что?! 16

Творцы-разгильдяи

О небесной бюрократии 19

Яйца даяков 22

Люди из глины и камня. 26

Хотели как лучше... 29

Люди-самострелы

Недреманное око 31

Приключение на одно место. 33

Падение Калиевирнэ	35
Яйца даяков, часть вторая	37
Меняем бессмертие на еду	40
Индийский Сусанин	42
Тыквенные люди.	44
Кузнецы своего несчастья	46
Всё проспали....	50
Не прошедшие испытания	51

Ищите женщину!

Большие проблемы от малой нужды	53
Хитрая Хэн Э, чадолюбивая Берангаат и трудяга Нуахине	54
Спасительницы смерти.	56
И жадные, и изменщицы, и просто злые	58
Хиханьки да хаханьки.	62
Наказание женщиной.	64
Упертая Намби и рассеянная Мужонде	68
Жизнь со звездой	70

Мужские поступки

Герои с острова Банаба.	72
Свобода не продается	75
Непокоренные бондо	76
Брат за брата	77
Мукуфи и монго	79
Главное — не плакать	81
Конец людоеда	83
Тунгусо-маньчжурский Павлик	86

Японские страсти

Дева Долговечности Скал	88
Ивовые айны.	90
Кипящее масло как средство от чертовщины.	91

На спортивных площадках

Игра краплеными картами	93
Скачки в Долине смерти	97
Помет в воде не тонет.	98

Лицемерная луна и прожорливое солнце

Бушмены и зайцы	101
Всходит Месяц обнаженный...	103
Пугливые солнца	106
Распутный герой.	108
А кто за свет платить будет?	110
Самопожертвование богов	111

Вредные и очень вредные животные

Деяния семейства псовых	114
Крот, посланник солнца	118
Парно- и непарнокопытные	120
Птицы	122
Пресмыкающиеся	125
Жабы и лягушки	127
«Поджаривающий покойников».	129
Водомерки, тараканы и муравьи	130
Пауки	131
Шершень и дохлая собака	133
И примкнувшие к ним черви	134

Наказание за уголовщину

Полный Рагнарёк...	136
Дети за отцов отвечают...	138
Было дело на Гебридах	140
Не рой яму другому...	141
Индийские шалости	143
Нарушители табу	146

Без вины виноватые

Яйца даяков, часть третья	151
Сакральный инцест	152
Оскверненные и вывернутые наизнанку	155
Злой дух о двух головах	158
Корень жизни	161
Гамбит мертвецов	162
Бессмертный Смерть	163
Шанс от Шивы.	166

Верните смерть — мы все простим!

Если жизнь не в радость	169
Невидимые метки	172
Праздник великодушия.	173

«Восемь бессмертных»

Чжунли Цюань.	179
Ли Тегуай	183
Люй Дунбинь.	185
Хань Сянцзы	187
Чжан Голао	189
Лань Цайхэ	190
Хэ Сяньгу	191
Цао Гоцзю	193

И в заключение...	196
-----------------------------	-----

<i>Указатель народов, народностей, племен, этнических групп . . .</i>	<i>197</i>
---	------------

<i>Библиография</i>	<i>210</i>
-------------------------------	------------

П30 **Петров В.**
Древняя история смерти / Владислав Петров. — М. : Ломоносовъ, — 2012. — 224 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-130-4

Как возникла смерть? Кто создал ее и зачем? Кто управляет ею и можно ли ее одолеть? И если можно — то как? И что вообще такое смерть — нелепая оплошность судьбы, которую можно исправить, или кара за прегрешения и вины человеческие, которые не искупить никак и никогда? Все эти вопросы мучили людей с того самого момента, когда они осознали себя людьми. Кого только они не винили в появлении смерти: божественных творцов, которые создали человека недостаточно прочным, злые силы, которые коварно мешали процессу творения, солнце и луну, капризно препятствующих бессмертию, всевозможных животных, желавших единолично владеть земными и водными угодьями...

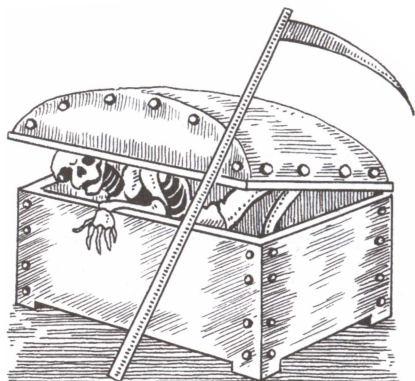
Писатель и историк Владислав Петров просеял сотни мифов самых разных народов — от американских индейцев до австралийских аборигенов, от коренных народов Крайнего Севера до бушменов на юге Африки. В итоге получилась книга, посвященная, с одной стороны, представлениям о смерти, которые существовали на заре человеческой цивилизации, а с другой — самой человеческой природе, которая с тех пор, похоже, не очень изменилась.

УДК165.9
ББК82.3(0)

История. География. Этнография

Владислав Петров

Древняя история смерти

Редактор М. Кузьмин
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 19.01.2012.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 14. Тираж 1500 экз. Заказ № 7698.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский, д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.оаомпк.ru, www.оаомпк.рф

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ

Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ

ФРЭНСИС ДРЕЙК и УИЛЬЯМ ДАМПИР

Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ

Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК

Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА

Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА

Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ

Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ

Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА:
ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...

Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА

Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ

Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА И ЛЮБОВНИЦА

Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН
ИСТОРИЧЕСКИЙ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ

Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

НАШ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ПАРТНЕР

Р А Д И О

ГОВОРИТ
МОСКВА 92,0_{FM}

Владислав
Петров
Древняя
история смерти

Как возникла смерть? Кто создал ее и зачем? Кто управляет ею и можно ли ее одолеть? И если можно — то как? И что вообще такое смерть — нелепая оплошность судьбы или кара за прегрешения и вины человеческие, которые не искупить никак и никогда? Все эти вопросы мучили людей с того самого момента, когда они осознали себя людьми. Кого только они не винили в появлении смерти: божества, которые создали человека недостаточно прочным, злые силы, которые коварно мешали процессу творения, солнце и луну, препятствующих бессмертию, всевозможных животных, желавших единолично владеть земными и водными угодьями...

Книга писателя и историка Владислава Петрова посвящена представлениям о смерти, которые существовали на заре человеческой цивилизации. Автор рассказывает о преданиях и легендах разных народов — от американских индейцев до австралийских аборигенов, от коренных народов Крайнего Севера до бушменов на юге Африки — и сообщает об этих народах немало любопытного.

ISBN 978-591-678-130-4

9 785916 781304